

== ДОМ ==

СТРАННЫХ ДЕТЕЙ

— РЕНСОМ РИГГЗ —

Annotation

Шестнадцатилетний Джейкоб с детства привык к рассказам своего деда о его юности на далеком уэльском острове, в приюте для странных детей: о чудовищах с тройными языками, о невидимом мальчике, о летающей девочке... Единственным побочным эффектом этих выдумок были ночные кошмары, мучившие подростка. Но однажды кошмар ворвался в его жизнь, убив деда наяву...

- [Ренсом Риггз](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 -
 - [Список фотографий](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Ренсом Риггз

Дом странных детей

*Сна нет, и смерти тоже нет.
Те, кто как будто умер, живы.
И отчий дом,
И други юности далекой,
Старик и дева,
Упорный труд и все его плоды
Обречены исчезнуть,
Превратясь в легенду.*

Ральф Уолдо Эмерсон

Пролог

Не успел я принять тот факт, что меня ждет самая обыкновенная жизнь, как начали происходить совершенно незаурядные события. Первое из них стало для меня ужасным потрясением, и как все, что меняет нас раз и навсегда, раскололо мою жизнь на две части: До и После. Как и многие последующие сверхъестественные происшествия, оно непосредственно касалось моего деда, Абрахама Портмана.

Сколько себя помню, дедушка Портман всегда был для меня самым удивительным человеком из всех, кого я знал. Он рос в сиротском приюте, сражался на войне, преодолевал океаны на пароходах и пустыни на лошадях, выступал в цирках, знал все на свете об оружии и самообороне и говорил как минимум на трех языках помимо английского. Мальчишке, никогда не выезжавшему за пределы Флориды, все это казалось невообразимой экзотикой, и стоило мне его увидеть, как я принимался осаждать его просьбами попотчевать меня своими увлекательными историями. Он никогда мне не отказывал, излагая их с таким видом, будто делился секретами, которые можно было доверить только мне и никому более.

Когда мне исполнилось шесть лет, я решил, что мой единственный шанс вести жизнь хотя бы наполовину такую же увлекательную, как у дедушки Портмана, заключается в том, чтобы стать путешественником. Он всячески меня поощрял и проводил со мной целые дни, сгорбившись над картой мира и с помощью цепочки красных булавок разрабатывая маршруты воображаемых экспедиций. Попутно дедушка рассказывал о том, какие удивительные открытия мне предстоит когда-нибудь совершить. Я не делал секрета из своих честолюбивых планов и расхаживал по дому, прикладывая к одному глазу картонную трубу и громко восклицая: «По курсу земля!» и «Приготовиться к высадке!» Когда моим родителям это надоедало, они выставляли меня в сад. Думаю, они боялись, что дедушка заразит меня неизлечимой мечтательностью, от которой я уже никогда не смогу оправиться, и что все эти фантазии не позволят мне посвятить себя более практичным занятиям. И вот однажды мама усадила меня рядом с собой и объяснила, что я не смогу стать первооткрывателем, потому что в мире не осталось ничего неоткрытого и неизведанного. Мне следовало родиться в другом веке. Узнав, что опоздал, я почувствовал себя обманутым.

Еще обиднее мне стало, когда я узнал, что самые интересные из рассказов дедушки Портмана просто не могут быть правдой. Наиболее фантастические истории он рассказывал о своем детстве. Например, о том, что родился в Польше, но, когда ему исполнилось двенадцать, его привезли в детский дом в Уэльсе. Когда я спрашивал, почему ему пришлось уехать от родителей, он неизменно отвечал: потому что за ним охотились чудовища. По его словам, Польша буквально кишела чудовищами.

— Какими чудовищами? — широко раскрыв глаза, спрашивал я.

Этот вопрос я повторял очень часто.

— Ужасные сгорбленные чудовища с гниющей кожей и черными глазами, — отвечал дед. — А ходили они вот так!

С этими словами он тяжело плелся за мной подобно чудищам из старых фильмов, а я, громко хохоча, убегал прочь.

Каждый раз он добавлял к их образам все новые отвратительные подробности. От этих мерзких существ разило, как от разлагающихся отбросов. Они были невидимы, и заметить их можно было только по тени. В их ртах таились целые гнезда извивающихся щупалец, которые могли в одно мгновение будто выстрелить и тут же втащить жертву в пасть с мощными челюстями. Вскоре у меня появились проблемы со сном. Мое сверхактивное воображение превращало звук проезжающих по мокрому асфальту шин в чье-то затрудненное дыхание прямо у моего окна, а тени под дверью — в жгуты черно-серых щупалец. Я боялся этих чудовищ, но гордился дедушкой, который не только сражался с ними, но и победил их, оставшись в живых.

Еще более фантастическими были его рассказы о жизни в уэльском детском доме. По его словам, это было зачарованное место, созданное специально для того, чтобы оберегать детишек от чудовищ, и находилось оно на острове, где каждый день светило солнце и никто никогда не болел и не умирал. Все жили вместе в большом старом доме, охраняемом древней мудрой птицей. Во всяком случае так утверждал дедушка. По мере взросления я, однако, начинал сомневаться в правдивости его рассказов.

— А какая птица их охраняла? — спросил я, когда мне было лет семь, и скептически поглядел на него через карточный стол, за которым он только что позволил мне выиграть у него в «Монополию».

— Большая хищная птица, которая курила трубку, — ответил он.

— Дедушка, ты, наверное, думаешь, что я совсем глупый.

Он пролистал свою серьезно поредевшую пачку оранжевых и синих денег.

— Я не способен так о тебе думать, Якоб.

Я понял, что обидел его, потому что он произнес это с заметным польским акцентом, от которого ему так и не удалось окончательно избавиться и который особенно сильно проявлялся в минуты волнения. В итоге «способен» прозвучало как «спосопен», а «думать» как «тумать». Мне стало стыдно, и я решил задать ему следующий вопрос.

— Почему чудовища на вас охотились? — поинтересовался я.

— Потому что мы были не такими, как другие люди. Мы были странными.

— В каком смысле странными?

— У всех были разные странности, — пожал плечами он. — Одна девочка умела летать, в теле другого мальчика жили пчелы... Еще там были брат и сестра, которые могли поднимать и удерживать над головой огромные валуны.

Мне никак не удавалось понять, насколько серьезно он говорит. Но вроде бы мой дедушка не слыл шутником. Увидев сомнение на моем лице, он нахмурился.

— Ну хорошо, ты можешь не верить мне на слово, — произнес он. — У меня есть фотографии!

Оттолкнув назад садовый стул, он вошел в дом, оставив меня на веранде. А минуту спустя вернулся, сжимая в руках большую коробку из-под сигар. Я наклонился, чтобы получше разглядеть четыре помятых, пожелтевших снимка, которые он извлек на свет.

Первая фотография изображала нечто похожее на костюм, в котором... никого не было. Если допустить, что там кто-то был, то у этого человека не было головы.

— Конечно, у него есть голова! — улыбаясь, заверил меня дед. — Только ее не видно.

— Почему? Он что, невидимый?

— Ого! Да ты у нас мозговитый малый! — Дед приподнял брови, как будто я поразил его своими дедуктивными способностями. — Его звали Миллард. Забавный парень. Иногда он говорил: «Слышь, Эйб, а я знаю, что ты сегодня делал». И действительно мог рассказать, где ты был, что ел, ковырялся ли в носу, когда думал, что тебя никто не видит. Он часто ходил за кем-нибудь, тихий как мышь и совершенно голый, чтобы его не увидели, и наблюдал. — Дед покачал головой. — Подумать только!

Он подал мне другое фото и, подождав, пока я его рассмотрю, поинтересовался:

— Ну? Что ты видишь?

— Маленькую девочку.

— И?

— У нее на голове корона.

Он постучал пальцем по нижней части снимка.

— Как насчет ее ног?

Я присмотрелся повнимательнее. Ноги девочки не касались земли. Но она не подпрыгнула. Она как будто парила в воздухе. От удивления я открыл рот.

— Она летает!

— Вроде того, — кивнул дедушка. — Она левитирует. Только малышка не очень хорошо управляла своими способностями, поэтому иногда нам приходилось обвязывать ее веревкой, чтобы она никуда не улетела!

Я неотрывно смотрел на странноватое кукольное личико девочки.

— Это настоящая фотография?

— Конечно, настоящая, — ворчливо ответил дедушка, забирая у меня снимок и заменяя его другим, на котором тощий паренек держал над головой огромный валун.

— Виктор и его сестра были не слишком умны, — прокомментировал дед, — но какими же они были сильными!

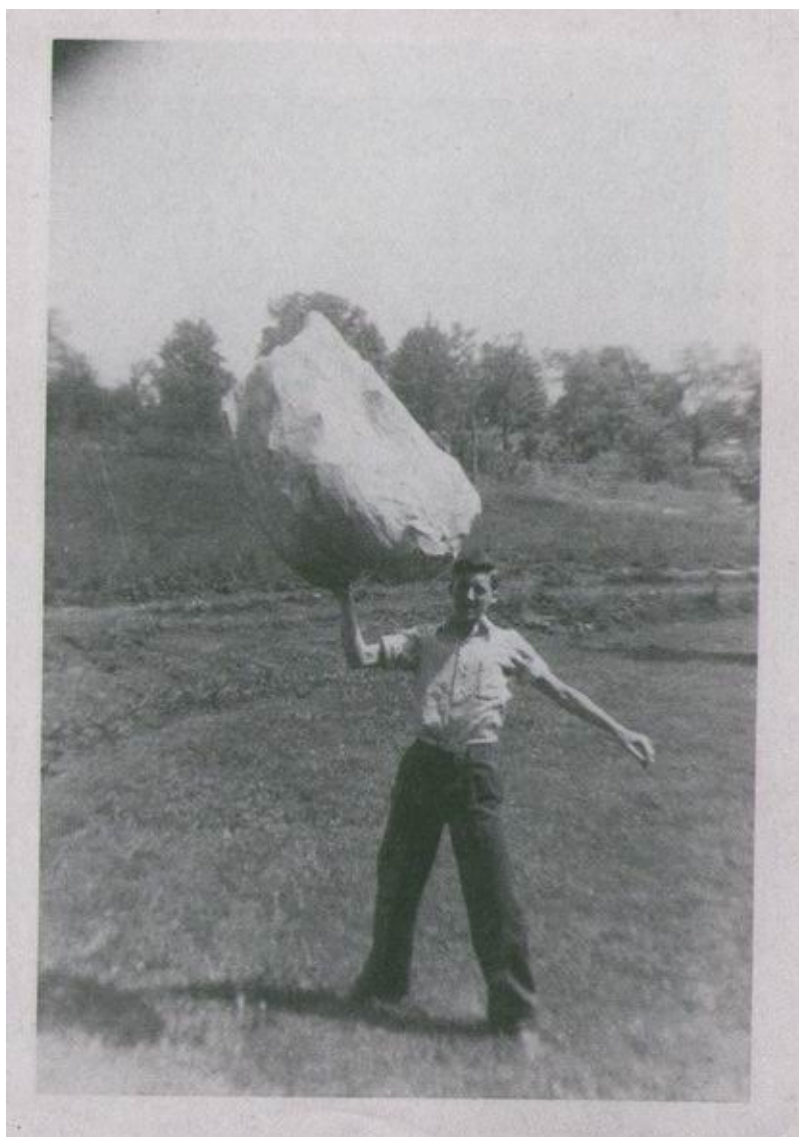
— *С виду* он совсем не сильный, — произнес я, разглядывая щуплые руки подростка.

— Можешь поверить мне на слово — он был невероятно силен. Однажды я попробовал соревноваться с ним в армрестлинге, и он едва не оторвал мне руку!

Но самой странной оказалась последняя фотография. На ней был запечатлен затылок чьей-то головы, на котором кто-то нарисовал лицо.

Я молча смотрел на этот снимок, а дедушка Портман рассказывал:

— Видишь ли, у него было два рта. Один впереди и один сзади. Поэтому он так и растолстел!

— Но это подделка! — возразил я. — Это нарисованное лицо.

— Конечно, лицо ненастоящее. Его нарисовали для циркового представления. Но говорю тебе, у него действительно было два рта. Ты мне не веришь?

Я размышлял, глядя то на снимки, то на серьезное открытое лицо дедушки. Зачем ему врать?

— Я тебе верю, — кивнул я.

И я действительно ему верил. Во всяком случае на протяжении нескольких лет. Впрочем, в основном потому, что я хотел ему верить, так же, как другие дети моего возраста хотели верить в Санта-Клауса. Мы

держимся за свои сказки до тех пор, пока цена веры в них не становится слишком высокой. Для меня это произошло во втором классе, когда во время ланча Робби Дженсен принялся дразнить меня перед столиком, за которым сидели девчонки, и объявил всем, что я все еще верю в фей. Это было расплатой за то, что я повторял в школе дедушкины рассказы. В эти унижительные секунды я увидел, как прозвище «зачарованный мальчик» тащится за мной из класса в класс, и, хотя это было совершенно незаслуженно, обиделся на деда.

В тот день дедушка Портман забрал меня из школы, как он делал довольно часто, когда мои родители были на работе. Я забрался на заднее сиденье его старенького «понтиака» и объявил, что больше не верю в его сказки.

— Какие сказки? — переспросил он, глядя на меня поверх очков.

— Сам знаешь. Те самые. О странных детишках и чудовищах.

Он, похоже, растерялся.

— Я не рассказывал тебе никаких сказок.

Я сообщил ему, что выдуманная история и сказка — это одно и то же, и что сказки рассказывают малышам, которые еще писают в штанишки, и что его фотографии — это подделка, а истории — сплошной обман, и мне это отлично известно. Я ожидал, что он рассердится или начнет спорить, но он произнес: «Как скажешь» и тронул машину с места. Вот и все. Больше мы к этой теме не возвращались.

Думаю, он этого ожидал. Рано или поздно я должен был вырасти из детской веры в чудеса. Но из-за того, что он даже не попытался убедить меня в подлинности своих историй, я почувствовал себя обманутым. Я не мог понять, зачем он все это придумал, зачем заставил меня поверить, что на свете бывает то, чего на самом деле быть не может. Лишь несколько лет спустя папа мне все объяснил. Когда он был маленьким, дедушка тоже рассказывал ему свои страшилки. На самом деле они были не ложью, а лишь утрированной правдой. История детства дедушки Портмана оказалась далеко не сказкой. Она была самым настоящим кошмаром.

Мой дедушка стал единственным членом своей семьи, которому удалось бежать из Польши до начала Второй мировой войны. Ему было всего двенадцать лет, когда родители посадили его в поезд, отправив к совершенно незнакомым людям в Британию. У мальчика не было ничего, кроме детского чемоданчика. И он уже никогда не вернулся на родину. В Польше у него остались мама и папа, старшие братья, кузены и кузины, тетки и дядья, но никого из них он больше не увидел. Все они умерли прежде, чем ему исполнилось шестнадцать. Их убили те чудовища, от

которых мальчик едва успел спастись. Но это были вовсе не чудища с гниющей кожей и щупальцами во рту, которых способно породить воображение семилетнего ребенка. Это были марширующие рядами монстры в элегантной военной форме. Они выглядели настолько обыденно, что, когда ты понимал, кем они являются на самом деле, бывало уже слишком поздно.

Так же, как истории о монстрах, правдой, щедро приукрашенной фантазиями, оказались и рассказы о зачарованном острове. По сравнению с теми ужасами, что творились в Европе, детский дом, принявший моего дедушку, должно быть, представлялся ему раем. Поэтому в его воспоминаниях он и превратился в надежное пристанище, где всегда было лето и где ангелы-хранители оберегали особенных детей, которые *на самом деле* не умели летать, не превращались в невидимок и не поднимали валунов. Странность, за которую их преследовали, заключалась в том, что все они были еврейскими детьми. Сиротами, выброшенными на тот маленький остров волнами крови, затопившими Европу. И удивительными их делали вовсе не фантастические способности. Чудом было то, что им удалось избежать гетто и газовых камер.

Я перестал просить дедушку рассказывать мне его истории. Думаю, в глубине души он был этому даже рад. Тайна плотной стеной окружила подробности его детства и юности. Я не хотел беречь его раны. Он прошел сквозь ад и имел право на тайны. Мне было стыдно, что я когда-то завидовал ему. Цена увлекательной судьбы была слишком высока, и я благодарил небо за свою обычную жизнь, в которой не было места чудесам и которую я получил в дар, ничем не жертвуя.

Однажды, когда мне исполнилось пятнадцать лет, произошло необычайное и ужасное событие. И моя собственная история раскололась на До и После.

Глава первая

Последний день моей жизни «до» я провел, сооружая копию Эмпайр-Стейт-билдинг из коробок памперсов для взрослых. В масштабе 1:10 000. Это была изумительная конструкция, не менее пяти футов в основании. Она возвышалась над входом в отдел косметики и считалась бы самым совершенством, если бы не одна жизненно важная деталь.

— Ты использовал памперсы «Неверлик», — вздохнула Шелли, со скептическим выражением лица обозревая мое творение. — А распродажа объявлена на «Стей-Тайт».

Шелли была менеджером магазина, ее сутулые плечи и кислое выражение лица представляли собой такую же неотъемлемую часть униформы, как и синие тенниски, которые мы все были вынуждены носить.

— Я думал, ты сказала «Неверлик», — возразил я, потому что так оно и было.

— «Стей-Тайт», — настаивала она, трясая головой с таким сожалением, как если бы моя башня была покалеченной скаковой лошадью, а она держала в руке пистолет с перламутровой рукоятью.

Последовало краткое неловкое молчание — она не переставала трясти головой и переводить взгляд с меня на башню и обратно. Я тупо смотрел на нее, как будто не понимая, что означают ее пассивно-агрессивные намеки.

— А-а-а-а-а, — наконец протянул я. — Ты хочешь, чтобы я все это переделал?

— Если бы ты не взял «Неверлик»... — повторила она.

— Не проблема. Я сейчас же возьмусь за это и все переделаю.

Носком черной форменной туфли я подковырнул одну-единственную коробку из фундамента башни. В мгновение ока великолепное сооружение рухнуло, во все стороны разметав коробки с памперсами. Те покатались по полу, отскакивая от ног испуганных покупателей, а некоторые долетели до автоматических дверей, заставив их распахнуться и впустить в магазин волну августовской жары.

Лицо Шелли налилось цветом спелого граната. Ей следовало бы меня немедленно уволить, но я знал, что на это можно и не надеяться. Я все лето пытался добиться того, чтобы меня уволили из «Смарт-Эйд», и убедился в том, что это почти невозможно. Я постоянно опаздывал, приводя в свое оправдание самые неуважительные причины, возмутительно ошибался, давая сдачу, а раскладывая товары по полкам, преднамеренно клал их не

туда, куда нужно. Лосьоны у меня стояли рядом со слабительным, а противозачаточные средства красовались среди детских шампуней. Я редко шел к цели с таким упорством, но какую бы вопиющую некомпетентность я ни демонстрировал, Шелли так же упорно держала меня в штате.

Однако вышеизложенное нуждается в уточнении. Все это касалось исключительно *меня*. Любого другого сотрудника мигом уволили бы из «Смарт-Эйд» за гораздо менее серьезные нарушения дисциплины. Это стало для меня первым уроком политики. В моем родном, маленьком и сонном курортном городке Инглвуд имеется три точки «Смарт-Эйд». В округе Сарасота их двадцать семь, а во всей Флориде сто пятнадцать. Сеть этих парфюмерных магазинов расползлась по всему штату подобно какой-то неизлечимой сыпи. А причина, по которой меня не могли уволить, заключалась в том, что все до единого магазины принадлежали моим дядьям. А сам я не мог уйти, потому что не имел права нарушать освященную десятилетиями семейную традицию, гласившую: первой работой всех членов семьи просто обязана стать работа в сети «Смарт-Эйд». Все, чего мне удалось достичь в ходе упорной кампании по самосаботажу, сводилось к враждебности со стороны Шелли и глубокой стойкой неприязни со стороны коллег. Впрочем, будем смотреть правде в лицо — мне в любом случае ни на что другое и рассчитывать не стоило. Ведь сколько бы рекламных экспозиций я ни разрушил, скольких бы покупателей ни обсчитал, мне все равно, в отличие от них, предстояло унаследовать солидный кусок компании.

* * *

Шелли преодолела барханы из подгузников и, ткнув пальцем мне в грудь, собралась было произнести что-то суровое, как вдруг ее опередила система громкой связи.

— Джейкоб, вам звонят по второй линии. Джейкоб, вторая линия.

Она свирепо на меня уставилась, а я попятился и бросился бежать, оставив Шелли с ее гранатовым лицом посреди развалин моей башни.

* * *

Комната для сотрудников представляла собой сырое помещение без окон, в котором я застал фармацевта Линду. Озаряемая сиянием автомата с

прохладительными напитками, она жевала бутерброд и при виде меня кивнула в сторону телефона.

— Тебя ждут на второй линии. Кто бы это ни был, он перепуган насмерть.

Я взял болтающуюся у стены трубку.

— Якоб, это ты?

— Привет, дедушка.

— Якоб, слава Богу! Мне нужен ключ. Где мой ключ? — тяжело дыша, спросил он.

Дед явно был очень расстроен.

— Какой ключ?

— Не валяй дурака! — резко ответил он. — Ты прекрасно знаешь, какой ключ.

— Наверное, ты сам его куда-то положил и забыл.

— Тебя подговорил отец, — вздохнул он. — Просто скажи мне. Ему об этом знать необязательно.

— Никто меня не подговаривал. — Я попытался сменить тему разговора. — Ты сегодня принимал лекарства?

— Они за мной придут, ты это понимаешь? Я не знаю, как они меня нашли. Прошло столько лет. Но им это удалось. Чем прикажешь от них отбиваться? Этим чертовым ножом для масла?

Подобные разговоры я слышал не впервые. Мой дедушка старел и, надо было честно себе в этом признаться, постепенно выживал из ума. Поначалу признаки его слабоумия были едва заметны. К примеру, он мог назвать мою маму именем тети или забыть сходить за продуктами. Но за это лето его состояние резко ухудшилось. Фантастические истории, которые он рассказывал о своей жизни во время войны и в которых шла речь о чудовищах и заколдованном острове, стали для него угнетающе реальными. На протяжении последних недель его возбуждение нарастало, и мои родители, опасаясь того, что он представляет угрозу для самого себя, начали всерьез задумываться о помещении его в специальный пансионат. По какой-то непонятной причине с подобными апокалиптическими заявлениями он звонил только мне.

Я, как обычно, попытался его успокоить.

— Тебе ничто не угрожает. Все хорошо. Я привезу какой-нибудь фильм, и мы вместе его посмотрим. Как тебе такая идея?

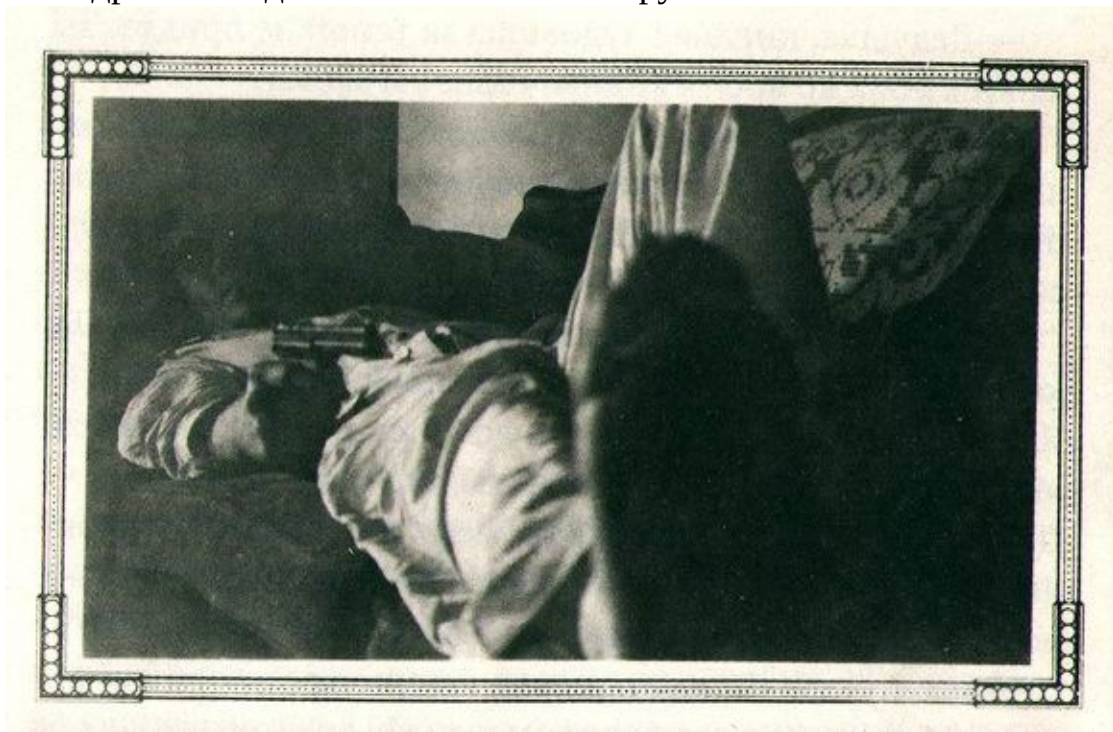
— Нет! Оставайся там, где ты находишься. Здесь небезопасно.

— Дедушка, никакие чудовища за тобой не придут. Ты их всех убил во время войны. Разве ты забыл?

Заметив, что Линда только делает вид, что читает модный журнал, а сама бросает на меня любопытные взгляды, прислушиваясь к столь странному разговору, я отвернулся лицом к стене.

— Не всех, — отозвался дедушка. — Нет, нет, нет. Да, конечно, я убил очень многих, но они все лезут и лезут. — Я слышал, как он мечется по дому, со стуком выдвигая ящики и хлопая дверцами. Он был в полном отчаянии. — Держись подальше отсюда, ты меня слышишь? Я справлюсь. Я отрежу их языки и выколю им глаза. Этого вполне достаточно! Если бы я только мог найти этот чертов КЛЮЧ!

Упомянутый ключ открывал замок огромного сейфа, расположенного в дедушкином гараже. Внутри находился целый склад ружей, пистолетов и ножей, которых хватило бы, чтобы вооружить небольшой отряд ополчения. Дед полжизни потратил на то, чтобы собрать эту коллекцию, для чего ездил на всевозможные оружейные выставки, порой расположенные далеко за пределами нашего штата. Временами он выезжал на охоту и на стрельбища, куда таскал за собой и семью, совершенно не желающую учиться стрелять. Он так любил свои пистолеты, что иногда и спал с ними. Однажды папа показывал мне старую фотографию, на которой дедушка Портман дремал на диване с пистолетом в руке.

Когда я спросил у папы, почему дедушка так обожает оружие, он пояснил, что с людьми, которые воевали или пережили травмирующие психику события, так иногда бывает. Наверное, после всего, через что ему

пришлось пройти, дедушка Портман уже нигде не чувствовал себя в безопасности. Даже дома. Ирония ситуации заключалась в том, что теперь, когда его сознанием завладели галлюцинации и паранойя, это стало правдой. Даже дома ему угрожала опасность, исходившая прежде всего от его собственного оружия. Именно поэтому папа и спрятал ключ.

Я снова солгал деду, повторив, что не знаю, где лежит ключ. В трубке продолжал раздаваться топот и стук. Дедушка Портман в отчаянии метался по дому в поисках пропажи.

— Фух! — наконец выдохнул он. — Пусть ключ останется у твоего папочки, раз он так ему нужен. Только в придачу он получит и мой труп!

Я как можно вежливее окончил разговор и перезвонил отцу.

— Дедушка съезжает с катушек, — сообщил я ему.

— Он принимал сегодня пилюли?

— Он мне этого не сказал. Но, судя по всему, нет.

Папа вздохнул.

— Ты не мог бы съездить и присмотреть за ним? Я пока не могу отлучиться с работы.

Мой папа работал волонтером в организации по спасению птиц, где помогал выхаживать белых цапель, сбитых машинами, и пеликанов, проглотивших рыболовные крючки. Он был орнитологом-любителем и будущим писателем-натуралистом, в доказательство чего в его столе скопилась целая кипа неопубликованных рукописей. Все это могло считаться настоящей работой лишь при наличии жены, семья которой по чистой случайности владела ста пятнадцатью аптекарскими магазинами.

Разумеется, моя собственная работа тоже не могла считаться настоящей, и я имел возможность слинять в любой момент. Я пообещал съездить к деду.

— Спасибо, Джейк. А я тебе обещаю, что скоро мы утрясем все проблемы с дедушкой. Договорились?

Все эти проблемы с дедушкой.

— Вы хотите отдать его в дом престарелых? — поинтересовался я. — Переложить груз на чужие плечи?

— Мы с мамой еще ничего не решили.

— Все вы решили.

— Джейкоб...

— Папа, я вполне могу с ним управиться. Честное слово.

— Пока еще можешь. Но его состояние ухудшается.

— Ну и пусть. Мне все равно.

Я повесил трубку, позвонил своему другу Рики и попросил его

подвезти меня к дедушке. Через десять минут с парковки донесся хриплый клаксон его древней «Краун-Виктории», не узнать который было невозможно. Выбегая из магазина, я на ходу сообщил Шелли печальное известие: башне из подгузников «Стей-Тайт» придется обождать до завтра.

— Срочное семейное дело, — пояснил я.

— Ясно.

Я выскочил в липкий вечер и увидел Рики, который сидел на капоте своего потрепанного автомобильчика и курил. В его облепленных грязью сапогах, срывающихся с губ колечках дыма и лучах заходящего солнца, освещающих его зеленую шевелюру, было что-то такое, что напомнило мне Джеймса Дина. Только этот «Джеймс Дин» был не просто южанином — он был панком. А если точнее, то, пожалуй, Рики являлся странным продуктом перекрестного опыления субкультур, возможного только в Южной Флориде.

При виде меня он соскочил с капота и заорал на всю парковку:

— Тебя уже выперли?

— Тсс-с! — зашипел я, подбегая к нему. — Они не знают о моем плане.

Рики хлопнул меня по плечу — жест, который, по его замыслу, должен был меня подбодрить, но на деле чуть не выбил мне плечевой сустав.

— Не переживай, особенный мальчик. Время терпит.

Он называл меня особенным мальчиком, потому что я посещал занятия для одаренных детей, хотя в нашей школе они входили в перечень обязательных для изучения дисциплин. Почему-то Рики это казалось ужасно забавным. Таким образом, наша дружба основывалась как на обоюдном раздражении, так и на взаимопомощи. Последняя заключалась в негласном договоре на использование им моих мозгов, а мной — его кулаков. Я помогал ему не провалить английский, а он обеспечивал мне защиту от накачанных стероидами социопатов, рыщущих по коридорам нашей школы. То, что в его присутствии мои родители чувствовали себя не в своей тарелке, стало дополнительным бонусом. Рики был моим лучшим другом, хотя подобной характеристикой я пытаюсь скрыть тот унижительный факт, что он был моим единственным другом.

Рики пнул ногой дверь своей «Краун-Вики», поскольку открывалась она именно таким образом, и я залез внутрь. Тачка была совершенно потрясным образчиком стихийного народного творчества. Рики купил ее на городской свалке за жестянку мелочи. Во всяком случае так он утверждал. Вонь в машине стояла такая, что ее не в состоянии был замаскировать даже свисавший с потолка целый лес освежителей воздуха. Сиденья были

обмотаны изолентой, что не позволяло пружинам втыкаться в задницу желающим прокатиться на этом музейном экспонате. Но внешний вид «Вики» поражал воображение, являя собой ржавый лунный пейзаж из дыр и вмятин, образовавшихся в результате хитроумного плана Рики заработать денег на бензин. План заключался в том, что хозяин разрешал пьяным гулякам нанести удар по машине клюшкой для гольфа по цене доллар за удар. Единственное правило, за соблюдением которого Рики неукоснительно следил, гласило: никаких ударов по стеклу.

Двигатель затарахтел, выпустив облако синего дыма. Мы покинули стоянку и покатались мимо вытянувшихся вдоль улицы торговых центров, держа курс на жилище дедушки Портмана. Пытаясь представить себе, что нас ждет впереди, я уже не находил себе места от беспокойства. Самые ужасные сценарии в моей голове живописали дедушку, бегающего голышом по улице, его же, размахивающего винтовкой на лужайке перед домом или залегшего в засаде с тяжелым предметом в руке. Одним словом, мы могли столкнуться с чем угодно. Меня особенно беспокоило то, что я не знал, каким будет первое впечатление Рики о человеке, которого я всегда упоминал с благоговением.

Пока мы подъезжали к поселку, где жил дедушка, небо приобрело цвет свежего кровоподтека. Само местечко, известное под названием Круговая деревня, представляло собой удивительный лабиринт сплетающихся улочек, переулков и тупиков. Мы остановились перед въездом в поселок, чтобы заявить о своем прибытии, но старик в будке охранника громко храпел, а ворота были распахнуты настежь, поэтому мы просто въехали и приступили к поискам. Мой телефон пискнул, приняв сообщение от папы, желавшего знать, как обстоят дела. За несколько секунд, потребовавшихся мне для ответа, Рики умудрился окончательно заблудиться. Когда я сказал, что понятия не имею, где мы находимся, он выругался и осуществил серию резких поворотов на месте. Пока он крутил руль и выпускал в окно струи слюны вперемешку с жевательным табаком, я изучал окрестности в поисках знакомых ориентиров. Это было нелегко, хотя за свою жизнь я бесчисленное количество раз побывал в гостях у дедушки. Все дома были похожи как дождевые капли. Эти приземистые строения отличались друг от друга лишь самыми ничтожными деталями. Тут стены были отделаны алюминиевым сайдингом, здесь обшиты деревянными панелями в стиле семидесятых, а вот бредовая в своей напыщенности гипсовая колоннада... Таблички с названиями улиц выгорели на солнце, превратившись в сверкающие белые пластины, и ничем не могли нам помочь. Единственными реальными ориентирами служили странноватые

живописные украшения лужаек, превращавших Круговую деревню в настоящий музей под открытым небом.

Наконец мне удалось узнать почтовый ящик, сто лет назад водруженный на вытянутые руки металлического дворецкого, который, несмотря на свою прямую спину и высокомерное выражение лица, все же плакал стекающими по щекам ржавыми слезами. Я крикнул Рики, чтобы он поворачивал налево. «Вика» взвизгнула шинами, а я с размаху влип в дверцу. Наверное, удар что-то высвободил в моем мозгу, потому что внезапно ко мне вернулась память.

— Направо возле толпы фламинго! Налево возле торчащих на крыше и выраженных в национальные костюмы Санта-Клаусов! Прямо мимо писающих херувимов! — выпалил я в Рики.

Миновав ангелочков, тот сбросил скорость, с явным сомнением вглядываясь в торчащие вдоль улицы дома. Нигде не было видно ни единого огонька. За окнами не мерцали экраны телевизоров, у дверей не стояли автомобили. Все дедушкины соседи сбежали на север, спасаясь от жары и бросив на произвол судьбы лужайки и гномов, едва виднеющихся из высокой травы. Ставни были плотно закрыты на случай урагана, и каждый дом походил на маленькое бомбоубежище пастельного цвета.

— Последний дом слева, — сообщил я Рики.

Он нажал на газ, и мы промчались по улице. У четвертого или пятого по счету дома мы увидели старика, поливающего лужайку. Он был лыс, как яйцо, и одет в халат. Его ноги в шлепанцах скрывали высоченные заросли травы. Дом у него за спиной был таким же темным и закрытым, как и все остальные. Я обернулся, чтобы разглядеть его получше, и он тоже проводил нас взглядом. Но видеть нас он не мог. Я в ужасе отметил его молочно-белые, гладкие и блестящие глаза. *Как странно*, — подумал я. — *Дедушка Портман никогда не говорил, что кто-то из его соседей слеп.*

Улица оканчивалась сосновой рощицей, и Рики резко повернул налево к дому моего дедушки. Он заглушил двигатель, вылез наружу и пинком ноги открыл мою дверцу. Шурша сухой травой, мы подошли к крыльцу.

Я позвонил и подождал. Где-то залаяла собака. Удушливый вечер, казалось, поглотил этот одинокий звук. Не дождавшись ответа, я предположил, что звонок не работает, и начал колотить в дверь кулаком. Рики отбивался от налетевшей на нас тучи мошкар.

— Может, он ушел на свидание? — ухмыльнулся мой друг. — Как он относится к дамам?

— Смейся сколько хочешь, — пожал плечами я. — Только ему снять даму намного легче, чем нам с тобой. Причем в любой момент. Эти края

кишат аппетитными вдовушками.

Я шутил в отчаянной попытке успокоиться. От царящей вокруг тишины мне было не по себе.

Из тайника в кустах я извлек запасной ключ.

— Жди здесь, — бросил я Рики.

— Еще чего! Какого черта?

— Потому что ты верзила с зелеными волосами, мой дедушка тебя не знает и у него гора оружия.

Рики пожал плечами и сунул за щеку очередной комок табака. Он развалился на садовом стуле, а я отпер дверь и шагнул внутрь.

Даже в сумерках было видно, что в доме царит бедлам. Все выглядело так, как будто тут орудовали воры. Книги были сброшены с полок, а вещи вывернуты из шкафов. Пол устлали журналы «Ридерз-Дайджест» и всевозможный хлам, перевернутые стулья и диванные подушки. Дверцы холодильника и морозилки были распахнуты, а их содержимое растаяло и липкими лужами растеклось по линолеуму.

У меня оборвалось сердце. Дедушка Портман и правда окончательно сошел с ума. Я позвал его по имени, но ответа не получил.

Я переходил из комнаты в комнату, включая свет и осматривая все закоулки, где страдающий паранойей старик мог бы спрятаться от осаждающих его «чудовищ»: за мебелью, на чердаке, под верстаком в гараже. Я даже осмотрел его сейф с оружием. Он, разумеется, был заперт, а ручку окружали царапины. Дедушка пытался его вскрыть. На веранде покачивались на ветру заросли порывевших без полива папоротников. Встав на колени и замирая от ужаса, я исследовал пространство под плетеными скамейками.

Мне почудилось, что в саду что-то блестит.

Сбежав с крыльца, я обнаружил в траве включенный фонарь. Его луч указывал на лес, вплотную подступавший к дедушкиному саду. Целая миля зарослей из карликовых пальм и кустарников отделяла Круговую деревню от следующего поселка под названием Вековой Лес. Согласно местным преданиям, этот лес кишел змеями, енотами и дикими кабанами. При мысли о том, что несчастный растерянный старик в одном халате блуждает по этой чаще, мне стало плохо. Не проходило и недели, чтобы в новостях не появилось сообщение о каком-нибудь престарелом гражданине, упавшем в пруд и ставшем жертвой аллигаторов. Я попытался подготовиться к самому худшему варианту развития событий.

Я позвал Рики, и мгновение спустя он возник из-за угла дома. Он тут же заметил нечто, упущенное мной: рваный разрез в сетке двери на

веранду. Он даже присвистнул.

— Ни фиги себе! Это может быть работенка дикого кабана. Или рыси. Ты бы видел, какие у них когти.

Неподалеку раздался истошный лай. Мы вздрогнули и испуганно переглянулись. Этот звук, как водится, породил цепную реакцию, и вскоре лай доносился уже со всех сторон.

— Может, это сделала собака? — предположил я.

— Может, — кивнул Рики. — У меня в багажнике имеется винчестер. Подожди меня здесь. — И он убежал за оружием.

Лай стих, и стал отчетливо слышен гул ночных насекомых, показавшийся мне зловещим и даже каким-то инопланетным. По моему лицу стекали струйки пота. Было уже темно, но ветер окончательно стих, и стало даже как будто жарче, чем днем.

Я поднял фонарь и шагнул к лесу. Я был уверен, что мой дедушка где-то там. Но где именно? Ни я, ни Рики следопытами не были. И все же меня как будто что-то вело. Какое-то ощущение в груди, шепот в тягучем воздухе... Вдруг я понял, что не могу больше ждать ни секунды. Я ринулся в подлесок, как гончая, идущая по невидимому следу.

В лесах Флориды, где пространство, не занятое деревьями, заросло высокими пальмовыми побегами и оплетено лианами, бегать очень трудно. Но я рвался вперед, освещая дорогу фонариком и беспрестанно окликая деда. Боковым зрением я заметил в высокой траве что-то белое и блестящее. При ближайшем рассмотрении это нечто оказалось выгоревшим на солнце, спущенным футбольным мячом, который я потерял много лет назад.

Я уже хотел отказаться от дальнейших поисков и вернуться к Рики, как вдруг увидел узкий коридор свежепримятой пальмовой поросли. Я шагнул туда и посветил вокруг себя фонариком. Листья растений были забрызганы чем-то темным. У меня в горле все пересохло, но я взял себя в руки и двинулся вперед. Я шел, а у меня в животе внутренности скручивались в тугий узел, как будто тело знало, что ждет меня впереди, и пыталось предостеречь. Тут узкий след в подлеске вывел меня на поляну и я увидел его.

Мой дедушка лежал на ковре из ползучих растений, разбросав в стороны ноги. Одна рука была неловко подвернута, как будто он упал с большой высоты. Я подумал, что он мертв. Его сорочка была пропитана кровью, брюки порвались, и на одной ноге недоставало туфли. Я долго молча смотрел на него, и луч фонаря дрожал, освещая его тело. Когда я понял, что снова могу дышать, я окликнул его, но он не пошевелился.

Я упал на колени и прижал ладонь к его спине. Пропитавшая рубашку кровь все еще была теплой. Я почувствовал, что он часто и поверхностно дышит.

Я просунул под него руку и перевернул деда на спину. Он был жив, хотя жизнь едва теплилась в его теле. Его глаза остекленели, а лицо осунулось и побелело. Тут я увидел раны у него на животе и едва не потерял сознание. Они были глубокими и широкими, забитыми грязью, потому что земля там, где он лежал, раскисла от крови. Я попытался накрыть раны обрывками его сорочки, избегая смотреть на этот изуродованный живот.

Я услышал, как Рики, оставшийся в саду, кричит:

— Я ЗДЕСЬ!

Я закричал в ответ. Возможно, мне следовало предостеречь его, крикнув «опасность» или «кровь», но я не смог вымолвить ни слова. Все, о чем я мог думать, так это то, что дедушки должны умирать в постели, в тихой, напичканной медицинской аппаратурой палате, а не лежа ничком на зловонной траве, сжимая в дрожащей руке медный нож для конвертов и даже не чувствуя ползающих по всему телу муравьев.

Нож для конвертов. Ему больше нечем было защититься. Я осторожно отнял у него нож, и он начал беспомощно хватать рукой воздух, поэтому я взял его ладонь, оплетенную набухшими фиолетовыми венами, и ласково сжал ее. Мои пальцы с обкусанными ногтями сплелись с его бледными пальцами.

— Я должен тебя перенести, — сказал я, продевая одну руку ему под спину, а вторую под колени.

Я начал его поднимать, но он застонал и напрягся, поэтому я замер. Я не мог причинить ему боль. И не мог его бросить. Мне оставалось только ждать, и я осторожно смахнул землю с его лица, рук и редящих седых волос. В этот момент я заметил, что его губы шевелятся.

Его голос был едва различим. Это не было даже шепотом. Я наклонился и приблизил ухо к его губам. Он что-то бормотал, переходя с английского на польский и обратно, временами теряя всякую связь с окружающим.

— Я не понимаю, — прошептал я.

Я повторял его имя, пока его взгляд не сфокусировался на мне. Он сделал глубокий вдох и тихо, но отчетливо произнес:

— Якоб, ты должен уехать на остров. Остаться здесь опасно.

Это была все та же старая паранойя. Я стиснул его руку и заверил, что все хорошо, что с ним все будет в порядке. За этот день я лгал ему во

второй раз.

Я спросил, что случилось, какое животное на него напало, но он меня не слушал.

— Ты должен уехать на остров, — повторял он. — Там ты будешь в безопасности. Пообещай мне.

— Хорошо, уеду. Обещаю.

Что еще я мог ему ответить?

— Я думал, что смогу тебя защитить, — прошептал он. — Я должен был давно все тебе рассказать...

Я видел, что жизнь его покидает.

— Рассказать мне что? — глотая слезы, спросил я.

— Времени больше нет, — прошептал он. Затем поднял голову с земли и, дрожа от усилия, выдохнул мне в ухо: — Найди птицу. В петле. По ту сторону от могилы старика. Третье сентября сорокового года. — Я кивнул, но он видел, что я не понимаю. — Эмерсон. Письмо... — собрав последние силы, прошептал он. — Расскажи им о том, что со мной случилось, Якоб.

С этими словами он опустился на землю, обессиленный и угасающий. Я сказал, что люблю его. А потом он как будто исчез внутри себя и его взгляд, минуя меня, устремился к небу, уже ошестинившемуся иголками звезд.

Мгновение спустя из кустов, треща сучьями, появился Рики. Он увидел обмякшего у меня на руках старика и попятился.

— О Господи! Господи Иисусе! — пробормотал он, растирая лицо ладонями.

Он принялся говорить что-то насчет необходимости нащупать пульс и вызвать полицию, потом спросил, не видел ли я чего-нибудь в лесу. А меня вдруг охватило престранное чувство. Я выпустил из объятий тело дедушки и встал. Инстинкт, о наличии которого я даже не подозревал, заставлял трепетать каждую клеточку моего тела. Я точно знал, что в лесу *что-то* есть. Я это чувствовал.

Луны не было, и все вокруг, не считая меня и Рики, замерло. Тем не менее я каким-то образом знал, когда поднять фонарик и куда его направить. И в какое-то мгновение узкий луч света выхватил из мрака лицо, которое будто явилось прямо из кошмарных снов моего детства. Оно смотрело на меня глазами, плавающими в лужах темной жидкости. Лоскуты угольно-черной кожи болтались на его сгорбленных плечах, а рот уродливо открылся. Изо рта свисало множество извивающихся, как угри, языков. Я что-то закричал, и существо развернулось и исчезло, треща ветками кустов и привлекая внимание Рики. Тот вскинул винчестер и начал

стрелять «пап-пап-пап-пап» с криком:

— Что это было?! Какого черта?!

Но он ничего не увидел, а я утратил дар речи и не мог сказать ему ни слова. Я застыл там, где стоял, и мигающий свет «сдыхающего» фонарика тускло освещал пустой лес. А потом я, должно быть, потерял сознание, потому что Рики говорил: *Джейкоб, Джейк, эй, парень, ты в порядке или нет* тобой, и больше я ничего не помню.

Глава вторая

Месяцы, которые последовали за смертью бабушки, я провел в чистилище бежевых приемных и безликих кабинетов. Меня осматривали и расспрашивали, заставляя повторяться и кивая каждому моему слову; обо мне говорили шепотом, так, чтобы я не услышал, и поглядывали на меня с нескрываемой жалостью, озабоченно сдвинув брови. Опасаясь за мою психику, родители обращались со мной как с хрупкой реликвией. В моем присутствии отныне нельзя было ни ссориться, ни сетовать на жизнь.

Меня преследовали кошмары, и я с криком вскакивал посреди ночи. Я так скрежетал зубами во сне, что мне приходилось защищать их капой, чтобы не раскрошить до основания. Стоило мне закрыть глаза, как передо мной снова возникало увиденное в лесу чудовище со ртом, полным щупалец. Я был убежден, что это оно убило бабушку и скоро вернется за мной. Иногда на меня накатывала та же тошнотворная паника, которую я испытал тем вечером, и я был твердо убежден, что оно притаилось и ждет где-то совсем рядом — в темной роще, возле соседней машины на парковке, за гаражом, в котором я держал велосипед...

Я решил для себя эту проблему, перестав выходить из дома. Неделями я отказывался даже забирать утренние газеты с крыльца и спал в куче одеял на полу прачечной, единственной комнаты во всем доме, где не было окон, а дверь запиралась изнутри. Именно там я провел день похорон бабушки, сидя на сушилке с ноутбуком на коленях и пытаюсь отвлечься от черных мыслей онлайн-играми.

Я винил себя в том, что произошло. *Если бы я только ему поверил*, — без конца твердил себе я. Но не поверил, и все остальные тоже. И теперь я знал, что он чувствовал, — мне тоже никто не верил. Моя версия событий казалась абсолютно рациональной, пока меня не вынуждали ее озвучить, и тогда она представляла полным безумием, особенно когда пришлось излагать ее полицейскому, явившемуся к нам домой. Я рассказал ему обо всем, что произошло, даже о чудовище, а он только кивал и ничего не записывал в свой блокнот. Когда я закончил, полицейский сказал:

— Отлично. Спасибо. Вы его кому-нибудь показывали? — поинтересовался он, оборачиваясь к моим родителям.

Как будто я не знал, что это означает. Я сказал, что хотел бы сделать еще одно заявление, затем показал ему средний палец и вышел.

Впервые за несколько недель родители на меня наорали. Я с

облегчением вслушивался в эти привычные, родные звуки. Я тоже выкрикнул в ответ пару гадостей. Что они рады тому, что дедушка Портман умер. Что, кроме меня, его никто по-настоящему не любил.

Полицейский о чем-то посоветовался с моими родителями возле дома и уехал с тем, чтобы вернуться через час и привезти с собой человека, который представился художником-криминалистом. Художник достал большой альбом и попросил меня снова описать чудовище. Я начал рассказывать, а он рисовал, время от времени задавая уточняющие вопросы.

— Сколько у него было глаз?

— Два.

— Ясно, — кивнул он, как будто художникам-криминалистам вовсе не в новинку рисовать чудовищ.

Было совершенно очевидно, что они просто пытаются меня утихомирить. Он окончательно выдал себя, попытавшись вручить мне готовый рисунок.

— Разве вам это не нужно? Для материалов дела и все такое? — спросил я.

Он приподнял брови и переглянулся с полицейским.

— Ах, ну да. О чем я думаю?

Все это было неопишимо оскорбительно.

Мне не верил даже мой лучший и единственный друг Рики, а ведь он был там со мной! Он клялся и божился, что не видел в лесу никакого чудовища, хотя я светил фонариком прямо тому в лицо. Он так и сказал полицейским. Зато Рики слышал лай. Мы оба его слышали. Поэтому никто особенно не удивился заключению полиции, гласившему, что дедушку убила стая озверевших собак. Судя по всему, такую стаю видели неподалеку. Всего неделю назад она напала на женщину в Сенчури-Вудз. И это тоже произошло ночью.

— Именно тогда, когда этих чудовищ труднее всего разглядеть! — воскликнул я, обращаясь к Рики.

Но тот лишь покачал головой и пробормотал что-то насчет того, что мне нужен псих.

— Ты хочешь сказать, психиатр, — вздохнул я. — Как я рад, что ты меня понимаешь.

Мы сидели на плоской крыше моего дома, наблюдая закат солнца над заливом. Рики, как пружина, свернулся на смехотворно дорогом адирондакском^[1] стуле, который мои родители привезли из поездки в края, населенные амишами^[2]. Ноги он поджал под себя, а руки скрестил на груди и с видом угрюмой решимости беспрестанно курил сигареты. Мне всегда казалось, что у меня дома ему слегка не по себе. Но по тому, как он поспешно отводил глаза в сторону, не успевая даже задержать на мне взгляд, я видел, что сейчас его смущает не богатство моих родителей, а я сам.

— Думай что хочешь, но я тебе честно скажу, — вздохнул он. — Продолжай чесать о монстрах, и они тебя упекут. Вот тогда ты действительно станешь особенным мальчиком.

— Хватит меня так называть.

Он щелчком отбросил сигарету и выплюнул через перила огромный блестящий комок табака.

— Ты что, одновременно курил и жевал табак?

— А ты что, моя мамочка?

— А что, похоже, что я отсасываю дальнобойщикам за продуктовые талоны?

Рики был большим любителем шуточек о мамуле, но это оказалось чересчур даже для него. Он вскочил со стула и толкнул меня так сильно, что я чуть не упал с крыши.

— Проваливай отсюда! — заорал я, но он уже шагал прочь.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я увидел его снова. Вот тебе и друзья.

* * *

В конце концов родители таки повезли меня к психотерапевту, сдержанному смуглому человечку по фамилии Голан. Я не сопротивлялся. Я знал, что нуждаюсь в помощи.

Я думал, что окажусь крепким орешком, но доктор Голан раскусил меня на удивление легко. Своим спокойствием и невозмутимостью он практически загипнотизировал меня. Ему хватило двух сеансов, чтобы убедить меня в том, что чудовище было не более чем продуктом моего перевозбужденного воображения. Смерть бабушки так меня потрясла, что я начал видеть то, чего на самом деле не было. Ведь изначально именно бабушка Портман поместил это существо в мое сознание, объяснял доктор Голан. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, пережив самое жестокое в своей короткой жизни потрясение, я увидел то, чего всю жизнь боялся мой дед.

У этого состояния даже было название: острая стрессовая реакция.

— Это так тупо, — пошутила мама, услышав мой диагноз. — Не вижу в этом ничего острого.

Ее шутка оставила меня равнодушным. Все, что угодно, лишь бы не простой диагноз «помешательство».

Но то, что я больше не верил в чудовища, никак не улучшило моего состояния. По ночам я по-прежнему просыпался от кошмаров. Я вздрагивал и страдал от мании преследования. Я испытывал затруднения в общении с другими людьми, и мои родители наняли мне учителя, чтобы я мог учиться дома, а в школу ходить только тогда, когда чувствую в себе силы. Они также — наконец-то! — позволили мне бросить работу в «Смарт-Эйд». Я должен был *поправиться*, и это стало моей новой работой.

Очень быстро это занятие мне также надоело. Я решил добиться того, чтобы с этой должности меня тоже уволили. Как только стало ясно, что мое безумие временное, задача доктора Голана свелась к выписыванию рецептов. Тебе все еще снятся кошмары? У меня кое-что от этого есть. Паническая атака в школьном автобусе? Вот это тебе поможет. Не можешь уснуть? Давай увеличим дозу. От всех этих пилюль я толстел и тупел, но продолжал влачить жалкое существование и спал всего по три-четыре часа за ночь. Поэтому я начал лгать доктору Голану. Я делал вид, что все хорошо, в то время как мешки у меня под глазами были видны невооруженным глазом, а любой неожиданный звук заставлял меня нервно вздрагивать. В течение целой недели я придумывал сны, которые выглядели скучными и обыкновенными, как сны нормального человека. В одном из них я был на приеме у зубного врача, в другом летал. А однажды я сказал доктору Голану, что две ночи подряд мне снилось, что я пришел в школу полностью голым.

— Как насчет чудовищ? — оборвал он меня.

Я пожал плечами.

— Никаких чудовищ. Наверное, это означает, что я выздоравливаю?
Доктор Голан постучал ручкой по столу и что-то записал.

— Я надеюсь, ты не рассказываешь мне то, что, по твоему мнению, я хочу слышать.

— Конечно, нет, — заверил я его, скользя взглядом по развешанным на стенах дипломам, свидетельствующим о его профессионализме и компетенции в различных отраслях психологии и психиатрии, включая, разумеется, и умение понять, когда страдающий от острого стресса пацан лжет своему доктору.

— Давай начистоту. — Он отложил ручку. — Ты хочешь сказать, что за всю неделю тебе *ни разу* не приснился этот сон?

Я никогда не умел врать. Чтобы окончательно не опозориться, я решил уступить.

— Ну, может, только один раз, — пробормотал я.

На самом деле на этой неделе не было *ни одной* ночи, прошедшей без этого сна. Не считая незначительных подробностей, кошмар всегда был следующим. Я скорчился в углу дедушкиной спальни. В окнах угасает янтарный вечерний свет. В руках я сжимаю розовую пластмассовую винтовку и целюсь в дверь. Там, где должна стоять кровать, висится огромный торговый автомат. Только он набит не батончиками, а рядами острых, как бритва, тактических ножей и бронебойных пистолетов. Возле автомата стоит мой дедушка, одетый в старую британскую военную форму. Он скармливает автомату долларовые бумажки. Но пистолет стоит дорого, и мы, кажется, не успеваем. Наконец к стеклу движется сверкающий кольт, но вместо того, чтобы упасть дедушке в руки, он застревает в автомате. Дед изрыгает ругательство на идише, опускается на колени и просовывает внутрь руку, пытаюсь схватить пистолет, но теперь застревает и его рука. Вот тут-то они и появляются. Их длинные черные языки скользят по окну снаружи, пытаюсь пробраться внутрь. Я целюсь в них и нажимаю на спусковой крючок, но ничего не происходит. Тем временем дедушка Портман кричит, как сумасшедший: «*Найди птицу! Найди петлю! Якоб, ну нашему ты не понимаешь?! Какой же ты хлупый!*» Потом окно лопається, стекло дождем сыплется на пол и черные языки опутывают нас с дедушкой. На этом месте я обычно просыпаюсь. Я обливаюсь потом, сердце пытается выскочить у меня из груди, а все внутренности скручиваются в тугой узел.

Хотя сон каждый раз повторялся и мы обсуждали его не меньше сотни раз, доктор Голан заставлял меня рассказывать его во время каждого сеанса. Он как будто пытался устроить перекрестный допрос моему подсознанию, чтобы найти какой-то ключ к разгадке, который упустил во

время всех предыдущих сеансов.

— И что говорит твой дедушка во сне?

— То же, что и всегда, — отвечаю я. — Насчет птицы, петли и могилы.

— Он повторяет свои последние слова?

— Вот именно.

Доктор Голан складывает вместе кончики пальцев и прижимает эту похожую на палатку фигуру к подбородку, являя собой картину «Задумчивый психоаналитик».

— У тебя нет новых идей относительно того, что могут означать эти слова?

— Ага, есть. Бред собачий.

— Брось. Ты же так не думаешь.

Я пытался сделать вид, что мне нет дела до последних произнесенных дедушкой слов, хотя в действительности это было не так. Они не давали мне покоя почти так же, как и ночные кошмары. Мне казалось, что я не имею права отмахнуться от них, как от галлюцинаторного бреда, а доктор Голан был убежден, что, только поняв их значение, я смогу избавиться от своих жутких снов. Поэтому я старался.

Кое-что из того, что произнес дедушка, звучало вполне осмысленно. Например, то, что я должен поехать на остров. Он боялся, что чудовища придут за мной, и считал остров единственным местом, где я могу от них спастись, как это когда-то сделал он. Еще перед смертью он проговорил: «Я давно должен был все тебе рассказать». Но он уже не успевал ничего мне рассказать, что бы это ни было. Возможно, поэтому он и оставил след, который мог вывести меня к человеку, способному все мне объяснить, к человеку, знавшему его тайну. Мне казалось, что именно в этом заключается смысл той загадочной фразы о петле, могиле и письме.

Сначала я думал, что «петля» — это одна из улиц в Круговой деревне, являвшейся не чем иным, как сплетением похожих на петли дорог. А «Эмерсон» — это человек, с которым дедушка переписывался. Возможно, это был фронтовой товарищ деда, продолжающий поддерживать с ним отношения. Что, если этот Эмерсон живет в Круговой деревне, в одной из «петель» возле кладбища, и одно из написанных им писем датировано третьим сентября тысяча девятьсот сорокового года, и это именно то письмо, которое я должен прочесть? Я знал, что это звучит безумно, но я уже убедился в том, что в жизни случаются и более безумные вещи. Естественно, не найдя ничего в Интернете, я отправился в культурный центр Круговой деревни, где старики играли в шафлборд^[3] и обсуждали свои болезни и операции. Я спросил у них, где находится кладбище и знает

ли кто-нибудь мистера Эмерсона. Они смотрели так, будто у меня на плечах росло сразу две головы, не в силах поверить в то, что к ним обратился подросток. Впрочем, кладбища в Круговой деревне не было, как и жителя по фамилии Эмерсон. Не было и улиц, в названии которых фигурировало бы слово «петля». Короче, моя теория потерпела полное фиаско.

Но доктор Голан не оставлял меня в покое. Он предложил мне рассмотреть кандидатуру Ральфа Уолдо Эмерсона, якобы знаменитого в далеком прошлом поэта.

— Эмерсон написал множество писем, — сообщил он мне. — Может, твой дедушка говорил об одном из них?

Я подумал, что это как тыкать пальцем в небо, но Голан не отставал, и однажды днем я попросил папу завезти меня в местную библиотеку. Я быстро обнаружил, что Ральф Уолдо Эмерсон и в самом деле написал гору писем, большинство из которых были опубликованы. На целых три минуты мой пульс взволнованно участился, потому что мне показалось, что я близок к разгадке. Но потом мне стало ясно, что, во-первых, Ральф Уолдо Эмерсон жил и умер в девятнадцатом веке, а следовательно, не мог написать писем, датированных третьим сентября тысяча девятьсот сорокового года. А во-вторых, его творения были такими заумно-мистическими, что мой дедушка, который никогда не был книгоманом, просто не мог ими увлекаться. Я на себе испытал снотворные свойства творчества Эмерсона, уронив голову прямо на книгу, раскрытую на странице с эссе под названием «Уверенность в себе». И в шестой раз за эту неделю увидел сон про торговый автомат. Я проснулся с такими криками, что меня бесцеремонно выставили из библиотеки. Я покинул ее без сожаления, проклиная про себя и доктора Голана, и его идиотские теории.

Очередным ударом стало решение моей семьи продать дом дедушки Портмана. Прежде чем позволить потенциальным покупателям осмотреть его, дом следовало вычистить и вымыть. По совету доктора Голана, считавшего, что мне следует побывать на месте, где я получил психологическую травму, мне было поручено помогать папе и тете Сьюзи разбирать вещи. Какое-то время папа то и дело отводил меня в сторонку, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Как ни странно, я был спокоен, несмотря на обрывки полицейской ленты на кустах, хлопающую на ветру разорванную дверь веранды и мусорный контейнер, арендованный родителями и ожидающий возможности поглотить то, что осталось от жизни моего дедушки. Мне было грустно, но не страшно.

Как только стало ясно, что я не собираюсь с пеной у рта кататься по полу, мы приступили к делу. Вооружившись мусорными пакетами, мы

решительно шагали по дому, опустошая полки и шкафчики, заглядывая во все уголки, покрытые слежавшейся за долгие годы пылью. Мы возводили пирамиды из вещей, которые можно было оставить себе или как-то использовать, и кучи, предназначенные для мусорного контейнера. Тетушка и отец не страдали сентиментальностью, и «мусорные» пирамиды всякий раз оказывались выше тех, других. Я несколько раз безуспешно пытался отвоевать у контейнера кое-какие вещи, например сваленную в углу гаража восьмифутовую стопку подмоченных дождем журналов «Нэшнл Джеографик». Я столько вечеров провел над ними, воображая себя среди папуасов Новой Гвинеи или открывая для себя приютившийся на краю пропасти древний замок, расположенный в Королевстве Бутан. Мне не позволили оставить даже дедушкину коллекцию рубашек для боулинга («Что за позорище?!» — заявил отец), его пластинки («Мы найдем для них хорошего покупателя») и содержимое массивного и все еще запертого оружейного сейфа («Ты ведь шутишь, правда? Я очень надеюсь на то, что ты шутишь»).

Я сказал отцу, что у него нет сердца. Тетушка сбежала, оставив нас наедине в кабинете, где мы сортировали гору старой финансовой отчетности.

— Я трезво смотрю на вещи, Джейкоб. То, что мы сейчас делаем, происходит всегда, когда люди умирают.

— Да? Значит, после твоей смерти мне можно будет сжечь все твои рукописи?

Он покраснел. Мне не следовало этого говорить. Упоминание о его неоконченных книгах было ударом ниже пояса. Но вместо того чтобы заорать на меня, он тихо произнес:

— Я взял тебя сегодня с собой, потому что считал тебя достаточно зрелым. Думал, что тебе это будет по плечу. Похоже, я ошибался.

— Ты ошибаешься, когда думаешь, что, избавившись от дедушкиных вещей, ты заставишь меня его забыть. У тебя ничего не выйдет.

Он вскинул руки.

— Знаешь что? Мне надоело об этом спорить. Оставляй все, что хочешь. — Он швырнул мне под ноги пачку пожелтевших листов бумаги. — Вот подробный перечень отчислений за тот год, когда был убит Кеннеди. Помести его в рамочку и повесь на стену!

Я пнул эту кипу ногой и выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью. Я долго сидел в гостиной, ожидая, что он выйдет и извинится. Но когда услышал, что в кабинете зашумел шредер^[4], понял, что этого не произойдет. Промчавшись через весь дом, я заперся в спальне. Меня

окружил затхлый воздух, в котором стоял запах кожаной обуви и кисловатый аромат дедушкиного одеколona. Я прислонился к стене, глядя на вытоптанную на ковре дорожку, ведущую от двери к его кровати. Мутноватый солнечный луч выхватил из полумрака торчащий из-под покрывала край коробки. Я подошел к кровати, опустился на колени и извлек ее. Это была покрытая толстым слоем пыли старая коробка из-под сигар. Мне показалось, что дедушка специально положил ее так, чтобы я обязательно заметил.

Внутри были хорошо знакомые мне фотографии: невидимый мальчик, левитирующая девочка, силач с поднятым на вытянутой руке валуном, человек с нарисованным на затылке лицом. Снимки были хрупкими и шелушились. Они также казались намного меньше, чем я их запомнил. Глядя на них сейчас, много лет спустя, я поразился тому, какой откровенной подделкой было все это. Чтобы спрятать голову, «невидимому» мальчику достаточно было ловко извернуться. Огромный камень, удерживаемый на весу подозрительно тощим подростком, легко мог быть изготовлен из гипса или поролона. Но, конечно, эти соображения не могли прийти в голову шестилетнему ребенку, особенно если он хотел верить в то, что все это правда.

Под знакомыми фотографиями я обнаружил еще пять снимков, которые дедушка Портман никогда мне не показывал. Сначала я удивился, но, присмотревшись поближе, понял, что такую явную фальшивку распознал бы даже ребенок. Одна фотография являлась смехотворно-примитивным образцом двойной экспозиции и изображала девочку, «заключенную» в бутылку. На другой я увидел «левитирующего» ребенка, тоже девочку, удерживаемую на весу чем-то, скрытым в темном дверном проеме у нее за спиной. На третьей лицо мальчика было грубо «наложено» на собачье тело. Но последние две фотографии по своей причудливости значительно превосходили все остальные и напоминали воплощение мрачных фантазий Дэвида Линча. На одной из них печально-угрюмая маленькая гимнастка изогнулась назад, просунув голову у себя между ногами, как будто позвоночника у нее не было вовсе; на другой красовалась парочка жуткого вида близнецов, одетых в самые странные костюмы из всех, что я когда-либо видел. Даже мой дедушка, забивавший голову внука рассказами о чудовищах с щупальцами вместо языков, понимал, что от вида таких снимков ребенка будут преследовать ночные кошмары.

Стоя на коленях на пыльном полу дедушкиной спальни с загадочными фотографиями в руках, я вспомнил тот день, когда понял, что в рассказах деда нет ни крупицы правды. Тогда я почувствовал себя преданным. Сейчас мне стало совершенно ясно, что его последние слова были очередной хитростью, нацеленной на то, чтобы заразить меня кошмарами и параноидальными галлюцинациями, на борьбу с которыми уйдут годы психотерапии и лечения разрушительными для моего организма препаратами.

Я захлопнул коробку и принес ее в гостиную, где отец и тетя Сьюзи вытряхивали в огромный мусорный пакет полный ящик аккуратно вырезанных, но так и не использованных купонов.

Я протянул им коробку. Они не стали интересоваться ее содержимым.

— Так, значит, ты считаешь, что его смерть была бессмысленной? — спросил у меня доктор Голан.

Я лежал на кушетке, уставившись на расположенный в углу комнаты аквариум, в котором описывал медленные ленивые круги его единственный обитатель — золотая рыбка.

— А у вас есть идея получше? — поинтересовался я. — Какая-то сногшибательная теория, о которой вы до сих пор мне ничего не сообщили? В противном случае...

— Что?

— В противном случае все это пустая трата времени.

Голан вздохнул и ущипнул себя за переносицу, как будто пытаюсь унять головную боль.

— Я не имею права строить умозаключения относительно того, что могут означать последние слова твоего дедушки, — произнес он. — Имеет значение только то, что думаешь об этом *ты*.

— Мне надоел весь этот психотреп, — взвился я. — Какая разница, что я *думаю*? Имеет значение только то, что это означает на самом деле! Но я думаю, что мы этого никогда не узнаем. А значит, это не имеет вообще никакого значения. Накачайте меня таблетками, выпишите счет, и давайте с этим покончим.

Я хотел, чтобы он разозлился и начал спорить, настаивая на том, что я ошибаюсь. Вместо этого он сидел с непроницаемым лицом и барабанил ручкой по подлокотнику кресла.

— Похоже, ты сдался, — наконец произнес доктор. — Я разочарован. Мне казалось, ты из тех, кто борется до конца.

— Вы просто плохо меня знаете, — ответил я.

У меня не было ни малейшего желания устраивать вечеринку. Но я понял, что мне от нее не отвертеться, как только родители начали толсто намекать на то, какими скучными и унылыми обещают быть предстоящие выходные, в то время как все мы знали, что в субботу мне исполнится шестнадцать лет. Я умолял их обойтись в этом году без празднования, потому что, в числе прочих причин, я не знал ни одного человека, которого

хотел бы пригласить. Но родителей беспокоило то, что я слишком много времени провожу в одиночестве. Они были уверены, что общение с людьми оказывает целительное воздействие на больную психику.

— Наравне с электрошоком, — напомнил я им.

Но мама не упускала ни одного, даже самого незначительного повода устроить вечеринку. Однажды она пригласила друзей на день рождения нашего попугайчика. Отчасти это объяснялось тем, что она очень гордилась нашим домом. С бокалом вина в руке она водила гостей из комнаты в комнату, пространно восхваляя гений архитектора и рассказывая страшилки о возведении этого шедевра («Мы *несколько месяцев* ждали, пока нам привезут из Италии эти канделябры»).

Мы только что вернулись домой после катастрофически безуспешного сеанса у доктора Голана. Я вслед за папой вошел в подозрительно темную гостиную, слушая, как он вполголоса бормочет:

— Как жаль, что мы не отмечаем твой день рождения... Хотя, кто мешает нам сделать это в следующем году?

И вдруг в комнате вспыхнул свет, открывая взору веселые спиральки серпантина, воздушные шары и разношерстное сборище тетушек, дядюшек, кузенов и кузин, с которыми я почти никогда не общался, — одним словом, всех, кого сумела заманить сюда моя мать. Я с удивлением отметил, что Рики тоже здесь. Он околачивался возле кувшина с пуншем и выглядел до смешного неуместно в своей кожаной куртке с заклепками. Когда толпа прекратила хлопать в ладоши и орать, а я перестал делать удивленное лицо, мама обняла меня за плечи и прошептала:

— Все нормально?

Я был измучен и расстроен. Все, чего мне хотелось, это поиграть на компьютере и, включив телик, забраться в постель. Но не могли же мы отправить всех гостей по домам.

— Все отлично, — кивнул я, а мама улыбнулась благодарной улыбкой.

— Кто хочет взглянуть на наше новое приобретение? — пропела она, прежде чем налить себе бокальчик шардоне и возглавить шествие родственников на второй этаж.

Мы с Рики обменялись кивками, безмолвно договорившись пару часиков потерпеть присутствие друг друга. С того дня, как он едва не столкнул меня с крыши, мы не разговаривали. Тем не менее мы оба понимали, как важно создать для присутствующих видимость нашей дружбы. Я уже хотел было с ним поговорить, как вдруг на меня налетел дядя Бобби, схватил меня за локоть и затолкал в угол. Он был крупным парнем, водил большую машину и жил в огромном доме. Вскоре ему

предстояло покинуть этот мир в результате сердечного приступа, вызванного долгими годами неумеренного потребления фуа-гра и бургеров, и оставить бизнес моим тупоголовым кузенам и крошечной незаметной женушке. Они с моим дядей Лесом были сопрезидентами корпорации «Смарт-Эйд» и обожали заталкивать собеседников в угол с таким видом, будто организовывали переворот, а не предлагали похвалить хозяйку за изумительный гуакамоле^[5].

— Я слышал, что ты уже почти преодолел эту... э-э... всю эту историю с дедушкой.

Историю с дедушкой. Никто не знал, как это называть.

— Острую стрессовую реакцию, — произнес я.

— Что?

— Так называется то, чем я страдал. Страдаю. Да Бог с ним.

— Вот и хорошо. Я ужасно рад. — Он помахал рукой, словно отметая все эти неприятности и оставляя их в прошлом. — Так вот, мы тут подумали с твоей мамой... Как ты смотришь на то, чтобы этим летом приехать в Тампу и посмотреть, как работает семейный бизнес? Вместе поломаем головы в нашей штаб-квартире, а? Или ты предпочитаешь раскладывать товар по полкам? — Тут он так громко расхохотался, что я невольно попятился. — Хотя ты мог бы вообще никуда не ходить. А по выходным мы бы ездили на рыбалку вместе с твоими кузенами.

Последующие пять минут он пространно описывал свою новую яхту, вдаваясь в мельчайшие до неприличия детали, как будто это могло заставить меня согласиться. Закончив, он ухмыльнулся и сунул мне руку, ожидая, что я ее пожму.

— Так что скажешь, Джей-дог?

Полагаю, он был уверен, что я не смогу отказаться от такого заманчивого предложения. А я скорее согласился бы провести лето в сибирском исправительно-трудовом лагере, чем в обществе дяди и его избалованных детишек. Что касается работы в штаб-квартире «Смарт-Эйд», я знал, что избежать этого мне, скорее всего, не удастся. Но я рассчитывал, что до того, как меня запрут в корпоративную клетку, в моем распоряжении будет еще не одно свободное лето и четыре года колледжа. Я замялся, пытаюсь придумать благовидный предлог для отступления.

— Я не уверен, что мой психиатр одобрит эту идею. Во всяком случае сейчас, — в итоге брякнул я.

Дядя Бобби озадаченно сдвинул кустистые брови и неопределенно кивнул.

— Ну что ж, конечно, дружище. Тогда будем действовать по

обстановке. Договорились?

И он отошел от меня, не дожидаясь ответа, сделав вид, что увидел кого-то, в чей локоть ему срочно необходимо было вцепиться.

Вскоре мать объявила, что пора разворачивать подарки. Она всегда настаивала, чтобы я делал это при всех. В итоге процесс каждый раз превращался в большую проблему, потому что, как я уже упоминал ранее, врать я не умею. Это также означает, что я не умею изображать благодарность за передаренные диски с рождественской музыкой или подписку на «Охоту и рыбалку», которую регулярно вручал мне дядя Лес, ошибочно считавший меня любителем упомянутых занятий. Но я честно принялся распаковывать свертки, усиленно улыбаясь гостям и предоставляя им возможность полюбоваться очередным подарком. И вот от горы пакетов и коробок на столе почти ничего не осталось.

Я потянулся к самому маленькому из трех оставшихся свертков. Внутри оказались ключи от родительского четырехлетнего седана представительского класса. Мама объяснила, что они решили купить новую машину, а значит, старая переходит ко мне. Мой первый автомобиль! Все принялись ахать и охать, но я почувствовал, что заливаюсь краской. Мне казалось, что я хвастаюсь, принимая такой роскошный подарок в присутствии Рики. Родители как будто пытались заставить меня придавать значение деньгам, хотя на самом деле мне было на них наплевать. С другой стороны, легко говорить, что тебе наплевать на деньги, когда у тебя их много.

Следующим подарком оказался цифровой фотоаппарат, который я выпрашивал у родителей все прошлое лето.

— Вау! — произнес я, взвешивая подарок на ладони. — Обалдеть можно!

— Я замышляю новую книгу о птицах, — сообщил папа. — И подумал, может, ты сделаешь для нее фотографии?

— Новая книга! — воскликнула мама. — Феноменальная идея, Фрэнк. Кстати, о книгах. Что случилось с последней из них, над которой ты работал?

Мне стало ясно, что она перебрала вина.

— Я дорабатываю кое-какие детали, — тихо ответил отец.

— Ах, ну да, — фыркнул дядя Бобби.

— Итак! — громко заявил я, протягивая руку к последнему подарку. — Это от тети Сьюзи.

— Вообще-то, — произнесла тетя, когда я начал разворачивать сверток, — это от твоего дедушки.

Я замер. В комнате воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на тетю Сьюзи с таким выражением, будто она попыталась вызвать какого-то злого духа. Папа выпятил вперед нижнюю челюсть, а мама опрокинула в горло остатки вина из бокала.

— Разверни, и ты все поймешь, — добавила тетя.

Я сорвал остатки обертки и увидел старую книгу, безбожно зачитанную и давным-давно утратившую суперобложку. Это были «Избранные сочинения» Ральфа Уолдо Эмерсона. Я смотрел на книгу, словно пытаюсь проникнуть взглядом сквозь обложку, и не понимал, как она очутилась в моих дрожащих руках. Никто, кроме Голана, не знал о дедушкиных последних словах, а доктор несколько раз обещал мне, что все, о чем мы беседуем в его кабинете, останется между нами, если только я не соберусь выпить бутылку «Драно»^[6] или исполнить сальто с моста Саншайн Скайвэй.

Я перевел взгляд на тетю, ожидая ответа на вопрос, который не в силах был задать вслух. Она слабо улыбнулась и пояснила:

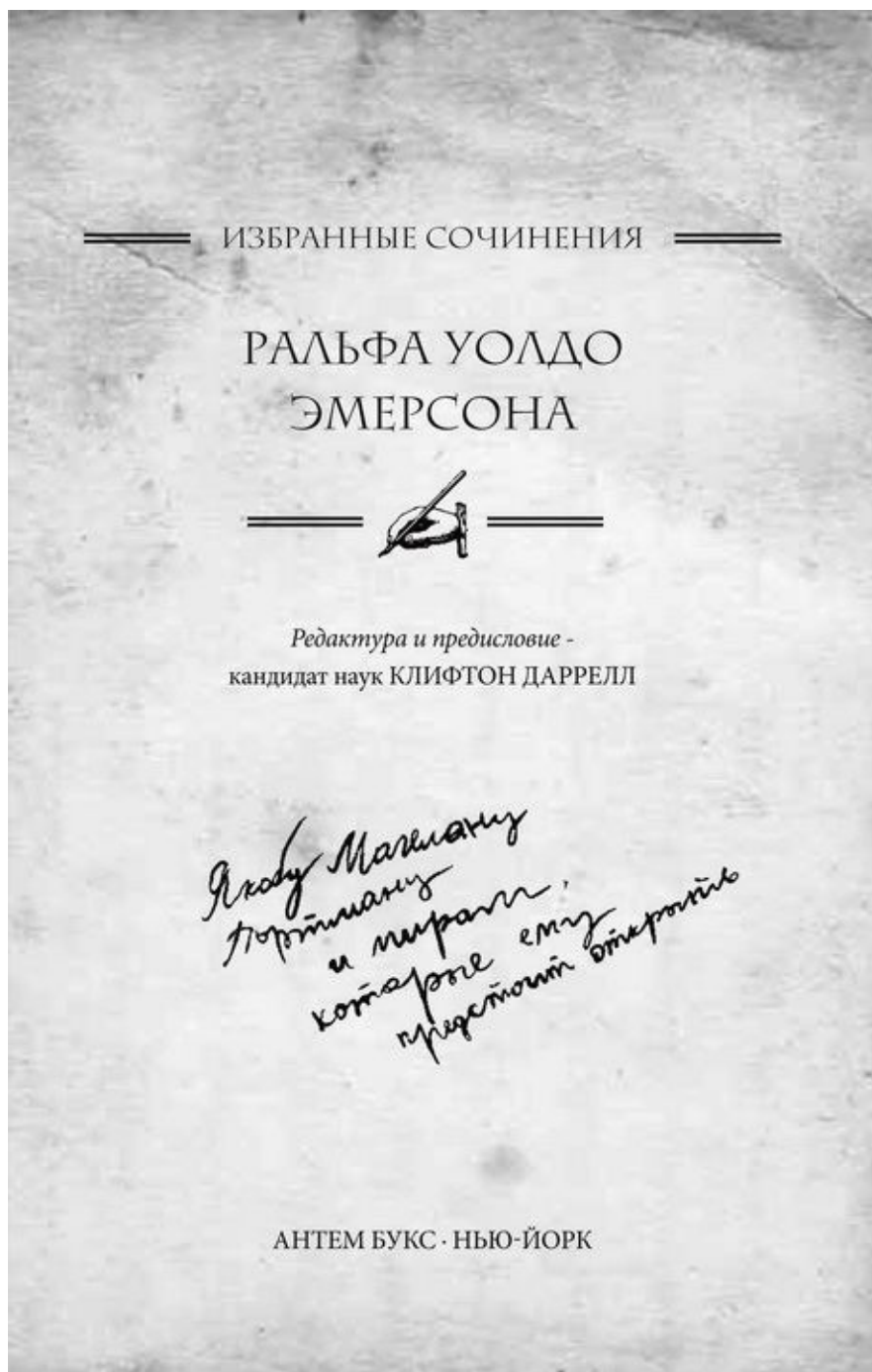
— Я нашла это в столе твоего дедушки, когда мы приводили в порядок его дом. Он написал на первой странице твое имя. Я подумала, это означает, что книга предназначена тебе.

Благослови Господь тетю Сьюзи. Все-таки у нее есть сердце.

— Ничего себе! Я не знала, что твой дедушка увлекался чтением, — защелбетала мама, пытаясь разрядить возникшее в комнате напряжение. — Какая ты умница, Сьюзан.

— Да, — сквозь стиснутые зубы подтвердил папа, — спасибо, Сьюзан.

Я открыл книгу. На титульной странице и в самом деле была надпись, сделанная дрожащей рукой моего деда.

Я встал, чтобы выйти, опасаясь, что сейчас расплачусь у всех на виду.
Из книги что-то выскользнуло и упало на пол.

Я нагнулся, чтобы подобрать этот предмет. То было письмо.
Эмерсон. Письмо.

Кровь отхлынула от моего лица. Мама наклонилась ко мне и драматическим шепотом поинтересовалась, не подать ли мне стакан воды.
На мамином языке это означало: *Соберись. На тебя все смотрят.*

— Мне немного не по себе... — пробормотал я и, прижав руку к животу, бросился бежать в свою комнату.

* * *

Письмо было написано от руки на гладкой нелинованной бумаге. Почерк был причудливым, изобилующим завитушками, почти каллиграфическим. Оттенок чернил то и дело менялся, как если бы писали старинной чернильной ручкой. Я начал читать.

Дорогой Эйб!

Я надеюсь, что это послание застанет тебя в добром здравии и благополучии. Мы так давно не получили от тебя известий! Но я пишу не для того, чтобы тебя журить, а чтобы сообщить, что мы по-прежнему часто о тебе думаем, и я молюсь о твоей безопасности. Наш смелый красавец Эйб!

Что касается жизни на острове, тут все почти без изменений. Но спокойствие и порядок — это именно то, что нам нужно! Интересно, узнали бы мы тебя или нет по прошествии стольких лет. Я уверена, что ты нас узнал бы. То есть тех немногих, кто здесь еще остался. Нам очень хотелось бы получить твое нынешнее фото, если таковое у тебя найдется. Я прилагаю к письму свой собственный весьма древний снимок.

Э. ужасно по тебе скучает. Почему ты ей не напишешь?

С уважением и восхищением,
директриса Алма ЛеФэй Сапсан

В конверте лежала обещанная автором письма старая фотография. Я поднес ее к лампе, пытаясь рассмотреть хоть какие-то детали в черном силуэте женского лица, но ничего не увидел. Это был очень странный снимок, хотя он ничем не напоминал фотографии, которые показывал мне дедушка. Здесь не было подделки. Это была просто женщина. Женщина, курящая изогнутую трубку, очень напоминающую любимый аксессуар Шерлока Холмса. Я не мог отвести глаза от ее фотографии.

Возможно, это именно то, о чем говорил дедушка? — спрашивал я себя. И отвечал: — Да. Иначе и быть не может. Речь шла не о письмах самого Эмерсона, но о письме, вложенном между страниц этой книги. Но кто эта директриса? Эта женщина со странной фамилией Сапсан? Я осмотрел конверт в поисках обратного адреса, но нашел только выцветшую марку, на которой значилось *Cairnholm Is., Cymru, UK*.

UK означало Британию. Из атласов, которые я изучал в детстве, я знал, что *Cymru* — это Уэльс. *Cairnholm Is.* Должно быть, это остров, который упоминает в своем письме госпожа Сапсан. Неужели это тот самый остров, где в детстве жил мой дедушка?

Девять месяцев назад он велел мне «разыскать птицу». Девять лет назад он клялся, что детский дом, где он жил, оберегала «птица, которая курит трубку». В семилетнем возрасте я воспринял это заявление буквально, но директриса на снимке курила трубку, и ее фамилия была Сапсан. Сапсан — это одна из разновидностей сокола. Что, если птица, которую я должен был найти по дедушкиной просьбе, на самом деле является спасшей его женщиной — заведующей детским домом? Возможно, она все еще живет на этом острове. Разумеется, теперь она стара как мир, но ее, должно быть, содержат ее бывшие воспитанники, которые давно выросли, но остались при ней.

Впервые последние слова дедушки начали обретать некий смысл. Он хотел, чтобы я поехал на остров и нашел эту женщину. Если кто и был посвящен в тайну его детства, так это она. Но марка была приклеена на конверт пятнадцать лет назад. Может ли быть, что госпожа Сапсан до сих пор жива? Я произвел в уме быстрые подсчеты. Предположим, что в 1939 году, когда она уже заведовала детским домом, ей было лет двадцать пять. В этом случае сейчас ей далеко за девяносто. В принципе, это было вполне возможно. В Инглвуде были люди и постарше. Они не только жили совершенно самостоятельно, но и водили автомобиль. Впрочем, даже если мисс Сапсан и отошла в мир иной за те пятнадцать лет, что истекли с момента написания письма, на Кэрнхолме все еще могли оставаться люди, способные мне помочь. Люди, которые знали дедушку Портмана в детстве. Люди, которые знали его тайны.

Она написала *мы*. *Те немногие, кто здесь еще остался.*

* * *

Как вы, наверное, догадываетесь, уговорить моих родителей позволить мне провести часть каникул на крохотном островке у побережья Уэльса было нелегко. Они, и особенно мама, привели множество убедительных фактов, указывающих на бредовость этой затеи: стоимость поездки, тот факт, что я должен был провести лето с дядей Бобби, обучаясь премудростям управления фармацевтической империей, а также то, что сопровождать меня было некому, поскольку ни одного из моих родителей поездка не интересовала, а поехать сам я, конечно, не мог. У меня же не было ни одного веского довода для возражений. Я не мог обосновать свое желание предпринять столь дальнее путешествие, заявив: «Мне кажется, я должен это сделать», поскольку не хотел выглядеть в их глазах еще более

сумасшедшим, чем они уже меня считали. Я не собирался передавать родителям ни последние слова дедушки Портмана, ни письмо, ни фотографию. Тем самым я лишь окончательно подписал бы себе приговор. Единственными разумными аргументами в пользу поездки были заявления вроде «Я хочу поглубже изучить семейную историю» и «Чад Крамер и Джош Белл этим летом едут в Европу. Почему мне нельзя?» Но, увы, это звучало совершенно неубедительно. Я произносил эти фразы как можно чаще, при этом стараясь все же не злоупотреблять ими, чтобы не вызвать подозрений. А однажды даже прибег к чему-то вроде шантажа. «Если бы у вас не было денег, я бы не настаивал, а так...» Впрочем, я немедленно пожалел об этой тактике. Как бы то ни было, все это не работало.

А потом произошло несколько событий, которые резко повысили мои шансы на успех. Во-первых, дядя Бобби вдруг охладел к идее моей летней стажировки с проживанием у него дома. Ну кто же захочет жить под одной крышей с психом? Поэтому у меня внезапно появилось много свободного времени. Потом папа узнал, что остров Кэрнхолм является сверхважным ареалом обитания множества видов птиц, в том числе половины мировой популяции какой-то там птицы, приведшей его в орнитологический экстаз. Папа начал без конца говорить о своей гипотетической новой книге. Всякий раз, когда он затрагивал эту тему, я делал вид, что мне ужасно интересно, и лез из кожи вон, чтобы его подбодрить. Но самым весомым фактором стало поведение доктора Голана. Мне и уговаривать его почти не пришлось. Он удивил нас всех не только тем, что немедленно поддержал мою идею, но и тем, что повлиял на моих родителей, убедив их отпустить меня в Уэльс.

— Это может быть для него важно, — сказал он моей матери после одного из сеансов. — Речь идет о месте, которое его дед окружил всевозможными мифами. Посещение острова будет способствовать развенчиванию этих мифов. Он увидит, что это вовсе не волшебный, а совершенно обычный остров, каких много. В итоге все остальные фантазии тоже утратят силу. Чтобы победить мистификации, необходимо противопоставить им реальность.

— Но я думала, что он уже не верит во все эти сказки, — растерялась мама. — Ты ведь не веришь в них, Джейк?

— Конечно, не верю, — заверил ее я.

— Он не верит в них на сознательном уровне, — покачал головой доктор Голан. — Но в настоящий момент мы имеем проблему с его подсознанием. Именно там коренятся его сны и страхи.

— И вы в самом деле считаете, что поездка на этот остров может ему

помочь? — спросила мама, прищулив глаза, как будто готовясь услышать ничем не прикрытую правду и принять окончательное решение, отпускать меня или нет.

Слово доктора Голана было законом.

— Да, я так считаю, — кивнул он.

Этого оказалось достаточно.

* * *

Дальше все сложилось с ошеломляющей скоростью. Были куплены билеты на самолет и четко выстроены планы. Нам с папой предстояло отправиться туда в июне и провести там целых три недели. Мне казалось, что это слишком долго, но отец заявил, что это время необходимо ему для того, чтобы тщательно изучить птичьи колонии острова. Я думал, мама будет возражать — целых три недели! Но по мере приближения даты отъезда она приходила в состояние все более возбужденное. Было видно, что она очень за нас рада.

— Мои мужчины, — сияя, говорила мама, — отправляются навстречу неизведанному.

Ее энтузиазм казался мне очень трогательным, пока я случайно не подслушал мамин разговор по телефону с кем-то из подруг. Не скрывая своего облегчения, она делилась большой радостью.

— Представляешь, — говорила она, — я целых три недели буду жить своей собственной жизнью! С моих плеч свалится забота о двух малолетних и совершенно беспомощных детях!

Я тоже тебя люблю, — хотелось заявить мне, вложив в эти слова как можно больше ядовитого сарказма. Но она меня не заметила, и я промолчал. Я ее, конечно же, любил, но в основном потому, что любовь к матери считается обязательной, а не потому, что она мне очень понравилась бы, встретить я ее на улице. Впрочем, встретить ее на улице я и не смог бы. Только бедняки ходят по улицам пешком.

Окончание занятий в школе и начало путешествия разделяли три недели. Я попытался использовать это время, чтобы убедиться в том, что госпожа Алма Ле Фэй Сапсан все еще пребывает среди живых. Поиски в Интернете оказались бесплодными. Я решил допустить, что она еще жива, и раздобыть ее номер телефона. Это позволило бы мне хотя бы предупредить ее о своем прибытии. Однако я очень быстро выяснил, что у жителей Кэрнхолма вообще нет телефонов. На всем острове существовал

только один номер. Его я и набрал.

Соединение заняло почти минуту. На линии шипело, щелкало, стихало и снова шипело, что позволило мне прочувствовать то огромное расстояние, которое отделяло меня от моего неизвестного абонента. Наконец я услышал характерные европейские гудки — ваап-ваап... ваап-ваап... после чего в трубке раздался голос человека, который, судя по всему, находился в состоянии глубокого опьянения.

— Гнойник мошенников! — заорал он.

Из трубки доносился невообразимый шум — глухой рев, какой бывает только в разгар буйной вечеринки. Я попытался представиться, но он меня, кажется, не услышал.

— Гнойник мошенников! — снова заорал он. — Кто это? — Прежде чем я успел что-либо ответить, он завопил куда-то в сторону: — Я сказал, заткнитесь, вы, пьяные ублюдки, я говорю по...

На этом связь оборвалась. Я долго сидел, растерянно прижимая трубку к уху, а потом положил ее на рычаг. Перезванивать я не стал. Если единственный телефон Кэрнхолма был подключен к обители зла под названием «Гнойник мошенников», то чего еще можно было ожидать от этого острова? Неужели свое первое путешествие в Европу я потрачу на попытки избежать встречи с пьяными маньяками и наблюдение за птицами, гадающими на скалы каменистых пляжей? Возможно, — отвечал себе я. Но я был готов на все, лишь бы разгадать тайну, окутывающую жизнь и смерть моего дедушки. Ну а после можно продолжить свое неприметное существование.

Глава третья

Нас окружала непроницаемая стена тумана. Когда капитан объявил, что мы почти на месте, я подумал, что он шутит. С покачивающейся палубы парома я не видел ничего, кроме бесконечной серой завесы. Я стискивал поручень, вглядываясь в зеленоватые волны, и размышлял о том, что еще немного — и мой завтрак достанется рыбам. Рядом со мной в рубашке с короткими рукавами дрожал отец. Впервые в жизни я наблюдал такой холодный и сырой июнь. Я отчаянно надеялся на то, что тридцать шесть мучительных часов, которые ушли на то, чтобы забраться в такую даль, себя окупят. Наш перелет включал три лайнера, две пересадки и бесконечное ожидание вылета. Потом мы по очереди дремали на скамейках неопрятных вокзалов и в конце концов очутились на этом выворачивающем все внутренности пароме.

— Смотри! — вдруг закричал отец.

Подняв голову, я увидел, как из пелены тумана, угрожающе нависая над нами, возникла громадная скала.

Это и был остров моего дедушки. Зловещий и унылый, окутанный лохмотьями тумана, охраняемый миллионами галдящих птиц, он походил на античную крепость, сооруженную неведомыми гигантами. При виде обрывистых утесов, вершины которых исчезали в призрачных облаках, мысль о том, что этот остров волшебный, уже не казалась мне нелепой.

Тошнота тоже как будто отступила. Папа бегал по палубе, как ребенок вокруг рождественской елки, пожирая взглядом кружащих над нами птиц.

— Джейкоб, ты только посмотри на это! — кричал он, тыча пальцем в рой каких-то крапинок. — Да это же буревестник обыкновенный!

Паром приблизился к утесам, и под самой поверхностью воды стали различимы какие-то странные очертания. Кто-то из членов экипажа заметил, как я свесился через поручень, вглядываясь в волны, и остановился рядом.

— Впервые видишь обломки кораблекрушения?

— Вы серьезно? — обернулся я к нему.

— Это кладбище кораблей. В старину капитаны так и говорили: «Мыс Хартленд-Твикст и залив Кэрнхолм — могила моряков, разрази нас гром!»

В этот момент мы проплывали мимо корабля, который находился так близко к поверхности воды, что я явственно различил очертания его позеленевшего корпуса, и мне показалось, что он, подобно зомби, вот-вот

всплывет из своей неглубокой могилы.

— Видишь это судно? — спросил моряк, указывая на воду. — Его затопила подводная лодка.

— В здешних водах были подводные лодки?

— Полно. Ирландское море кишело немецкими субмаринами. Если бы можно было поднять все затопленные ими корабли, мы получили бы целый военный флот.

Он театрально приподнял одну бровь и, расхохотавшись, зашагал прочь.

Я помчался вдоль борта на корму, неотрывно глядя на исчезающий в нашем кильватере затонувший корабль. Я успел подумать, что для того, чтобы попасть на остров, нам понадобится альпинистское снаряжение, но тут мы обогнули мыс и вошли в изогнутую полумесяцем гавань. Вдали виднелась небольшая бухта, пестревшая разноцветными рыбацкими лодками, а дальше, в зеленой чаше долины, разлегся городок. Лоскутное одеяло полей, усеянных движущимися точками овец, укрывало холмы, поднимающиеся к высокому горному кряжу, который, подобно ватному парапету, обрамляла стена облаков. Эта драматичная красота не походила ни на что из виденного мной ранее. Паром медленно приближался к берегу, а я ощущал, что мной завладевает дух первооткрывателя, как если бы я увидел землю там, где на картах значилась лишь безбрежная синева.

Паром пришвартовался, и мы потащились со своими сумками в городок. Присмотревшись повнимательнее, я решил, что вблизи он далеко не так привлекателен, как издали. Вдоль мощенных грязноватым гравием дорог выстроились ряды домиков, которые можно было бы назвать необычными и даже хорошенькими, если бы не спутниковые тарелки, неизменно венчающие их крыши. Из-за удаленности и экономической незначительности Кэрнхолма тянуть сюда линии электропередач не стали, в результате чего на каждом шагу подобно сердитым осам жужжали дурно пахнущие дизельные генераторы, шум которых сливался с рычанием тракторов. Последние, видимо, являлись единственным транспортным средством острова. На окраине города стояли древнего вида заброшенные дома без крыш, свидетельствуя о том, что население тает. Как и везде, дети отказывались продолжать вековые традиции предков, занимавшихся фермерством и рыбной ловлей; они покидали родные места в надежде на то, что в больших городах их ожидают большие возможности.

Мы тащились с вещами по городу в поисках чего-то под необычным названием «Родник Священников», где папа забронировал для нас комнату. Я представлял себе старую церковь, переоборудованную под гостиницу.

Ничего особенного, просто место, где мы сможем спать и отдыхать в перерывах между наблюдением за птицами и расследованием дедушкиных тайн. Мы то и дело обращались за помощью к местным жителям, которые лишь растерянно смотрели на нас и спешили прочь.

— Они говорят по-английски или как? — вслух поинтересовался папа.

Моя рука уже начала болеть от нереального веса чемодана, но тут мы увидели церковь. И подумали было, что нашли свое пристанище, но, войдя внутрь, убедились, что церковь действительно переоборудовали, но не в гостиницу, а в маленький, неопрятного вида музей.

Мы нашли его хранителя в небольшой комнате, увешанной рыбацкими сетями и ножницами для стрижки овец. Увидев нас, он просиял, но тут же помрачнел, поняв, что мы всего лишь заблудились.

— Я так думаю, вам нужен «Тайник Священников», — вздохнул он. — Больше на нашем острове снимать комнаты негде.

Хранитель музея начал объяснять нам дорогу, а я вслушивался в его певучее произношение, показавшееся мне необыкновенно забавным. Речь валлийцев пришлась мне по душе, несмотря на то, что половина из того, что они говорили, оставалась для меня загадкой. Папа поблагодарил хранителя и повернулся, чтобы уйти. Но мне так понравился этот добродушный человек, что я решил задать ему еще один вопрос.

— Где находится старый детский дом?

— Старый что? — прищурившись, переспросил хранитель.

Мелькнула ужасная мысль, что мы прибыли не на тот остров или, хуже того, детский дом — это лишь очередная выдумка моего дедушки.

— Это был детский дом для детей-беженцев, — уточнил я. — Во время войны. Такое большое здание.

Мужчина пожевал нижней губу, с сомнением глядя на меня. Казалось, он решал, помочь мне или умыть руки и не связываться. В конце концов он сжалился надо мной и произнес:

— Не знаю я никаких беженцев, но думаю, что мне известно место, о котором вы говорите. Это далеко, на другой стороне острова, за болотом и лесом. Хотя на вашем месте я не ходил бы туда один. Шаг в сторону от тропинки, и больше о вас никто ничего не услышит. Помешать вам сорваться в пропасть могут только мокрая трава да овечьи шарик.

— Спасибо, что предупредили! — воскликнул папа, пристально глядя на меня. — Пообещай мне, что не пойдешь туда сам.

— Ну, хорошо, хорошо.

— А чем он вас заинтересовал? — спросил хранитель. — Я не слышал, чтобы он находился в путеводителе для туристов.

— Небольшое генеалогическое исследование, — быстро ответил папа, приостановившись возле двери. — Мой отец провел там несколько лет, когда был ребенком.

Я видел, что он любой ценой хочет избежать упоминания о психиатрах и мертвых дедушках. Он еще раз поблагодарил мужчину и вытолкнул меня за дверь.

Следуя указаниям хранителя музея, мы двинулись обратно, туда, откуда пришли, пока не дотопали до мрачного вида статуи, высеченной из черного камня. Это был мемориал под названием Ждущая Женщина, посвященный ушедшим в море и не вернувшимся домой жителям острова. С горестным выражением лица она простирала руки к раскинувшейся вдали бухте, но прежде всего к расположенному через дорогу «Тайнику Священников». Я не знаток по части гостиниц. Но одного взгляда на выцветшую вывеску мне хватило, чтобы понять — это не четырехзвездочный отель. В верхней части вывески гигантские буквы гласили: ВИНО, ПИВО, ВИСКИ. Ниже виднелась надпись поскромнее: *Вкусная еда*. В самом низу от руки, выражая чью-то запоздалую мысль, было приписано: *Комнаты для ночлега*. Хотя буква «ы» вытерлась и стала напоминать «а». В итоге слово «Комнаты» обрело единственное число — «Комната». Пока мы тащили сумки к двери, отец беспрестанно клял мошенников и лживую рекламу. Я оглянулся на Ждущую Женщину, и мне показалось, что она ждет, когда кто-нибудь угостит ее кружкой эля. Протиснувшись вместе со своим багажом в узкий дверной проем, мы замерли, моргая в неожиданной полутьме паба. Когда мои глаза привыкли к мраку, я понял, что название «тайник» очень удачно описывает это помещение. Крошечные окошки в свинцовых рамах едва пропускали свет. Впрочем, освещения хватало, чтобы найти кран с пивом, не натываясь по дороге на столы и не переворачивая стулья. Столы были такими старыми и расшатанными, что казалось разумнее использовать их в качестве дров для камина. Несмотря на то что все еще было утро, заведение наполовину заполняли мужчины на разных стадиях опьянения. Они сидели за столами, молитвенно склонив головы и удрученно уставившись на бокалы с жидкостью янтарного цвета.

— Вы, должно быть, насчет комнаты, — произнес человек за барной стойкой, подходя к двери, чтобы пожать нам руки. — Я Кев, а это ребята. Ребята, поздоровайтесь.

— Привет, — произнесли ребята, кивая своим бокалам.

По узкой лестнице мы поднялись вслед за Кевом в наши комнаты (во множественном числе!), обстановку которых можно было бы с натяжкой

описать как базовую. Тут имелись две спальни (на более просторную тут же предъявил права отец) и комната, исполняющая тройную функцию — кухни, столовой и гостиной. Меблировка последней исчерпывалась столом, побитым молью диваном и газовой плиткой. Ванная комната, как заявил Кев, «по большей части работает. Но если она начнет выделяться, можно воспользоваться старым проверенным заведением». Он привлек наше внимание к расположенному позади здания биотуалету, прямо на который выходило окно моей комнаты.

— Ах да, вам понадобится еще вот это. — Он извлек из шкафа две керосиновые лампы. — В десять часов генераторы вырубаются, потому что завозить сюда бензин чертовски дорого. Поэтому вы либо ложитесь спать пораньше, либо привыкаете к свечам и керосину. — Он ухмыльнулся. — Добро пожаловать в Средневековье!

Мы заверили Кева, что туалет во дворе и керосин нас вполне устраивают. Более того, нам не терпится все это испытать. Да это же настоящее приключение, сэр! После этого он повел нас вниз, чтобы покончить с осмотром нашего нового обиталища.

— Подкрепляться можете здесь, — пояснил он, обводя рукой зал. — Думаю, что так вы и поступите, поскольку делать это больше просто негде. Если захотите позвонить, у нас есть телефон. Вон там, в углу. Правда, иногда к нему выстраивается очередь. Дело в том, что мобильный прием у нас «гуляет», а перед вами единственный стационарный телефон на весь остров. Да, да, это все у нас — еда, ночлег и телефон. Единственное место на острове, где все это есть!

Он запрокинул голову и расхохотался.

Единственный телефон на острове. Я удивленно разглядывал это уникальное сооружение — нечто вроде будки с дверью. Такие можно было увидеть только в старых фильмах. Со всевозрастающим ужасом я осознал, что это и есть то место, где бушевала разнузданная вечеринка вроде древнегреческих оргий, когда я несколько недель назад попытался позвонить на остров. Мы находились в *Гнойнике мошенников*!

Кев вручил отцу ключи от наших комнат.

— Будут вопросы, вы знаете, где меня найти, — добавил он.

— У меня уже есть вопрос, — остановил его я. — Что такое «Тайник Священников»?

Мужчины у барной стойки разразились смехом.

— Ну, конечно же, это тайник для священников! — заявил один из них, что заставило остальных расхохотаться еще сильнее.

Кев подошел к камину и указал на неровные доски у себя под ногами,

где сейчас спал облезлый пес.

— Он находится здесь, — Кев постучал ногой по чему-то, напоминающему люк. — В незапамятные времена, когда человека могли повесить только за то, что он был католиком, сюда приходили в поисках убежища священнослужители. Если вслед за ними являлись ищейки королевы Елизаветы, мы прятали тех, кто в этом нуждался, вот в таких укромных местах, называвшихся тайниками священников.

Меня поразило то, как он произнес слово «мы». Как будто он лично знал этих давно умерших жителей острова.

— Укромных, это уж точно, — подтвердил один из пьяниц. — Но им там, внизу, было жарковато и ужасно тесно!

— Лучше уж тесно и жарко, чем в петле и на свежем воздухе, — возразил другой.

— Эт точно! — кивнул первый. — Так выпьем же за Кэрнхолм, нашу неприступную и надежную крепость!

— За Кэрнхолм! — подхватили остальные, одновременно поднимая бокалы.

* * *

Мы так устали от долгого перелета, что рано легли спать. Точнее, легли в кровати и лежали, накрыв головы подушками в попытке заглушить доносящуюся снизу какофонию. Шум свободно проникал сквозь перекрытия и доски пола, а в какой-то момент стал таким громким, что я решил — гуляки вторглись в мою комнату. А потом часы, видимо, пробили десять, потому что все генераторы зачихали и стихли, как и музыка в пабе. Погас и фонарь за моим окном. Внезапно меня окутала безмолвная и благословенная тишина, и только шепот далеких волн напоминал о том, где я нахожусь.

Впервые за долгие месяцы я провалился в глубокий сон без кошмаров. Вместо чудовищ мне приснился дедушка, его первая ночь на этом острове, где он чувствовал себя чужим на чужой земле, под чужой крышей, и был обязан жизнью людям, которые говорили на чужом языке. Когда я проснулся, комнату заливал яркий солнечный свет и я осознал, что госпожа Сапсан спасла не только дедушкину жизнь, но и жизнь моего отца, и мою тоже. Сегодня, если мне повезет, я наконец-то смогу ее поблагодарить.

Я спустился вниз, где нашел папу, который потягивал кофе и полировал стекла своего дорогого бинокля. Не успел я присесть рядом с

ним, как появился Кев с двумя тарелками мяса и поджаренными тостами.

— Я не знал, что тосты можно жарить на сковородке, — заметил я, а Кев ответил, что нет пищи, вкус которой нельзя было бы улучшить, поджарив ее на сковороде.

За завтраком мы с папой обсудили план дня. Нам предстояло стать своего рода разведчиками и ознакомиться с островом. Мне не терпелось поскорее приступить к розыскам, и я практически не жуя проглотил свой завтрак.

Хорошенько подкрепившись жирной пищей, мы вышли из паба и зашагали по городу, уворачиваясь от тракторов и перекрикивая рев генераторов. В какой-то момент улицы окончились, по обе стороны от дороги потянулись поля, а шум остался позади. День был прохладный и ветреный. Солнце то пряталось за тучи, то прорывалось сквозь них, заливая холмы изумительно ярким светом. Я испытывал прилив энергии и был исполнен надежд. Мы направлялись к тому каменистому пляжу, где отец еще с паромы заметил большую стаю птиц. Я не был уверен, что нам удастся на него попасть. Остров имел форму огромной миски. Холмы расходились от середины к краям, обрываясь к морю крутыми скалами и утесами. Но нам повезло: именно в этом месте холмы закруглялись, а к небольшому песчаному пляжу вела тропинка.

Мы спустились к кромке воды, где визжала, хлопала крыльями и ловила рыбу в оставшихся после отлива лужах целая птичья цивилизация. Я увидел, как глаза отца восхищенно распахнулись.

— Потрясающе, — пробормотал он. — Мне необходимо здесь немного побыть. Как ты на это смотришь?

Мне уже приходилось видеть такое выражение на его лице, и я совершенно точно знал, что «немного» означает в данном случае не один час.

— Тогда я сам пойду искать детский дом, — пожал плечами я.

— Один ты не пойдешь. Ты обещал.

— Тогда я найду кого-нибудь, кто сможет меня проводить.

— Кого?

— Я думаю, Кев мне кого-нибудь порекомендует.

Папа устремил взгляд в море, где из кучи камней торчал огромный ржавый остов маяка.

— Ты знаешь, что сказала бы твоя мама, если бы она была здесь? — спросил он.

Мои родители придерживались различных взглядов на мое воспитание. Мама стремилась меня контролировать и всячески опекать.

Папа давал мне больше свободы. Он считал, что я должен время от времени совершать свои собственные ошибки. К тому же, отпустив меня, он получал в свое распоряжение целый день.

— Ну хорошо, — немного погодя вздохнул он. — Только обязательно оставь мне номер того, кто с тобой пойдет.

— Папа, здесь ни у кого нет телефонов.

Он снова вздохнул.

— Ладно уж. Смотри, чтобы человек был надежный.

* * *

Кев куда-то ушел по делам, а обращаться к его пьяным клиентам-бездельникам с просьбой исполнить роль моего компаньона мне не хотелось. Поэтому я вошел в ближайший магазин, чтобы посоветоваться с кем-то, кто хотя бы чем-то занимается. РЫБА — значилось на двери. Я толкнул эту дверь и оказался в обществе бородатого гиганта в пропитанном кровью фартуке. Он на мгновение прекратил обезглавливать рыбу и уставился на меня. В руке он держал огромный нож, с которого капала кровь. При виде его я поклялся себе больше никогда не брезговать пьяными.

— Какого черта тебе там понадобилось? — прорычал он, когда я объяснил ему, куда мне надо. — Там нет ничего, кроме болот и свихнувшейся погоды.

Я объяснил в двух словах насчет дедушки и детского дома. Он нахмурился, а затем, опершись на стол, с сомнением посмотрел на мою обувь.

— Думаю, Дилан не особенно занят и сможет тебя проводить, — буркнул он, ткнув ножом в сторону паренька приблизительно моих лет, укладывавшего рыбу в ящик со льдом. — Но тебе понадобится другая обувка. Негоже отпускать тебя туда в этих тапочках. Так и останутся в грязи.

— Правда? — удивился я. — Вы так думаете?

— Дилан, а ну-ка принеси этому мужичку резиновые сапоги!

Парень с тяжелым вздохом демонстративно медленно закрыл ящик со льдом, вытер руки и поплелся к полкам, набитым всякой всячиной.

— У нас как раз имеются отличные сапоги, — продолжал хозяин лавки. — Купите один, получите второй... не бесплатно!

Он расхохотался и рубанул ножом по лососю с такой силой, что голова

его отлетела в сторону, проскользила по залитому кровью столу и угодила в подставленное ведро.

Решив, что небольшое вымогательство — это весьма скромная цена за возможность найти женщину, ради встречи с которой я пересек Атлантику, я выудил из кармана деньги. К счастью, папа настоял на том, что у меня должна быть при себе некоторая сумма.

Я вышел из магазина, обутый в резиновые сапоги, такие огромные, что мои ноги утонули в них прямо в кроссовках, и такие тяжелые, что я с трудом поспевал за своим угрюмым провожатым.

— Ты ходишь в школу на острове? — окликнул я Дилана, пытаюсь его догнать.

Мне действительно было любопытно, как живут на этом острове мои ровесники.

Он пробормотал название какого-то городка на большой земле.

— Но это же час на пароме в каждую сторону!

— Угу.

Вот и все. На все остальные попытки завязать разговор он отвечал еще более односложно. То есть попросту молчал. В конце концов я смирился и тоже умолк. Выходя из города, мы встретили одного из приятелей Дилана. Это был парень постарше в ослепительно-желтом тренировочном костюме и желтых цепях под золото. Трудно было представить себе более неуместное для Кэрнхолма зрелище. Даже если бы он вырядился в костюм астронавта, ему не удалось бы выглядеть более нелепо. Он поздоровался с приятелем, потыкав кулаком в его кулак, после чего представился Червем.

— Тебя зовут Червь? — изумился я.

— Это его сценическое имя, — пояснил Дилан.

— Мы самый извращенный рэп-дуэт в Уэльсе, — добавил Червь. — Я Червь, а это Белуга Дилан, также известный под именем Грязный Бизнес, лучший битбоксер^[7] Кэрнхолма. Что скажешь, Грязный Дилан, покажем этому янки класс?

— Сейчас? — с недовольным видом протянул Дилан.

— А ну-ка подбрось мне несколько фоновых битов, сынок!

Дилан закатил глаза, но сделал то, о чем его попросили. Вначале мне показалось, что он давится собственным языком, но потом я уловил в его кашле ритм — пух-пух-ЧАХ, пух-пуххх, пух-ЧАХ, — под который Червь и начал начитывать рэп.

— Мне нравится висеть в «Тайнике Священников» / Твой батя всегда там, он свой среди мошенников / Мои стихи клевые и совсем не пустые / Биты Дилана крутые, а вовсе не пустые.

Дилан замолчал.

— В этом нет никакого смысла, — заявил он. — И это *твой* отец свой среди мошенников.

— О черт, Грязный Дилан, тогда показывай, что умеешь ты! — Червь начал пыхтеть и кашлять, одновременно вполне сносно изображая робота. Его кроссовки как будто ввинчивались в усыпанную щебнем дорогу. — Принимай микрофон, Белуга!

Дилан, похоже, смутился, но все же начал читать:

— Я встретил птичку по имени Ида / Она в восторге от моего прикида / Я задал ей жару, как доктор в Йоркшире / Я придумал эту рифму, пока сидел в сортире.

— В *сортире*? — покачал головой Червь.

— Я не успел подготовиться!

Они обернулись ко мне и поинтересовались, что я об этом думаю. С учетом того, что даже им самим не нравился рэп друг друга, я не знал, что сказать, и замялся.

— Мне больше прет музыка, где поют, играют на гитарах, и все такое.

Червь небрежно махнул рукой.

— Этот не поймет, что имеет дело с шедевром, даже если шедевр укусит его за задницу, — презрительно пробормотал он.

Дилан засмеялся, и они обменялись сложной системой рукопожатий, похлопываний ладонью о ладонь и постукиваний кулаком о кулак.

— Может, пойдем дальше? — предложил я.

Они недовольно побурчали, еще немного потянули время, но вскоре поплелись дальше. Червь присоединился к нам.

Я замыкал шествие, пытаюсь придумать, что я скажу госпоже Сапсан, когда увижу ее. Я ожидал, что меня представят настоящей валлийской леди. Мы будем попивать чай в гостинной и вежливо беседовать о всяких мелочах. А потом я выберу подходящий момент и сообщу ей трагическую новость. *Я внук Абрахама Портмана*, — скажу я. — *Я должен с прискорбием сообщить вам, что его с нами больше нет.* Она начнет промокать платочком слезы, а потом я засыплю ее вопросами.

Вслед за Грязным Диланом и Червем я шел по тропинке, которая извивалась среди пастбищ с меланхоличными овечками. Впереди нас ожидал изнурительный подъем на кряж. Там, наверху, покачивалась стена такого плотного тумана, что, шагнув в него, мы словно очутились в ином мире. Туман показался мне явлением библейского порядка. И было нетрудно представить себе, как разгневанный Господь насылает на египтян подобное бедствие. Когда мы начали спускаться по противоположному

склону, туман стал еще гуще. Солнце превратилось в мутное белесое пятно. Моя одежда мгновенно отсырела. Похолодало. На мгновение я потерял из виду Червя и Дилана, но тут тропинка выскочила на равнину и я наткнулся на остановившихся впереди приятелей.

— Эй, янки! — окликнул меня Дилан. — Сюда!

Я послушно пошел за ними. Тропка осталась позади. Теперь мы шли по заболоченному, поросшему густой травой полю. Овцы смотрели на нас темными слезящимися глазами. У них была мокрая шерсть и обвисшие хвосты. Вдруг из тумана возник маленький домик с заколоченными окнами.

— Вы уверены, что это то, что я ищу? — удивился я. — Тут, похоже, пусто.

— Пусто? Ничего подобного. Там *полно* всякого дерьма, — ответил Червь.

— Сходи, убедись сам, — предложил Дилан.

Я заподозрил какую-то ловушку, но все же подошел к двери и постучал. Она была незаперта и от моего прикосновения приотворилась. Внутри было так темно, что я ничего не мог разглядеть. Я сделал шаг вперед и, к своему удивлению, *вниз*, наткнувшись на то, что показалось мне земляным полом, но на самом деле было целым океаном экскрементов, в котором я увяз по самую щиколотку. Эта необитаемая хижина, совершенно безобидная с виду, оказалась хлевом для овец.

— О Господи! — содрогаясь от отвращения, взвизгнул я.

Снаружи донесся залиvistый хохот. Я попятился, спеша вывалиться наружу прежде, чем потеряю сознание от окружившего меня смрада. Мои провожатые корчились от смеха, держась за животы.

— Вы полные засранцы, — сообщил я им, отскребая с необъятных сапог навоз.

— Почему? — удивился Червь. — Мы *предупреждали* тебя, что там полно дерьма.

Я вплотную подступил к Дилану.

— Вы покажете мне дом или нет?

— Он это серьезно, — выдавил Червь, утирая слезы.

— Конечно, я серьезно!

Улыбка сползла с лица Дилана.

— Я думал, ты прикалываешься, приятель.

— Думал *что*?

— Ну, типа, шутишь.

— Я не шучу.

Мальчишки озадаченно переглянулись. Дилан что-то прошептал на ухо Червю. Тот также шепотом что-то ему ответил. Наконец Дилан повернулся и указал на уводящую вдаль неровную тропинку.

— Если он тебе так нужен, иди прямо, мимо трясины, а потом через лес. Это огромный старый дом. Его невозможно не заметить.

— Какого черта! Вы обещали довести меня до конца.

— Мы дальше не пойдем, — опустив глаза, сообщил Червь.

— Почему?

— Не пойдем, и все.

Они развернулись и поплелись обратно, туда, откуда мы пришли. Вскоре их поглотил туман.

Я взвесил свои возможности. Я мог, поджав хвост, вслед за этими предателями вернуться в город. Я также мог продолжить путь в одиночестве, но не признаться в этом отцу.

Четыре секунды напряженных размышлений привели к тому, что я двинулся дальше.

* * *

По обе стороны от тропинки сколько видел глаз расстилалось мертвенно-бледное болото, поросшее рыжей травой и покрытое клочками тумана. Это был совершенно однообразный пейзаж, однако кое-где торчали невысокие, сложенные из камней пирамидки. Но вскоре болото неожиданно закончилось, уперевшись в лес, — скелетоподобные деревья вскидывали вверх тощие ветки. На какое-то время тропинка исчезла под поваленными деревьями и ковром из плюща, и двигаться дальше мне пришлось почти наугад. Я не мог понять, как такой пожилой даме, как госпожа Сапсан, удастся преодолевать эту полосу препятствий. *Должно быть, ей все доставляют на дом,* — подумал я, хотя, судя по всему, нога человека не ступала на эту тропинку несколько месяцев, если не лет.

Я перебрался через гигантское, скользкое ото мха дерево и увидел, что тропинка резко повернула. Потом деревья расступились, как занавес, и прямо передо мной возник заросший высокой травой и окутанный туманом холм. На его вершине стоял дом. Теперь я понял, почему мальчишки отказались меня сюда вести.

Дедушка описывал его сотни раз. Но в его рассказах он всегда был солнечным и радостным. И я представлял себе этот огромный ветхий особняк искрящимся от смеха и света. Однако то, что сейчас нависало надо

мной, не могло быть убежищем от чудовищ. Этот дом сам превратился в чудовище и взирал на меня с вершины холма голодными глазницами окон. Вездесущий плющ облепил стены подобно антителам, атакующим вирус, а сквозь разбитые стекла наружу смотрели ветки выросших внутри деревьев. Было похоже на то, что сама природа объявила войну этому заброшенному строению. И все же дому удалось устоять, хотя его стены перекошились, а сквозь провалившуюся крышу виднелось небо.

Я попытался убедить себя в том, что, несмотря на всю эту разруху, здесь еще может кто-то жить. Там, откуда я приехал, такое случалось и довольно часто. Заброшенный, пришедший в полный упадок дом с вечно задернутыми шторами где-нибудь на окраине городка вполне мог оказаться жилищем престарелого отшельника, обитающего там с незапамятных времен и питающегося исключительно лапшой быстрого приготовления и обрезками собственных ногтей. Как правило, о его существовании узнавали, только когда в дом вламывался оценщик недвижимости или какой-нибудь особенно рьяный переписчик населения. Состарившись, люди часто перестают ухаживать за своим обиталищем. По той или иной причине родственники списывают их со счетов и забывают о них. Это грустно, но так бывает. И это означало, что мне оставалось одно: подойти к двери и постучать.

Собрав остатки храбрости, я преодолел высокие заросли травы, отделяющие меня от дома, подобрался к крыльцу, от которого осталась лишь куча гниющих досок и раскрошившейся кафельной плитки, и попытался заглянуть в треснувшее окно. Все, что мне удалось различить сквозь грязное стекло, это смутные очертания мебели, поэтому я постучал в дверь и сделал шаг назад, прислушиваясь к зловещей тишине и нащупывая в кармане письмо госпожи Сапсан. Я прихватил его на тот случай, если бы мне пришлось доказывать, что я тот, за кого себя выдаю. Прошла минута, потом вторая, и постепенно мне стало ясно, что, скорее всего, письмо не понадобится. Спустившись обратно во двор, я пошел вокруг дома в поисках другого входа, а заодно попытался оценить размеры здания. Дом был огромным: с каждым поворотом он словно обрастал все новыми балконами, башенками и дымоходами. И с обратной его стороны я наконец увидел то, что искал: оплетенный плющом и зияющий чернотой проем без двери. Он был похож на открытый рот, только и ожидающий возможности меня проглотить. От одного взгляда на эту дыру у меня по коже поползли мурашки. Но я прилетел из другой части света не для того, чтобы при виде старого дома взвизгнуть в панике и убежать. Я вспомнил о тех ужасах, которые пришлось пережить дедушке Портману, и моя

решимость окрепла. Если в этом доме кто-то был, я знал, что я его найду. Я поднялся по рассыпающимся ступеням и переступил через порог.

* * *

Стоя в темной, как склеп, прихожей, я, оцепенев от ужаса, смотрел на то, что кому угодно на моем месте показалось бы висящими на крючках человеческими кожами. На мгновение мне стало по-настоящему страшно. Я ожидал, что из мрака на меня вот-вот выскочит жуткий каннибал с тесаком в руке. Затем я вдруг понял, что смотрю на... пальто, позеленевшие от сырости и превратившиеся в лохмотья. Меня пробрала дрожь, и я сделал глубокий вдох. Я успел обследовать всего десять футов дома, а уже чуть было не испачкал нижнее белье. *Держись*, — приказал я себе и медленно двинулся вперед, пытаюсь унять бешено бьющееся в груди сердце.

Каждая комната являла моим глазам картину, еще более жуткую, чем предыдущая. Разбросанные игрушки, свидетельствующие о том, что когда-то здесь играли дети, были окутаны толстым слоем пыли. Черная мохнатая плесень покрывала участки стен возле окон. Каминные трубы были забиты сплывшимся с крыши плющом, который, подобно щупальцам пришельцев, уже начал расползаться по полу. Кухня напоминала лабораторию, в которой проводился научный эксперимент, окончившийся страшной катастрофой. Банки с консервами не выдержали бесконечной череды замерзания и оттаивания и взорвались, забрызгав стены жуткого вида пятнами. В столовой пол был укрыт осыпавшейся с потолка штукатуркой, и казалось, что тут выпал, да так и не растаял снег. Почти на ощупь дойдя до конца коридора, я осторожно опробовал нижнюю ступеньку шаткой лестницы. Она застонала, как будто пробудившись от долгого сна. Я оглянулся на следы, оставленные моими ботинками в глубокой пыли. Если наверху кто-то жил, он давно оттуда не спускался.

Наконец я набрел на комнаты, в которых недоставало целых стен и в которые успели вторгнуться заросли кустов и молодых деревьев. Стоя на неожиданном ветру, я пытался понять, что могло произвести подобные разрушения, и мной овладевало ощущение, будто это было что-то ужасное. Мне не удавалось сопоставить идиллические воспоминания дедушки с этим кошмарным домом. Как он мог найти убежище в этой пронизанной ужасом атмосфере? Я обследовал только малую часть дома, но внезапно мне показалось, что я понапрасну теряю здесь время. В этих развалинах не мог жить даже самый нелюдимый отшельник. Я покинул дом с

ощущением, что нахожусь как никогда далеко от разгадки дедушкиной тайны.

Глава четвертая

Спотыкаясь и оступаясь, как слепец, я пробрался сквозь лес и туман и снова вышел в мир тепла и света. Солнце уже садилось, окрашивая холмы в красноватый цвет, и это меня очень удивило. Выходит, я провел в доме целый день. В пабе меня уже ожидал отец. На столе перед ним стояли ноутбук и бокал черного как ночь пива. Я подсел к нему и схватил бокал, прежде чем он успел поднять глаза от клавиатуры.

— О Господи, — давась пивом, воскликнул я, — что это?! Ферментированное машинное масло?

— Вроде того, — расхохотался отец, выхватывая у меня бокал. — Это тебе не американское пиво. Но ты ведь его еще не пробовал, верно?

— Конечно нет, — ответил я, заговорщически подмигивая отцу, хотя это было чистой правдой.

Папа предпочитал считать меня рискованым и предприимчивым, таким, каким в моем возрасте был он сам. Мне было выгоднее ему подыгрывать, и я не пытался его разубедить.

Я выдержал краткий допрос относительно того, как нашел дом и кто меня туда отвел. Поскольку я уже знал, что гораздо проще умолчать о некоторых деталях, чем придумывать новые, я с честью выдержал испытание. И естественно забыл упомянуть о том, как Червь и Дилан обманом заставили меня шагнуть в овечье дерьмо, а потом сбежали, не дойдя полмили до цели путешествия. Папа, похоже, остался доволен тем, что я уже успел завести знакомства среди ровесников. Наверное, я также забыл рассказать ему о том, что они успели меня возненавидеть.

— Ну и как тебе дом?

— Куча мусора.

Он поморщился.

— Прошло очень много времени с тех пор, как в нем жил твой дедушка...

— Ага. И не только он.

Отец закрыл компьютер, что было верным знаком того, что он полностью переключил внимание на меня.

— Я вижу, ты разочарован.

— Я пролетел тысячи миль не для того, чтобы найти дом, полный жутковатых обломков.

— Что ты собираешься делать?

— Искать людей, которые смогут мне хоть что-нибудь рассказать. Кто-то должен знать, что случилось с жившими в доме детьми. Я думаю, некоторые из них еще должны быть в живых. Если не здесь, то на большой земле. Пусть даже и в доме престарелых.

— Конечно. Это идея, — неуверенно произнес папа и, помолчав, добавил: — Как тебе кажется, приезд сюда поможет тебе лучше понять, кем был твой дедушка?

Я задумался.

— Не знаю. Наверное. Но атмосфера тут особенная.

— Вот именно, — кивнул папа.

— А как насчет тебя?

— Я? — Он пожал плечами. — Я очень давно перестал пытаться понять своего отца.

— Грустно. Разве тебе не было интересно?

— Конечно, сначала мне было интересно. Но спустя какое-то время любопытство угасло.

Я почувствовал, что разговор начинает причинять мне некий дискомфорт, но все равно продолжал настаивать:

— Почему?

— Когда тебя долго не пускают, ты отчаиваешься и перестаешь стучаться. Ты меня понимаешь?

Он почти никогда так со мной не разговаривал. Возможно, его теперешняя откровенность объяснялась воздействием пива или тем, что мы находились так далеко от дома. А может, он решил, что я уже достаточно взрослый и со мной можно кое-чем поделиться. Как бы то ни было, я хотел, чтобы он продолжал говорить.

— Но ведь он был твоим отцом. Как ты мог сдаться?

— Я не сдался! — возразил папа несколько громче, чем следовало бы, и смущенно опустил глаза. — Просто... Дело в том, что... Мне кажется, твой дедушка просто не знал, как быть отцом. Но считал, что обязан продолжить род, поскольку никто из его братьев и сестер не пережил войну. Выход из ситуации он впоследствии нашел в постоянных командировках и выездах на охоту. Но даже когда он *был* дома, то держался так, будто его не было.

— Ты о том Хэллоуине?

— О чем?

— Ну, о той фотографии.

Речь шла об очень старой истории, случившейся на Хэллоуин. Моему папе было года четыре, и он никогда еще не выпрашивал у соседей

сладоcти, грозя им какой-нибудь шалостью. Дедушка пообещал, что пойдeт с ним, когда вернется с работы. Бабушка купила папе нелепый бледно-розовый костюм кролика, он надел его и сидел возле дома с пяти часов вечера до самой ночи. Но дедушка не пришел. Бабушка так разгневалась, что сфотографировала, как папа плачет на улице, чтобы показать дедушке, какой он мерзавец. Излишне объяснять, что среди членов нашей семьи эта злосчастная фотография обрела легендарную известность, и мой папа ее очень стеснялся.

— Речь идет не об одном-единственном Хэллоуине, — пробормотал папа. — Это случалось гораздо чаще. Если хочешь знать, Джейк, ты был ему гораздо ближе, чем я. Не знаю... Между нами всегда оставалась какая-то недосказанность.

Я не знал, как ему ответить. Неужели он ревнует? — промелькнула мысль.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты мой сын и я не хочу, чтобы ты страдал.

— Почему я должен страдать?

Он промолчал. В окно мягко светили последние лучи заходящего солнца, и наши фигуры отбрасывали на стену темные тени. У меня в животе возникло тошнотворное ощущение. Так, наверное, чувствуют себя дети, когда родители собираются сообщить им о разводе, но те знают об этом еще прежде, чем кто-то успеет открыть рот.

— Я никогда не пытался слишком глубоко понять твоего дедушку, потому что боялся того, что могу узнать, — наконец произнес отец.

— Ты хочешь сказать, насчет войны?

— Нет. Дедушка никогда не говорил о войне, избегая мучительных воспоминаний. Это мне было понятно. Я имею в виду его поездки, его постоянное отсутствие... То, чем он занимался на самом деле. Я думаю, что... и твоя тетя, и я... мы оба считали, что у него есть другая женщина. Может, даже не одна.

Его слова как будто повисли между нами в воздухе. Я ощутил странное пощипывание на лице.

— Папа, но это безумие.

— Однажды мы нашли письмо. Какая-то женщина, имени которой мы так и не узнали, написала его твоему дедушке. *Я тебя люблю, я по тебе скучаю, когда ты вернешься...* И все в таком духе. Это было так нечистоплотно... Я никогда этого не забуду.

Я почувствовал обжигающий укол стыда, как будто отец описывал мое собственное преступление. И все же я не мог в это поверить.

— Мы разорвали письмо и бросили обрывки в унитаз. Больше мы ничего подобного не находили. Наверное, он стал осторожнее.

Я не знал, что сказать. Я не мог даже взглянуть отцу в лицо.

— Прости, Джейк. Должно быть, тебе очень тяжело узнавать такое, ведь ты его боготворил.

Он сжал мое плечо, но я стряхнул его руку и вскочил, царапнув пол ножками стула.

— Никого я не боготворил.

— Ладно. Я просто... Я не хотел, чтобы это стало для тебя неожиданностью, вот и все.

Я схватил куртку и перебросил ее через плечо.

— Что ты делаешь? Сейчас нам принесут ужин.

— Ты ошибаешься насчет дедушки, — вместо ответа произнес я. — И я это докажу.

Папа устало вздохнул.

— Ну хорошо, — согласился он. — Надеюсь, тебе это удастся.

Хлопнув дверью, я выбежал из «Тайника Священника» и зашагал куда глаза глядят. Иногда просто необходимо выйти за дверь.

Отец, конечно, был прав. Деда я действительно боготворил. И хотел, чтобы мое представление о нем осталось таким, каким было прежде. Я отказывался верить в то, что он изменял жене. Когда я был маленьким, фантастические истории дедушки Портмана указывали на то, что

волшебство существует. Даже после того, как я перестал в них верить, в дедушке все равно оставалось что-то магическое. Он пережил столько ужасов, до неузнаваемости изуродовавших его жизнь, видел всю мерзость, на которую только способны люди, и вышел из всего этого тем порядочным, честным и смелым человеком, которого я знал. Это поистине было магией. Поэтому я не мог поверить в то, что он лгал жене и детям и был плохим отцом. Потому что если дедушка Портман был бесчестен, то кому же тогда можно верить?

* * *

Двери музея были открыты, но мне показалось, что внутри никого нет. Я пришел туда в поисках хранителя, рассчитывая на то, что он знаком с историей острова и знает людей, способных пролить свет на тайну пустого дома и исчезновения его бывших обитателей. Он, видимо, куда-то вышел, поскольку наплыва посетителей явно не наблюдалось. Поэтому я вошел в его святая святых с тем, чтобы убить время, разглядывая музейные экспонаты, если их можно было назвать таковыми.

Предметы располагались в больших витринах, которые выстроились вдоль стен на месте убранных оттуда скамей. По большей части они были неописуемо скучными и рассказывали об укладе жизни в традиционной рыбацкой деревне и загадках местного животноводства. Впрочем, один экспонат стоял отдельно, располагаясь на почетном месте в центре комнаты. Он был заключен в изящный ящик, покоившийся на возвышении, где некогда было место алтаря. Это сооружение было отгорожено от остального помещения канатами. Я переступил через несерьезное ограждение, даже не удосужившись прочесть небольшое предостерегающее объявление. У ящика были полированные деревянные бока и крышка из оргстекла, поэтому заглянуть внутрь можно было только сверху.

Когда я сделал это, у меня вырвался возглас ужаса. На одно жуткое мгновение в голове промелькнула паническая мысль — *чудовище!* — потому что я совершенно неожиданно оказался лицом к лицу с почерневшим трупом. Его съежившееся тело, покрытое черной плотью, которую как будто поджарили на открытом огне, необъяснимым образом напоминало существо, преследовавшее меня в кошмарных снах. Но поскольку тело осталось лежать внутри витрины, вместо того чтобы ожить, разбить стеклянную крышку и вцепиться мне в горло, тем самым навеки

искалечив мой мозг, — первоначальная паника немного утихла. Передо мной находился всего лишь музейный экспонат, пусть и очень зловещий.

— Я вижу, ты уже познакомился с нашим стариком! — произнес позади меня чей-то голос. Я обернулся и увидел приближающегося ко мне хранителя. — Ты выдержал это испытание на удивление хорошо. На моих глазах теряли сознание и падали на пол взрослые мужчины! — Он улыбнулся и протянул мне руку. — Мартин Пагетт. Мы уже встречались, но я не припоминаю, чтобы ты называл мне свое имя.

— Джейкоб Портман, — представился я. — Кто это? Самая знаменитая в Уэльсе жертва убийства?

— Ха! Видишь ли, может, ты и прав, но я так не думаю. Перед тобой старейший житель нашего острова, в археологических кругах известный под именем Человек с Кэрнхолма, а для нас он просто Старик. Ему больше двух тысяч семисот лет, хотя на момент смерти было всего шестнадцать.

— Две тысячи семьсот! — воскликнул я, покосившись на лицо мертвого мальчика, на его тонкие, удивительным образом идеально сохранившиеся черты. — Но он кажется таким...

— Вот что происходит, когда проводишь свои лучшие годы в месте, где нет кислорода и потому не могут существовать бактерии. Например, на дне одного из наших болот. Там, внизу, неиссякаемый источник молодости. Разумеется, при условии, что ты уже мертв.

— Так вы нашли его в болоте?

Он засмеялся.

— Это был не я. Это сделали резчики торфа. Еще в семидесятые годы они разрабатывали торфяник возле большой груды камней. Парень так хорошо сохранился, что они решили — на Кэрнхолме орудует убийца. Но полицейские, которых вызвали рабочие, обратили внимание на каменный лук у него в руках и ожерелье из человеческих волос на шее. Сейчас таких не делают.

Меня передернуло от отвращения.

— Это похоже на человеческое жертвоприношение.

— Вот именно. Его придушили, притопили, вырезали у него внутренности, а напоследок ударили по голове. Мне кажется, те, кто это делал, немного перестарались. А ты как думаешь?

— Наверное, вы правы.

Мартин прыснул со смеху.

— Наверное!

— Ну хорошо, хорошо, конечно, перестарались.

— Вне всякого сомнения. Но самым удивительным для нас,

современных людей, фактом является то, что, по всей вероятности, он пошел на смерть по доброй воле. Я бы даже сказал, что он стремился к смерти. Его племя верило в то, что болота, и в частности наша местная трясина, служат входом в мир богов, а значит, просто идеальным местом для того, чтобы предложить им самый драгоценный дар — себя.

— Что за бред!

— Тут я с тобой соглашусь. Хотя нетрудно предположить, что те тысячи разных способов, которыми мы убиваем друг друга, тоже покажутся бредом людям будущего. Да и вообще, трясина не такое уж скверное место и вполне подходит на роль входа в потусторонний мир. Это ведь не совсем вода и не совсем суша. Это нечто среднее. — Он склонился над ящиком, изучая лежащую внутри фигуру. — Не правда ли, он прекрасен?

Я снова перевел взгляд на удушенное, освежаванное и утопленное тело, каким-то образом в процессе столь сложного убийства обретшее бессмертие.

— Мне так не кажется, — покачал я головой.

Мартин выпрямился и вдруг заговорил напыщенным тоном.

— Приди же и взгляни на смоляного человека! Он возлежит здесь в черноте, чернее сажи нежное лицо, усохли руки, ноги, в головешки обратясь, в обломки кораблекрушенья, остатки плоти — что увядшая лоза! — Он выбросил вперед руки и подобно эпатажному актеру засеменял вокруг витрины. — Приди же, восхитись жестокой красотой его ранений! Извилистый узор от лезвия ножа, веревка, впившаяся в горло, и камня рваный след, кости осколки — все на виду! Плод ранний сорван и отброшен — искатель Благодати, ты, старик, обретший юность навсегда, — в тебя почти влюблен я!

Он театрально поклонился в ответ на мои аплодисменты.

— Ух ты! — воскликнул я. — Это вы написали?

— Виновен, каюсь, — со смущенной улыбкой кивнул Мартин. — Я изредка балуюсь стихосложением, но это всего лишь хобби. Как бы то ни было, спасибо, что выслушал.

Я смотрел на него и спрашивал себя, что делает на Кэрнхолме этот странный словоохотливый человечек в отутюженных брюках, автор сыроватых стихов, похожий скорее на банковского служащего, чем на жителя острова, открытого всем ветрам и не знающего асфальта.

— Мне очень хотелось бы показать тебе остальные экспонаты нашей коллекции, — между тем произнес он и, схватив меня под локоть, потащил к двери. — Но боюсь, нам пора закрываться. Впрочем, если бы ты смог

прийти завтра...

— Вообще-то, я рассчитывал кое-что у вас узнать, — ответил я, обеими ногами вставая в пол. — Это насчет того дома, о котором я спрашивал. Я к нему ходил.

— Да ну! — удивленно воскликнул он. — Я полагал, мне удалось тебя запугать. И как нынче поживает наш особняк с привидениями? Стоит на месте?

Я заверил его, что все именно так и есть, и перешел к делу.

— Те люди, которые там жили... вы, случайно, не знаете, что с ними случилось?

— Они умерли, — ответил он. — И к тому же очень давно.

Я удивился, хотя на самом деле удивляться было нечему. Госпожа Сапсан была стара. Старые люди умирают. Но это не означало, что мои поиски окончены.

— Я ищу кого-нибудь, кто жил там когда-то. Пусть не заведующую, но хотя бы кого-нибудь из воспитанников.

— Они все умерли, — повторил он. — После войны там уже никто не жил.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить то, что я услышал.

— Что вы хотите сказать? Какой войны?

— Когда мы произносим слово «война», мой мальчик, мы имеем в виду только одну войну — Вторую мировую. Если не ошибаюсь, их всех накрыло во время налета немецкой авиации.

— Этого не может быть.

Он кивнул.

— В те времена на дальнем берегу острова, за лесом, там, где стоит дом, была установлена зенитная батарея. Это превратило Кэрнхолм в официальную военную цель. Впрочем, немцам никогда не было дела до того, официальная цель или нет. Как бы то ни было, одна из бомб угодила прямо туда... Вот и все. — Он покачал головой. — Очень жаль.

— Но этого не может быть, — повторил я, хотя и без прежней убежденности.

— Почему бы тебе не присесть, — предложил он. — Мне не нравится, как ты выглядишь. Я приготовлю тебе чай.

— У меня просто слегка закружилась голова...

Он подвел меня к стулу в своем кабинете. Я пытался собраться с мыслями. *Бомбежка во время войны.* Разумеется, это объясняло разрушенные стены комнат. Но как же насчет письма госпожи Сапсан,

отправленного с Кэрнхолма всего пятнадцать лет назад?

Мартин вернулся и протянул мне кружку.

— Я добавил капельку «Пендерина», — сообщил он. — Секретный рецепт, знаешь ли. Несколько секунд — и ты в норме.

Я поблагодарил его и сделал большой глоток, слишком поздно осознав, что секретный рецепт основан на первосортном виски. Мне показалось, что по моему пищеводу в желудок устремился напалм. Я почувствовал, что краснею.

— Это и в самом деле круто, — выдавил я.

Он нахмурился.

— Думаю, я должен позвать твоего отца.

— Нет, нет, я в порядке. Но, может, вы вспомните еще что-нибудь о том налете. Я был бы очень вам благодарен.

Мартин расположился в кресле напротив.

— Любопытная вещь, однако. Ты говоришь, что твой дедушка жил в этом детском доме. Он тебе что-нибудь рассказывал о бомбежке?

— Мне тоже это непонятно, — пожал плечами я. — Наверное, когда это произошло, его уже там не было. Это случилось в начале или в конце войны?

— К своему стыду, я вынужден признать, что не в курсе. Но если ты настаиваешь, я могу познакомить тебя с человеком, который не может этого не знать. Это мой дядя Огги. Ему восемьдесят три года, и он прожил здесь всю свою жизнь. У него до сих пор голова варит так, что любой позавидует. — Мартин посмотрел на часы. — Если нам удастся добраться до него раньше, чем по телику запустят «Отца Теда», то он с удовольствием расскажет тебе все, что ты пожелаешь.

* * *

Десять минут спустя мы с Мартином уже тонули в необычайно мягком диване в гостиной дядюшки Огги, доверху набитой книгами и коробками со стоптанными туфлями. Еще тут было множество светильников, которых, пожалуй, хватило бы, чтобы осветить все таверны Карлсбада. Вот только ни один из них не был включен в сеть. Я уже начал понимать, что жизнь на далеком острове превращает людей в барахольщиков, развивая в них страсть к накопительству. Огги сидел напротив нас, одетый в вытертый до дыр пиджак и пижамные штаны, как будто готовился к приему гостей, но гостей, ради которых необязательно облачаться в брюки. Он говорил,

беспрестанно раскачиваясь на своем легком пластиковом стульчике. Казалось, он был счастлив наконец-то заполучить аудиторию и поначалу долго распространялся о погоде, политике и жалком состоянии духа современной валлийской молодежи. Наконец Мартину удалось привлечь его внимание к теме немецкой бомбардировки и погибших воспитанников детского дома.

— Ну конечно, я их помню, — кивнул Огги. — Очень странные люди. Время от времени мы встречали их в поселке — детей и женщину, что за ними присматривала. Они приходили за покупками — молоком, лекарствами и прочим. Бывало, говоришь им «Доброе утро», а они отворачиваются. Держались исключительно особняком. Тут много судачили о том, что там у них могло происходить, но никто ничего не знал наверняка.

— А что болтали?

— Да ерунду всякую. Я же говорю, никто ничего не знал. Все, что я могу сказать, так это то, что они не были обычными сиротами. Я видел много приютских детишек, и все они были совсем другими. Когда они приезжали в поселок, то всегда были не прочь поболтать. Не то что эти. Кое-кто из них даже английского не знал. Вообще ничего не понимали.

— На самом деле это были не сироты, — пояснил я. — Они были беженцами из Европы — из Польши, Австрии, Чехословакии...

— Так вот оно что, — протянул Огги, удивленно приподняв бровь. — Странно, я такого никогда не слышал.

Похоже, он почувствовал себя оскорбленным. Я, наверное, обидел его своими претензиями на то, что мне известно об этом острове больше, чем ему. Он стал еще быстрее и агрессивнее раскачиваться на своем стуле. Если жители Кэрнхолма так относились к дедушке и его друзьям, то не было ничего удивительного в том, что те ни с кем не общались.

— Так что же насчет бомбежки, дядя? — откашлявшись, напомнил ему Мартин.

— Да не лезь ты в бутылку. Да, да, эти чертовы фрицы. Как можно их забыть?

Он ударился в подробный рассказ о жизни на острове под вечной угрозой немецких налетов: о завывании сирен, о паническом бегстве в убежища, о добровольцах, по ночам бегавших от дома к дому, дабы убедиться, что у всех задернуты шторы и погашены фонари, — это должно было лишить немецких пилотов доступных целей. Все старались изо всех сил, но никто не верил, что на них и в самом деле сбросят бомбы. Ведь на большой земле было столько портов и фабрик, представлявших для немцев

гораздо больший интерес, чем маленькая батарея Кэрнхолма. Но однажды ночью бомбы действительно начали падать.

— Шум был ужасный, — рассказывал Огги. — Казалось, по острову, громко топая, бродят великаны. Это продолжалось бесконечно долго. Эти черти задали нам жару, но, к счастью, никто из островитян не погиб. Чего нельзя сказать о наших зенитчиках, — хотя они отстреливались, как могли, — и бедняжках из сиротского приюта. Одной бомбы им хватило. Они отдали свои жизни за Британию, это уж точно. Так что откуда бы они ни были, да упокоит Господь их души.

— Вы помните, когда это произошло? — спросил я. — В начале или в конце войны?

— Я могу назвать тебе точную дату, — кивнул он. — Это случилось третьего сентября тысяча девятьсот сорокового года.

У меня было ощущение, что из комнаты выкачали весь воздух. Передо мной возникло посеревшее дедушкино лицо, его едва шевелящиеся губы, шепчущие вот эти самые слова. *Третье сентября тысяча девятьсот сорокового года.*

— Вы в этом уверены? В том, что это случилось именно в *тот* день?

— Я так и не попал на фронт, — вздохнул он. — Мне не хватило одного года. Для меня вся война сосредоточилась в одной-единственной ночи. Так что да, я уверен.

Во мне как будто все онемело. Мир вокруг казался странным и нереальным. Со мной что, кто-то пытается сыграть шутку? — спрашивал я себя. В таком случае это была очень жестокая и совершенно несмешная шутка.

— И что же, никто не выжил? — поинтересовался Мартин.

Старик на мгновение задумался, подняв глаза к потолку.

— Мне что-то припоминается, — кивнул он. — Выжил только один парень. Чуть старше вот этого мальчика. — Он внезапно перестал качаться на стуле. — Он утром появился в поселке, и при этом на нем не было ни царапины. Он был совершенно спокоен, и это показалось мне самым странным, с учетом того, что все его кореша отправились к праотцам прямо на его глазах.

— Наверное, он был в шоке, — предположил Мартин.

— Ничего удивительного, — согласился Огги. — Он раскрыл рот только для того, чтобы спросить, когда отправляется следующий пароход на большую землю. Объяснил, что хочет взять оружие и убивать проклятых чудовищ, которые уничтожили его друзей.

Рассказ Огги показался мне почти таким же притянутым за уши, как и

истории дедушки Портмана, но у меня не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости его слов.

— Я его знал, — кивнул я. — Это был мой дедушка.

Они в изумлении уставились на меня.

— Ничего себе, — наконец протянул Огги. — Кто бы мог подумать.

Я поблагодарил их и встал. Мартин заметил, что я по-прежнему немного не в себе, и хотел проводить меня до паба. Мне было необходимо побыть наедине со своими мыслями, и я отклонил его предложение.

— Тогда заходи ко мне еще, — пригласил он.

— Спасибо, обязательно зайду, — пообещал я.

Обратно я пошел длинной дорогой мимо покачивающихся в бухте огоньков. Воздух был напоен запахами моря и дыма сотни очагов. Дойдя до конца пристани, я остановился, глядя на восходящую над морем луну и пытаюсь представить себе, как стоял здесь в то ужасное утро мой дед. Онемев от шока, он ожидал пароход, который должен был унести его прочь от смерти друзей, на войну, навстречу новой смерти. Даже на этом острове, который на карте казался всего лишь крохотной песчинкой и который со всех сторон защищали туманы, бурлящие приливы и скалы, не было спасения от чудовищ. Они были повсюду. Именно от этой страшной правды и пытался защитить меня дед.

Я услышал, как вдали зачихали и заглохли генераторы. Одновременно все огни на берегу бухты и в окнах ближайших ко мне домов ярко вспыхнули, прежде чем окончательно погаснуть. Я представил себе, как это должно выглядеть с борта самолета, — целый остров мигнул и исчез, будто его и не было никогда. Сверхновая звезда в миниатюре.

* * *

Я шел обратно при свете луны, чувствуя себя ничтожным и маленьким. Отца я нашел в пабе, там же, где и оставил. Перед ним стояла тарелка с холодным бифштексом и подливой, которая успела превратиться в застывший жир.

— Смотрите, кто вернулся, — протянул он, когда я подсел к нему. — Я охранял твой ужин.

— Я не голоден, — ответил я и рассказал ему то, что узнал о дедушке Портмане.

Вместо того чтобы удивиться, отец рассердился.

— Подумать только, он ничего мне об этом не рассказывал, —

пробормотал он. — Ничего и ни разу.

Я понимал его гнев. Одно дело, когда дед скрывает что-то от внука, и совсем другое, когда отец утаивает что-то очень важное от сына, и делает это в течение долгого времени.

Я попытался направить разговор в более оптимистичное русло.

— В это трудно поверить, ты согласен? Во все, через что ему пришлось пройти.

Отец кивнул.

— Вряд ли мы когда-нибудь узнаем о том, что он пережил.

— Дедушка Портман умел хранить тайны.

— Шутишь! Этого человека в эмоциональном плане можно сравнить только с Форт-Ноксом^[8].

— И все же, возможно, это кое-что объясняет. Почему он вел себя так отстраненно, когда ты был маленьким? — Папа резко вскинул голову, и я понял, что должен как можно скорее пояснить, что имею в виду, или меня обвинят в том, что я себе слишком много позволяю. — К этому времени он успел уже дважды потерять семью. Первый раз в Польше, а потом здесь, когда утратил приютивших его людей. Так что, когда на свет появились ты и тетя Сьюзи...

— Обжегшись на молоке, он начал дуть на воду?

— Я серьезно. Тебе не кажется, что это может указывать на то, что он все-таки не обманывал бабушку?

— Не знаю, Джейк. Я, вообще-то, не верю, что в жизни можно что-то объяснить так просто. — Он медленно выдохнул, и от его дыхания внутренняя поверхность бокала с пивом мгновенно запотела. — Но мне кажется, я знаю, что все это объясняет. Я говорю о близости между тобой и дедушкой.

— И что же?

— Ему потребовалось пятьдесят лет, чтобы преодолеть страх утраты семьи. Ты появился как раз вовремя.

Я не знал, что ему на это ответить. Как можно сказать «Мне очень жаль, что твой папа тебя не любил» собственному отцу? Я не мог этого сказать, поэтому просто пожелал ему доброй ночи и поднялся наверх.

* * *

Всю ночь я ворочался с боку на бок, не находя себе места. У меня не шли из головы письма — послание «от другой женщины», которое в

детстве нашли папа и тетя Сьюзи, и второе — от госпожи Сапсан, обнаруженное мной всего месяц назад. Мысль, которая не давала мне уснуть, сводилась к следующему: «Что, если речь идет об одной и той же женщине?»

Штемпель на письме госпожи Сапсан был проставлен пятнадцать лет назад, хотя, судя по всему, взрыв отправил ее куда-то в стратосферу еще в тысяча девятьсот сороковом году. Я считал, что все это означало либо то, что дедушка переписывался с мертвым человеком, — а поверить в это было достаточно сложно, — или же письмо было вовсе не от госпожи Сапсан, а от кого-то, скрывающегося под ее именем.

Зачем кому-то скрывать свою личность в письме? Это мог сделать только человек, которому было что скрывать. А именно — другая женщина.

Что, если единственным открытием в этой поездке является то, что мой дед был прелюбодеем и лжецом? Находясь у последней черты, он пытался рассказать мне о смерти своей приемной семьи или признаться в супружеской измене? Возможно, и то и другое? Правда могла заключаться в том, что к тому времени, как он повзрослел, его семью разметало в клочья столько раз, что он просто не знал, как строить семейные отношения или хранить им верность.

Впрочем, все это оставалось лишь догадками. Что это означало на самом деле, я не знал, и спрашивать мне было некого. Все, кто мог знать ответы на мои вопросы, давно умерли. Менее чем за сутки поездка сюда утратила смысл.

Я уснул тревожным сном. На рассвете меня разбудили какие-то звуки. Повернувшись на бок в поисках источника шума, я резко сел на постели. На краю журнального столика, не сводя с меня глаз, сидела большая птица. Ее гладкая голова была покрыта серыми перьями. Перебирая лапами, она передвигалась то вправо, то влево, как будто пытаясь получше меня разглядеть, и при этом громко стучала когтями по полированной поверхности столика. Застыв от удивления, я смотрел на птицу, спрашивая себя, не сон ли это.

Я позвал папу, и при звуке моего голоса птица взлетела. Я закрыл рукой лицо и отвернулся, а когда решился взглянуть снова, птица уже исчезла в открытом окне.

В комнату, протирая глаза, ввалился отец.

— Что случилось?

Я показал ему следы когтей на столике и опустившееся на пол перо.

— Бог ты мой, как странно! — произнес он, крутя перо в пальцах. — Сапсаны никогда не подлетают так близко к людям.

Я подумал, что ослышался.

— Ты сказал *сапсаны*?

Он показал мне перо.

— Разновидность сокола, — пояснил он. — Сапсан. Удивительное создание. Самая быстрая птица на земле^[9]. Они так молниеносно скользят в воздухе, что мигом исчезают из виду, напоминая оборотней.

Название птицы, похоже, было простым совпадением, но у меня в груди зародилось странное чувство, от которого мне никак не удавалось избавиться.

За завтраком я задавался вопросом, не преждевременно ли я сдаюсь. Хотя все, с кем я мог поговорить о дедушке, давно умерли, в моем распоряжении по-прежнему оставался дом. Я ведь осмотрел лишь очень малую его часть. Если в нем и хранилась какая-то информация о дедушке Портмане, например в форме писем, фотоальбома или дневников, все они должны были истлеть несколько десятилетий назад. Но мне надо было в этом убедиться. Я знал, что если покину остров, не сделав этого, то буду жалеть о своем бездействии до конца жизни.

Вот так человек, который всегда боялся кошмаров, домовых и привидений и который Видел То, Чего На Самом Деле Не Существует, сумел уговорить себя совершить еще одну вылазку в заброшенный и почти наверняка населенный призраками дом, где больше десятка детей нашли когда-то свою безвременную смерть.

Глава пятая

Я вышел из паба в какое-то нереально прекрасное утро. Мне показалось, что я очутился на одной из тех фотографий, которые подвергают безжалостному монтажу, чтобы затем загрузить в компьютер в качестве обоев для рабочего стола. Передо мной простирались улицы живописно обветшалых домиков, постепенно переходящие в лоскуты зеленых полей, которые кто-то будто сшил зигзагами серых каменных стен. Картину венчали скользящие по небу белые облака. Но вдали, за домами, полями и разбредшимися по ним овцами, похожими на комочки сахарной ваты, возвышался горный кряж, облизываемый языками густого тумана. Теперь я уже знал: там заканчивается солнечный свет и начинается угрюмый мир сырости, холода и полумрака.

Я преодолел кряж и сразу попал под дождь. И тут же осознал свою ошибку: я забыл обуться в резиновые сапоги, а тропинка стремительно превращалась в ленту непролазной грязи. Но я предпочитал вымокнуть, чем вернуться домой и в итоге взобраться сюда дважды за одно утро. Поэтому наклонил голову и, пряча лицо от дождя, зашагал вперед. Вскоре я миновал хижину, в которой сгрудились, спасаясь от холода, овцы, а затем пересек призрачное, молчаливое, укутанное в саван тумана болото. Я думал о древнем (две тысячи семьсот лет!) обитателе кэрнхолмского музея и спрашивал себя, сколько еще подобных ему юношей отдали свои жизни за обещание рая и теперь лежат на дне этих болот, застыв между вечной юностью и смертью.

К тому времени как я подошел к детскому дому, то, что начиналось как легкая морось, превратилось в настоящий ливень. У меня не было времени разглядывать заросший двор, размышляя над его зловещей атмосферой. Дверной проем без двери поглотил меня, как склеп. Вздвигшиеся от сырости половицы слегка просели под моим весом. Я немного постоял, выкручивая рубашку и стряхивая воду с волос. Обсохнув, насколько это было возможно, то есть совсем незначительно, я приступил к поискам. Я и сам не знал, что ищу. Коробку писем? Нацарапанное на стене дедушкино имя? Все это казалось мне маловероятным.

Я бродил по дому, поднимая пачки старых газет, заглядывая под стулья и столы. Воображение рисовало мне ужасающие сцены, и я опасался набрести на гору одетых в обуглившееся тряпье скелетов. Однако все, что я увидел, — это лишенные стен, заросшие грязью и плесенью комнаты, в

которых гулял ветер и беспрепятственно хозяйничала сырость, заставляя усомниться в том, что когда-то тут жили люди. Отчаявшись найти что-либо на первом этаже, я подошел к лестнице, зная, что на этот раз мне придется ее преодолеть. Вот только в каком направлении? Вверх или вниз? Против того, чтобы подниматься наверх, имелся мощный аргумент: это лишило бы меня возможности быстрого бегства от незаконных жильцов, вампиров или любой другой угрозы из тех, что неустанно сочиняла моя разыгравшаяся фантазия. Единственное, что мне оставалось в случае нападения, — это выброситься из окна второго этажа. Впрочем, спуск в подвал подразумевал сходную проблему. Кроме того, там было темно, а фонарь я с собой не прихватил. Так что пришлось подниматься наверх.

Ступени содрогнулись, протестуя против неожиданной нагрузки целой симфонией скрипов и стонов, но тем не менее достойно выдержали мой вес. То, что я обнаружил наверху, по сравнению с разгромленным первым этажом, напоминало «капсулу времени». Комнаты, расположившиеся вдоль длинного, с отслаивающимися обоями коридора, сохранились на удивление хорошо. В одном или двух местах, там, где сквозь разбитое стекло в комнату проникал дождь, я заметил плесень. Но обстановка большинства помещений, несмотря на покрывающий ее толстый слой пыли, показалась мне почти новой. Вот отсыревшая рубашка, небрежно переброшенная через спинку стула, вот усеявшая тумбочку мелочь. Время как будто остановилось в ту ночь, когда здесь погибли дети, сохранив все таким, как было при их жизни.

Я переходил из комнаты в комнату, подобно археологу изучая их содержимое. В коробке покрывались плесенью деревянные игрушки, на подоконнике лежали выгоревшие от солнца многих тысяч дней цветные карандаши... Вот домик, а внутри — куклы, отбывающие пожизненное заключение в своей нарядной и уютной тюрьме. В скромной библиотеке сырость изогнула книжные полки в косые улыбки. Я провел пальцем по облезлым корешкам, как будто выбирая, что бы мне почитать. Тут была классика вроде «Питера Пэна», а также «Таинственный сад» — сборник рассказов, написанных авторами, имена которых история отправила в забвение. Учебники латыни и греческого. В углу сгрудились старые парты. Я понял, что нахожусь в классной комнате, в которой когда-то царила госпожа Сапсан.

Я повернул ручку двустворчатой двери, но она разбухла от сырости и не поддавалась. Я разбежался и толкнул ее плечом. Створки с хриплым визгом распахнулись, и я влетел головой вперед в следующую комнату. Поднявшись на ноги, я огляделся и понял, что эта спальня могла

принадлежать только самой госпоже Сапсан. Она напонила мне одну из комнат в замке Спящей Красавицы. В настенных подсвечниках красовались оплетенные паутиной свечи, туалетный столик с зеркалом был уставлен хрустальными флаконами, а большую часть комнаты занимала гигантская дубовая кровать. Я представил себе тот последний раз, когда она здесь спала; как она вскочила посреди ночи, заслышав вой предупреждающих сирен, и, собрав сонных, едва успевших накинуть палтишки детей, повела их вниз...

Было ли вам страшно? — мысленно спрашивал я ее. — Слышали ли вы, как приближаются самолеты?

У меня возникло странное ощущение, что за мной наблюдают, что дети все еще находятся здесь, подобно мальчику из болота сохранившимся внутри этого дома. Я чувствовал, что они смотрят на меня из трещин в стенах.

Я перешел в следующую комнату. Сквозь грязное оконное стекло сюда проникал тусклый свет. Лепестки бледно-голубых обоев опустились на две небольшие кровати, все еще застеленные пыльными простынями. Каким-то образом я понял, что это была комната моего дедушки.

Зачем ты меня сюда прислал? Что я должен был тут увидеть?

Вдруг я заметил что-то под одной из кроватей и опустился на колени, чтобы рассмотреть предмет поближе. Это оказался старый чемодан.

Это твой чемодан? С ним ты стоял на платформе, в последний раз глядя на лица родителей и чувствуя, как от тебя ускользает твоя прежняя жизнь?

Я вытащил чемодан и занялся потертыми кожаными ремнями. Они расстегнулись легко, но, не считая семейства дохлых жуков, в чемодане ничего не обнаружилось.

Я тоже чувствовал себя опустошенным. А еще испытывал странную тяжесть, как будто планета стала вращаться быстрее, усиливая гравитацию, притягивая меня к полу. Совсем обессилив, я опустился на кровать (возможно, его кровать?) и по какой-то непонятной причине вытянулся на пыльных простынях, глядя в потолок.

О чем ты думал, лежа здесь по ночам? Тебе тоже снились кошмары?

Я заплакал.

Когда умерли твои родители, ты об этом узнал? Ты это почувствовал?

Я плакал все отчаяннее и не мог остановиться.

Я не мог остановиться, думая о самом худшем, давая все новую пищу своему отчаянию. Мой плач превратился в рыдания, прерывающиеся

судорожными вздохами. Я думал о том, как умерли от голода мои прадедушка и прабабушка. О том, как огонь печей поглотил их истощенные тела, и виной тому — ненависть людей, которые даже не знали их. Я думал о том, как жившие в этом доме дети сгорели или разлетелись на куски, потому что пилот, которому не было до них никакого дела, нажал на какую-то кнопку. И о том, как у моего деда отняли семью, и поэтому мой папа вырос, чувствуя себя так, как будто у него не было отца. А теперь я страдал от острого стресса и ночных кошмаров и, сидя в полуразрушенном доме, заливал собственную рубашку горячими и совершенно бестолковыми слезами. Все это из-за нанесенной семьдесят лет назад жуткой травмы, которая перешла ко мне подобно отравленному наследству, и чудовищ, с которыми я не мог сразиться, потому что все они умерли, и их уже нельзя было ни убить, ни наказать, ни урезонить. По крайней мере моему деду удалось вступить в армию и отправиться на войну с ними. А что мог сделать я?

Когда слезы иссякли, в голове ударами молота застучала боль. Я закрыл глаза и прижал веки костяшками пальцев, пытаясь хоть немного облегчить жжение. Когда я отпустил веки и снова открыл глаза, с комнатой произошли волшебные перемены. Теперь в окно светил одинокий луч солнца. Я встал, подошел к треснувшему стеклу и увидел, что снаружи одновременно светит солнце и идет дождь. Мне всегда нравилась эта погодная аномалия. Мама называет ее «сиротскими слезами». Seriously! Потом я вспомнил, как говорит об этом Рики («Дьявол бьет свою жену!»), расхохотался и почувствовал себя немного лучше.

Потом в быстро угасающем солнечном луче я увидел кое-что, чего не заметил раньше. Это был сундук, по крайней мере его угол, торчащий из-под соседней кровати. Я подошел и откинул край простыни, почти полностью скрывавший что-то от моего взгляда.

Передо мной был внушительных размеров морской сундук, запертый на ржавый навесной замок. Он никак не мог быть пуст! Кто запирает пустые сундуки? Мне казалось, что он громко кричит: *«Открой меня! Я полон тайн!»*

Я схватил его за бока и потянул на себя. Он не сдвинулся с места. Я потянул еще раз, уже сильнее, но он не поддался ни на дюйм. Я не мог понять, он действительно такой тяжелый или поколения пыли и влаги приклеили его к полу. Я встал и несколько раз пнул его ногой. Судя по всему, это подействовало, потому что очередная попытка увенчалась успехом, и мне удалось сдвинуть его с места и постепенно вытащить из-под кровати, подобно тому, как мы обычно передвигаем холодильники, —

переставляя по очереди противоположные стороны и оставляя на полу извилистые царапины. Я подергал замок, но, несмотря на покрывающий его толстый слой ржавчины, он был неумолимо прочен. Я подумал, что где-то поблизости может храниться ключ, но после минутных размышлений отказался от идеи поисков, которые могли растянуться на несколько часов. В любом случае замок так заржавел, что ключ скорее всего окажется совершенно бесполезным. Я понял, что мне придется взломать замок.

Оглядевшись вокруг в поисках подходящего инструмента, я нашел в одной из соседних комнат сломанный стул, открутил от него ножку и, подобно палачу, с размаху ударил. Я колотил по замку до тех пор, пока ножка не сломалась. У меня в руках остался жалкий растрескавшийся обломок. Я осмотрел комнату, надеясь найти что-нибудь попрочнее, и быстро обнаружил на одной из кроватей разболтавшуюся перекладину перил. После нескольких ударов ногой она с громким звоном упала на пол. Просунув перекладину в дужку замка, я сильно потянул ее на себя. Безуспешно.

Я налег на нее всем весом, оторвав ноги от пола. Сундук жалобно скрипнул, но и только.

Это меня всерьез разозлило. Я злобно пинал сундук и продолжал изо всех сил тянуть за перекладину. Я чувствовал, как вздуваются вены у меня на шее. *Открывайся, черт тебя подери!* — орал я. — *Открывайся немедленно!* Наконец-то я нашел предмет, на который можно было излить скопившееся в моей душе отчаяние. Дедушка умер, и я уже не мог заставить его поделиться со мной своими тайнами, зато я мог извлечь их из этого старого сундука.

А потом палка выскользнула у меня из пальцев и я с размаху рухнул на пол. У меня даже дыхание перехватило. Я лежал на спине и, пытаясь вздохнуть поглубже, смотрел в потолок. «Сиротские слезы» иссякли, и снаружи шел обычный унылый дождь, разве что еще более сильный. Я подумывал о том, чтобы вернуться в поселок за кувалдой или ножовкой, но это неизбежно породило бы вопросы, отвечать на которые у меня не было никакого настроения.

И тут мне в голову пришла блестящая мысль. Если найти способ разбить сундук, то о замке можно вообще не беспокоиться. А какая сила способна превзойти мои явно недоразвитые мышцы плечевого пояса и принести результат в деле, где все мои хилые атаки потерпели поражение? *Гравитация!* В конце концов, я находился на втором этаже. Мне ни за что на свете не удалось бы поднять сундук достаточно высоко для того, чтобы сбросить его из окна, но перила-то на лестничной площадке давно

обрушились. Все, что мне оставалось сделать, это протащить сундук по коридору и спихнуть его вниз. У меня не было уверенности, что его содержимое переживет удар о пол первого этажа, зато это позволило бы мне узнать, что же там находится.

Я скрючился и начал толкать этого упрямого гиганта к двери. Мне удалось преодолеть несколько дюймов, после чего металлические ножки вонзились в мягкий пол, и сундук замер на месте. Но меня было уже не остановить. Я зашел с другой стороны, ухватился за замок и дернул что было сил. К моему немалому удивлению, сундук продвинулся сразу на два или три фута. Наверное, моя суета, бесконечные приседания, рывки и пыхтение, сопровождаемые оглушительным визгом металла по дереву, выглядели не слишком грациозно, но спустя всего несколько минут я и мой мучитель выбрались в коридор и фут за футом начали продвигаться к лестнице. Я обливался потом, но меня увлек своеобразный ритм этой работы.

Наконец я дотолкал сундук до цели и с неприлично громким кряхтеньем вытащил его вслед за собой на площадку. Тут он заскользил гораздо быстрее и после нескольких толчков оказался на самом краю. Достаточно было коснуться его, и он полетел бы вниз. Но я хотел видеть, как он разобьется. В этом заключалась моя награда за усилия. Поэтому я выпрямился и осторожно подошел к краю площадки, откуда был виден пол мрачного коридора первого этажа. Затаив дыхание, я коснулся сундука ногой.

На мгновение он заколебался, задрожал на краю забвения, а потом решительно накренился вперед и полетел вниз, живописно кувыркаясь в полете, словно звезда балета, исполняющая причудливый танец. Раздался невероятный грохот, от которого весь дом затрясся, выстрелив в меня столбом пыли, — мне пришлось ретироваться вглубь коридора, закрыв лицо руками. Минуту спустя я вернулся и, глянув вниз, вопреки своим чаяниям увидел не груды деревянных обломков, а дыру в форме сундука, зияющую в досках пола. Пробив их, сундук отправился напрямик в подвал.

Я помчался вниз и, упав на живот, осторожно подполз к самому краю дыры так, словно это была прорубь на тонком льду. Пятнадцатью футами ниже, в пыльном полумраке лежало то, что осталось от сундука. Он раскололся подобно гигантскому яйцу, и его обломки перемешались с раскрошившимися досками пола. По всему подвалу рассыпались клочки бумаги. Похоже, я действительно обнаружил ящик писем! Я прищурился и всмотрелся повнимательнее. На клочках было что-то изображено — лица и тела. И тут я понял, что смотрю не на письма, а на фотографии. Множество

фотографий. Я не на шутку разволновался, но тут же похолодел, потому что мне в голову пришла ужасающая мысль.

Мне придется туда спуститься.

* * *

Подвал представлял собой замысловатый лабиринт из комнат, абсолютно лишенных света, так что с таким же успехом я мог бы спуститься туда с завязанными глазами. Я медленно преодолел скрипящие ступени и остановился у подножия лестницы, в надежде, что мои глаза постепенно привыкнут к темноте. Но к этому мраку привыкнуть было невозможно. Я также рассчитывал свыкнуться с запахом: из подвала несло странной кисловатой вонью, как из школьной кладовки с химическими препаратами. Увы, тщетно. Я зашаркал вперед, натянув воротник рубашки на нос, вытянув перед собой руки и надеясь на лучшее.

Вдруг я споткнулся и чуть не упал. По полу покатилося что-то стеклянное. Запах усилился. В окружающей темноте мне начали чудиться зловещие очертания. Бог с ними, с чудовищами и призраками. Но что, если в полу обнаружится еще одна дыра? Мое тело никто никогда не найдет.

И тут меня осенила гениальная идея. Нажимая на кнопки телефона, который я продолжал носить в кармане, несмотря на практически полное отсутствие мобильной связи на острове, я мог получить нечто вроде слабого фонарика. Я вытянул руку с телефоном вперед. Тьму рассеять не удалось, и я направил мерцающий свет экрана на пол. Потрескавшиеся каменные плиты и мышиный помет. Я посветил в сторону и получил слабый отсвет.

Шагнув к стене, я снова поднял телефон. Из мрака выглянули полки, уставленные стеклянными банками всевозможных форм и размеров. Банки были покрыты пылью, а внутри в мутноватой жидкости плавали желатиноподобные предметы неопределенных очертаний. Я вспомнил кухню и взорвавшуюся в ней консервацию. Возможно, здесь, внизу, температура более стабильна, что позволило этим консервам уцелеть.

Но приблизив лицо к полкам и присмотревшись внимательнее, я понял, что передо мной не фрукты и овощи, а органы. Мозги. Сердца. Легкие. Глаза. Все это было замариновано в своего рода формалине, очевидно, домашнего приготовления, чем и объяснялась эта жуткая вонь. Меня чуть не вырвало. Борясь с тошнотой, я в ужасе и растерянности попятился. Что же это за место такое? Наличие подобных банок можно

было бы предположить в подвале подпольной медицинской школы, но никак не детского дома. Если бы не чудесные рассказы дедушки Портмана, я бы заподозрил госпожу Сапсан в том, что она спасала детей только для того, чтобы изымать у них органы.

Немного придя в себя, я поднял глаза и увидел впереди отблеск света, не имеющий отношения к моему телефону. Это сквозь проделанную мной дыру в полу пробивался тусклый дневной свет. Я двинулся дальше, дыша сквозь ткань рубашки и держась подальше от стен и очередных жутких сюрпризов, которые они могли мне преподнести.

Идя на свет, я обогнул угол и вошел в комнату с частично разрушенным потолком. Бледные лучи освещали кучу расколотых в щепы досок и битого стекла. Над всем этим продолжали колыхаться клубы пыли. Повсюду валялись клочья разорванного коврового покрытия, напоминая лоскуты вяленого мяса. Из-под мусора доносился топот крохотных лап, издаваемый каким-то грызуном, который чудом выжил после чудовищного вторжения в уютный мрак своего мира. А поверх всего этогохлама лежал раздолбанный сундук, как праздничным конфетти, окруженный фотографиями.

Я осторожно пробирался сквозь эти завалы, переступая через острые обломки досок с торчащими из них ржавыми гвоздями. Опустившись на колени, я начал собирать все, что еще можно было спасти. Я чувствовал себя спасателем, выдергивающим из-под обломков все новые лица, смахивая с них осколки стекла и древесную труху. И хотя в глубине души мне хотелось поскорее сбежать из подвала (я боялся, что в любое мгновение остатки пола могут обрушиться мне на голову), я не мог сдержаться любопытства и жадно рассматривал оказавшиеся в моих руках изображения.

С первого взгляда это были снимки из тех, что можно увидеть в любом старом семейном альбоме. На них запечатлели людей, весело прыгающих на пляже и улыбающихся с крылечек домов. Я увидел разнообразные пейзажи острова и множество детей, позирующих как поодиночке, так и парами. Любительские снимки чередовались со студийными портретами на фоне нарисованных декораций. Дети на фотографиях сжимали в руках кукол с остекленевшим взглядом, как будто позируя в одном из жутковатых торговых центров начала века. Но самым пугающим на этих фотографиях были не похожие на зомби куклы, и не странные стрижки детей, и даже не то, что ни на одной из них дети не улыбались. Чем больше я разглядывал снимки, тем более знакомыми они мне казались. В них было что-то кошмарное, сходное со старыми дедушкиными фотографиями, особенно с

теми, которые он хранил на дне коробки из-под сигар. Они будто происходили из одного и того же источника.

К примеру, тут было фото двух девушек, позирующих на фоне не слишком убедительно написанного океана. Само по себе это не могло никого удивить, но странным было то, как они расположились перед объективом. Обе стояли спиной к камере. В те времена фотография была дорогим удовольствием. Зачем кому-то понадобилось тратить время и деньги, а затем отвернуться от фотографа? Я не удивился бы, если бы нашел в куче мусора второе фото этих девушек — с оскалившимися в камеру черепами.

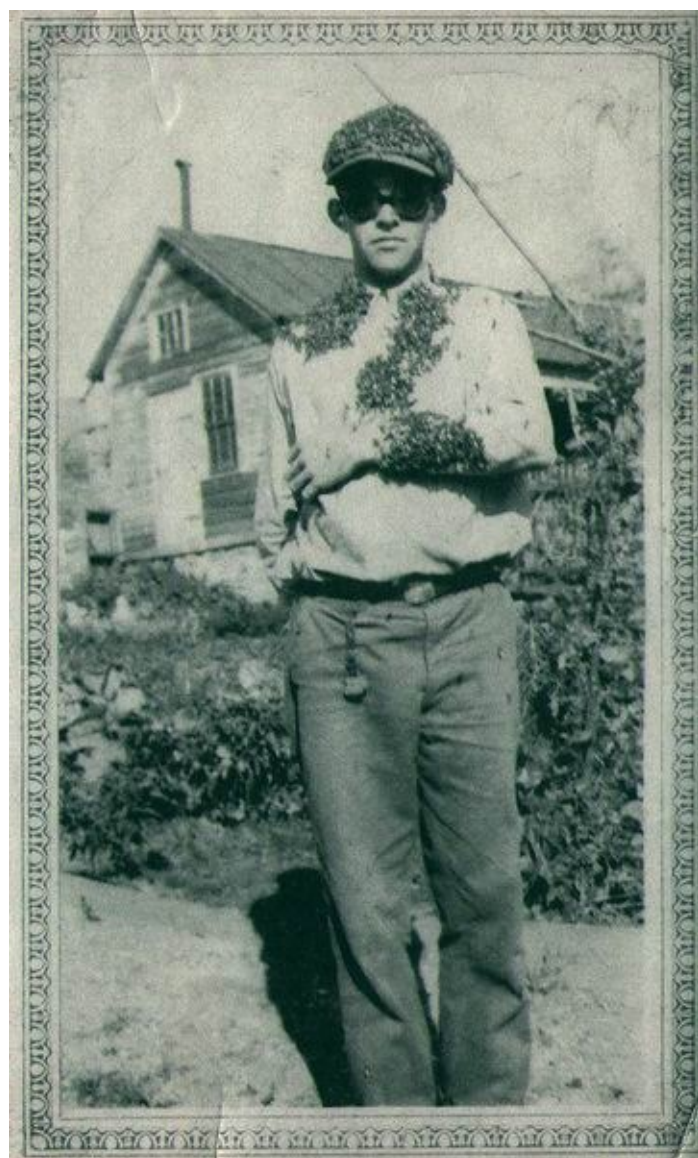
Остальные снимки показались мне таким же грубоватым монтажом, как и те, которые хранил дедушка. На одном была изображена одинокая девочка, стоящая на берегу пруда. Странность заключалась в том, что в воде отражалось две девочки. Это напомнило мне о снимке малышки, «заключенной» в бутылку. Только здесь приемы фотомонтажа не были столь очевидны и результат выглядел гораздо более естественным. На другой фотографии я увидел парня, торс и голова которого были облеплены пчелами, при этом он продолжал хранить невозмутимое спокойствие. С моей точки зрения, подделать такой снимок не составляло труда. Как и принадлежавшую дедушке фотографию, на которой худощавый юноша держал над головой изготовленный из гипса валун. Бутафорный камень — бутафорные пчелы.

Вдруг волосы у меня на затылке встали дыбом: я вспомнил, как дедушка Портман рассказывал мне об одном из своих товарищей по приюту, внутри которого жили пчелы. *Стоило ему открыть рот, как из него начинали вылетать пчелы,* — говорил он. — *Но они никогда никого не жалили, если Хью этого не хотел.*

У меня было только одно объяснение всем этим странностям. Дедушка взял свои фотографии из этого самого сундука, обломки которого сейчас лежали передо мной. Впрочем, я не был в этом до конца уверен, пока не увидел снимок двух жутковатых близнецов в масках и костюмах с гофрированными воротниками. Один из психов кормил другого какой-то длинной лентой, вроде серпантина. Я не понимал, что это значит, не считая того, что увиденное явно представляло собой отличный сюжет для кошмарных сновидений. Зато я не сомневался, что у дедушки Портмана хранился снимок именно этих мальчиков. Я видел его в той коробке из-под сигар всего несколько месяцев назад.

Это не могло быть простым совпадением, и это означало, что снимки, которые показывал мне дедушка и на которых, как он клялся, были изображены дети, жившие в этом детском доме, действительно были сделаны в этом самом доме. Но означало ли это, что фотографии были подлинными? А как насчет сопровождавших эти снимки фантастических историй? То, что хотя бы малая их часть могла оказаться правдивой, — правдивой в буквальном смысле слова, — я и допустить не мог. И все же, стоя в этом пыльном полумраке, в этом мертвом, будто полном привидений доме, я говорил себе: *А что, если...*

Внезапно где-то наверху раздался громкий треск, заставивший меня вздрогнуть и выронить фотографии.

Это просто оседает старый дом, — убеждал я себя. — А может, он даже рушится! Но как только я нагнулся, чтобы подобрать фотографии,

треск повторился, а спустя мгновение даже тот слабый свет, что сочился сквозь дыру в полу, погас и я очутился в полной темноте.

И тут я услышал шаги, а потом голоса. Я прислушался, пытаюсь понять, что они говорят, но мне это не удалось. Я не осмеливался даже пошевелиться, опасаясь, что любое движение вызовет шумный обвал кучи мусора, на которой я стоял. Я знал, что бояться мне нечего. Скорее всего, в дом забрались эти тупые рэпперы, рассчитывая сыграть со мной очередную шутку. Но мое сердце все равно бешено колотилось, а внезапно проснувшийся звериный инстинкт самосохранения заставил замереть и притихнуть.

Вскоре у меня начали неметь ноги. Чтобы хоть немного оживить кровообращение, я осторожно перенес вес тела с одной ноги на другую. Крохотный обломок скатился с кучи с шорохом, который в полной тишине показался мне грохотом. Голоса стихли. Затем прямо над моей головой скрипнули половицы и сверху посыпалась струйка пыли. Кто бы это ни был, они совершенно точно знали, где я нахожусь.

Я затаил дыхание.

— Эйб? Это ты? — тихо произнес девичий голос.

Я решил, что все это мне снится. Я ждал, что девочка скажет еще что-нибудь, но долгое время до меня доносилась только барабанная дробь дождя по крыше. Затем наверху вспыхнул фонарь, и, запрокинув голову, я увидел, что около полудюжины ребятишек стоят на коленях вокруг уродливой дыры в полу и смотрят прямо на меня.

Их лица были мне знакомы, хотя я и не мог припомнить, где видел их раньше. Они казались мне лицами из полузабытого сна. Где же мы встречались? И откуда они знают, как звали моего дедушку?

И тут до меня дошло. Их одежда, странная даже для Уэльса. Их бледные серьезные лица. Вокруг лежали фотографии, глядя на меня снизу так же, как эти дети смотрели на меня сверху. Внезапно я все понял.

Я видел их на фотографиях.

Окликавшая меня девочка выпрямилась, чтобы присмотреться ко мне получше. В руках она держала мерцающий огонек — не фонарь, не факел, а огненный шар, не окруженный ничем, кроме ее ладоней. Ее фотография попадалась мне на глаза не более пяти минут назад, и на ней она выглядела точно так же, как и сейчас, вплоть до странного огня в руках.

Я Джейкоб, хотел сказать я. Я вас искал. Но моя нижняя челюсть от удивления отвисла так, что я не смог произнести ни слова, а только стоял и смотрел на нее.

Девочка помрачнела. Я понимал, что выгляжу ужасно в промокшей под дождем и испачканной пылью одежде, да еще и сидя на корточках на куче мусора. Кого бы она и другие дети ни ожидали увидеть в этой дыре, это явно был не я.

Они начали перешептываться, а потом вскочили и стремительно разбежались. Это внезапное движение привело меня в чувство, и я вновь обрел голос и начал кричать, умоляя их подождать. Но, судя по топоту, они уже мчались к двери. Спотыкаясь о кучи мусора и натыкаясь на стены, я ринулся к выходу из этого вонючего подвала. Но когда я взбежал на первый этаж, куда уже каким-то образом вернулся ранее похищенный ими дневной свет, дети уже исчезли из дома.

Я бросился наружу и спрыгнул с разрушенного крыльца в траву.

— Подождите! Остановитесь! — кричал я.

Но их уже нигде не было. Тяжело дыша и проклиная собственную медлительность, я обшаривал взглядом двор и подступающий к нему лес.

Что-то треснуло за деревьями. Я резко развернулся и увидел, как за завесой веток промелькнул подол белого платья. Это была она. Не разбирая дороги, ломая кусты, я помчался за ней.

Я преследовал ее, перепрыгивая через поваленные деревья и ныряя под низко нависшие ветви. Я задыхался, и у меня в груди все горело. Она пыталась оторваться от меня, то сворачивая с тропинки в непроходимую чащу, то снова выскакивая на дорожку. Наконец деревья остались позади и мы выбежали на заболоченную равнину. Я понял, что мне представился шанс, упустить который я не имею права. Спрятаться ей было негде. Чтобы настичь ее, мне оставалось только развить еще большую скорость. Я был в джинсах и кроссовках, что давало мне преимущество перед одетой в платье девочкой. Я уже почти догнал ее, когда она резко свернула и помчалась прямо через болото. Выбора у меня не было, я вынужден был последовать за ней.

Бежать теперь было невозможно. Почва колыхалась под ногами, и я то и дело по колено проваливался в ямы, пытавшиеся тут же засосать мои ноги. Но, похоже, девочка знала, куда становиться, и уходила от меня все дальше. Вскоре она скрылась в тумане, и мне пришлось идти, руководствуясь только оставленными ею следами.

После того как она оторвалась от меня, я ожидал, что ее следы свернут обратно к тропинке, но они вели все дальше в болото. Потом туман окончательно сомкнулся вокруг меня, скрыв тропку из виду, и я начал сомневаться, что мне вообще удастся отсюда выбраться. Я попытался звать ее: *Меня зовут Джейкоб Портман! Я внук Эйба Портмана! Я не причиню тебе вреда!* — но туман и грязь как будто поглощали мой голос.

Ее следы привели меня к насыпанному из камней холму. Он походил на большой серый иглу, но на самом деле был курганом — одним из многочисленных захоронений эпохи неолита, в честь которых, видимо, и был назван Кэрнхолм ^[10].

Длинный и узкий курган был чуть выше меня, и с одной стороны в нем виднелось отверстие, напоминающее дверь, перед которой торчали скудные пучки травы. Выбравшись из трясины на относительно твердую и сухую почву вокруг него, я увидел, что дыра является входом в туннель, уводящий куда-то вглубь. Обе стены туннеля украшали замысловатые петли, спирали и древние иероглифы, значение которых затерялось в глубине веков. *Здесь лежит болотный мальчик*, — подумал я. — Или, скорее, «Оставь надежду всяк сюда входящий».

И все же я вошел, потому что именно сюда вели следы убежавшей от меня девочки. Внутри туннель оказался сырым и узким, а также низким и невероятно темным. Мне удавалось идти по нему, только согнувшись в три погибели и, вероятно, очень напоминая краба. К счастью, замкнутые пространства не входили в длинный перечень смертельно пугающих меня вещей.

Пробираясь все дальше и представляя себе дрожащую от страха где-то впереди девочку, я громко обращался к ней и пытался заверить ее в том, что ей ничего не угрожает. Мои собственные слова возвращались ко мне и обрушивались на меня мрачным громогласным эхом. От нелепой позы, которую я был вынужден принять, у меня начали болеть ноги, но вскоре туннель расширился и я очутился в каком-то помещении. Тут было темно, хоть глаз выколи, но достаточно просторно, и я наконец-то смог выпрямиться. Вытянув руки в стороны, я так и не дотянулся до стен. Я извлек из кармана телефон и снова воспользовался им как фонариком, чтобы понять, где нахожусь. Это оказалась комната с каменными стенами размером с мою спальню. И, кроме меня, в ней никого не было.

Я стоял, пытаюсь понять, как девочке удалось ускользнуть, как вдруг меня в очередной раз осенило. Мысль была настолько простой, что я опять почувствовал себя полным идиотом из-за того, что мне потребовалось столько времени, чтобы осознать это. Никакой девочки не было. *Вообще*. Я представил себе и ее, и всех остальных. Мой мозг создал их образы, пока я разглядывал фотографии. Я вспомнил странную внезапную темноту, предшествовавшую их появлению. Может, я просто отключился?

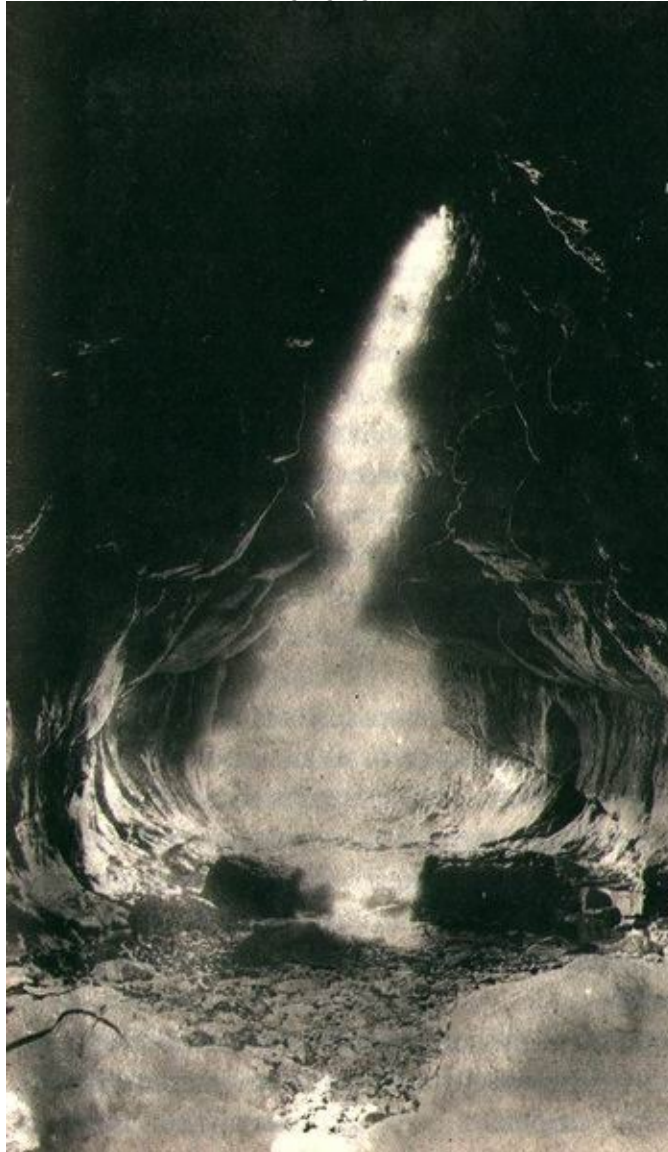
В любом случае их существование было невозможно. Все эти дети умерли десятилетия назад. Даже если бы это было не так, глупо было поверить в то, что они до сих пор выглядят так же, как в то время, когда были сделаны эти снимки. Но все произошло слишком быстро. У меня не было времени, чтобы остановиться и задаться вопросом, не галлюцинации ли это.

Я уже предвидел объяснение, которое предложит мне доктор Голан. *Этот дом в эмоциональном плане значит для тебя так много, что тебе достаточно было в него войти, чтобы очутиться в ситуации острого стресса.* Что с того, что он придурок, который обожает все эти психостучки? Это вовсе не означает, что он не прав.

Мне стало стыдно. Я развернулся, но у меня не осталось сил на позу краба, и, забыв о гордости, я просто пополз на четвереньках на сереющий вдали свет. Подняв глаза, я понял, что уже видел это место на фотографии в музее Мартина. Именно тут они обнаружили того мальчика. Трудно было

представить себе, что когда-то люди могли верить в то, что этот смрадный заброшенный коридор ведет напрямик на небеса. Причем они верили в это так свято, что паренек моего возраста с готовностью расстался с жизнью, чтобы попасть туда. Как глупо и одновременно грустно!

Я вдруг почувствовал, что хочу вернуться домой. Мне уже не было дела до фотографий в подвале. Я устал от головоломок, тайн и загадок, таящихся в последних словах умирающего. Пойдя на поводу у дедушки, я не решил свои проблемы, а только усугубил их. С меня было довольно.

Я выбрался из узкого туннеля и шагнул наружу. И тут же меня ослепил яркий свет. Закрыв глаза рукой, я сквозь растопыренные пальцы смотрел на мир, который было трудно узнать. Это было то же болото и та же тропинка. Все то же самое. Вот только впервые с момента моего появления здесь пейзаж заливал жизнерадостный солнечный свет. Небо было ярко-синим, а

от тумана, который успел стать для меня отличительной чертой этой части острова, не осталось и следа. Кроме того, было очень тепло, как будто лето стояло в самом разгаре. *Бог ты мой, как быстро здесь меняется погода,* — подумал я.

Я прочавкал по болоту к тропинке, стараясь не обращать внимания на жутковатую жижу, заливающуюся в носки, и направился обратно в город. Как ни странно, тропинка оказалась совершенно сухой. И когда она успела высохнуть? Зато была так густо усеяна овечьим пометом, что приходилось то и дело петлять. Как я не заметил этого раньше? Я что, все утро провел в этом психопатическом бреде? А может, я до сих пор из него не вышел?

Я не отрывал глаз от испещренной пометом земли, пока не перебрался через кряж и не начал спускаться в город. Только тут я понял, откуда взялось все это дерьмо. Там, где сегодня утром посыпанные гравием дороги бороздил целый батальон тракторов, сейчас сновали запряженные мулами и лошадьми повозки, перевозившие из бухты рыбу и торфяные брикеты. Рев двигателей сменился цоканьем копыт.

Бесконечный гул дизельных генераторов также стих. Неужели за несколько часов, что я отсутствовал, на острове закончился бензин? И где островитяне прятали всех этих крупных животных?

И еще одно... Почему все на меня *смотрят*? Все, мимо кого я проходил, округляли глаза, останавливались и провожали меня удивленным взглядом, забыв о своих занятиях и вытягивая шею. *Должно быть, я выгляжу так же безумно, как и чувствую себя,* — подумал я, опустив глаза и увидев, что нижняя часть тела облеплена грязью, а верхняя — испачкана штукатуркой. Я пониже наклонил голову и, ускорив шаг, поспешил вернуться в паб, рассчитывая укрыться в его спасительном полумраке, пока папа не подойдет к ланчу. Я решил, что, как только он это сделает, я сразу скажу ему, что хочу как можно скорее вернуться домой. Если он начнет колебаться, я признаюсь ему в том, что снова начал галлюцинировать. Я не сомневался, что после этого мы окажемся в числе пассажиров ближайшего парома.

В «Тайнике», за шаткими столами среди закоптелых стен, которые я привык считать своим домом на этом острове, я увидел привычное сборище мужчин в подпитии, склонившихся над пенящимися бокалами. Но когда я направился к лестнице, незнакомый голос рявкнул мне вслед:

— И куда это ты собрался?

Я обернулся, поставив ногу на нижнюю ступеньку. Из-за стойки бара на меня, нахмурившись, смотрел неопрятного вида круглоголовый мужчина, и это был не Кев. На нем болтался фартук, а из-за сросшихся над

переносицей бровей и усов, похожих на гусеницу, его лицо казалось полосатым.

Я мог бы сказать ему: *Я иду наверх собирать вещи, и, если папа откажется везти меня домой, я симитирую припадок*. Вместо этого я коротко ответил:

— Наверх, в свою комнату, — что почему-то прозвучало скорее как вопрос, чем как утверждение.

— Да ну?! — воскликнул он, с громким стуком опуская на стойку бокал, который только что наполнил пивом. — Ты решил, что очутился в отеле?

Раздался скрип стульев. Это завсегдатаи развернулись, чтобы поглазеть на меня. Я вгляделся в их физиономии. Ни одного знакомого лица.

У меня острый приступ психоза, — решил я. — *Да, прямо сейчас. Вот как чувствует себя человек во время приступа психоза*. Только я ничего не чувствовал. У меня ничего не сверкало перед глазами, и ладони не потели. Мне казалось, что с ума сошел весь мир, а не я.

Я сказал круглоголовому, что, очевидно, произошла какая-то ошибка.

— Мы с папой снимаем у вас наверху комнаты, — пояснил я. — Смотрите, у меня и ключ есть. — Я предъявил ему ключ в качестве вещественного доказательства.

— Ну-ка, ну-ка, — произнес он, навалившись животом на стойку и выхватывая ключ из моих пальцев.

Он поднес его к тусклой лампочке, разглядывая, как ювелир — ценное украшение.

— Это не наш ключ, — прорычал он и сунул его в карман. — А теперь говори, что тебе тут на самом деле нужно. И на этот раз не ври!

Я почувствовал, как кровь прилила к моим щекам. Ни один взрослый, за исключением родственников, еще ни разу в жизни не обвинял меня во лжи.

— Я вам уже сказал. Мы сняли у вас комнаты. Не верите мне, спросите у Кева!

— Не знаю я никакого Кева и не желаю слушать твои байки, — холодно заявил он. — Здесь никто никаких комнат не сдает, и наверху, кроме меня, никто не живет!

Я огляделся, рассчитывая, что хоть кто-то улыбнется, давая мне понять, что это розыгрыш. Но лица этих мужчин как будто окаменели.

— Он американец, — произнес мужик с бородой необъятных размеров. — Может, армия?

— Чушь, — проворчал другой. — Посмотри на него. У него молоко на губах не обсохло!

— А куртка? — продолжал бородатый, хватая меня за рукав. — Попробуй найти такую в магазине. Говорю вам, армия.

— Слушайте! — взвился я. — Ни в какой я не в армии, и не пытаюсь вас душить. Клянусь! Я просто хочу разыскать отца, забрать свои шмотки и...

— Да какой он к черту американец! — заорал какой-то толстяк, загораживая своей тушей проем двери, куда я начал потихоньку пятиться. — Его акцент кажется мне подозрительным. Готов побиться об заклад, что он шпионит на фрицев!

— Я не шпион, — промямлил я. — Я просто заблудился.

— Ты пропал, а не заблудился, — захохотал толстяк. — Сейчас мы вытрясем из тебя всю правду старым проверенным способом. С помощью веревки!

Раздались пьяные одобрительные возгласы. Я не знал, они это серьезно или просто развлекаются. Но мне не хотелось задерживаться и выяснять, как обстоят дела на самом деле. Встревоженную кашу, в которую превратился мой мозг, пронзила отчетливая мысль: *Беги*. Я осознал, что мне сложно будет понять, что же, собственно, происходит, оставаясь в этой комнате, полной пьяных мужиков, угрожающих меня линчевать. Разумеется, это бегство окончательно убедит их в моей виновности, но мне было уже все равно.

Я попытался обойти толстяка.

Он хотел меня схватить, но пьяный и медлительный человек не может тягаться с быстрым и насмерть перепуганным. Я шагнул влево, а затем рванул вправо и одним прыжком оказался у него за спиной. Он взревел от ярости, а все остальные тоже с шумом отклеились от стульев, чтобы броситься на меня. Но я проскользнул мимо и, распахнув дверь, выскочил наружу, в солнечный день.

* * *

Я мчался по улице, взметая пыль мощенной щебнем дороги. Постепенно разгневанные голоса остались далеко позади и стихли. На первом же углу я резко свернул, чтобы скрыться у них из виду, срезал путь через грязный двор, где у меня из-под ног с громким кудахтаньем разлетелись куры, и выскочил на небольшую площадь, где у старого

колодца собралась группа женщин, проводивших удивленными взглядами мой стремительный бег. В сознание вторглась мысль, обдумывать которую совершенно не было времени: *Эй, а куда подевалась Ждущая Женщина?* Но тут на пути выросла невысокая стена, и мне пришлось сосредоточиться на преодолении этого препятствия — *рука, нога, толчок, рывок*. Я приземлился на оживленную дорогу, где меня чуть не сбила какая-то повозка. Возница прокричал что-то унижительное о моей матери, а его лошадь зацепила меня боком, оставив отпечатки копыт в нескольких дюймах от моих ног.

Я понятия не имел, что происходит, и понимал только, что, возможно, теряю рассудок, а значит, мне необходимо убраться подальше от людей, чтобы разобраться, так ли это на самом деле. С этой мыслью я бросился бежать по дороге, проходящей за двумя рядами домов. Во-первых, мне показалось, что там есть где спрятаться, а во-вторых, этот путь вел к окраине поселка. С бега я перешел на быструю ходьбу, полагая, что бегущий и выпачканный с ног до головы американский паренек привлекает гораздо больше внимания, чем точно такой же грязный, но не бегущий.

Осуществлять намерение держаться спокойно и непринужденно мешал тот факт, что я вздрагивал от любого шума или подозрительного движения. Я кивнул и помахал рукой женщине, развешивающей белье во дворе своего дома, но она, так же, как и все остальные, только уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Я пошел быстрее.

Вдруг позади раздались странные звуки, и я нырнул в первый попавшийся сарай. Притаившись за полуоткрытой дверью, я обвел взглядом исписанные мелом стены.

Мимо, крадучись, прошла собака, за которой семенил поскуливающий выводок. Я осторожно выдохнул и позволил себе немного расслабиться. Собравшись с духом, я шагнул обратно на дорогу.

Но кто-то схватил меня за волосы. Я не успел даже крикнуть, потому что к моему горлу тут же прижали что-то острое.

— Только пикни — и я тебя прирежу, — прозвучал у меня над ухом голос.

Продолжая прижимать лезвие ножа к моей шее, нападавший толкнул меня к стене сарая и вышел из-за моей спины. К моему удивлению, это был вовсе не пьянчуга из паба. Это была девушка. Она была одета в простое белое платье, а на ее удивительно хорошеньком личике застыло напряженное выражение, как будто она всерьез рассматривала возможность проткнуть мне кадык.

— Ты кто? — прошипела она.

— Я... э-э... американец, — промямлил я, не совсем понимая, что именно ее интересует. — Меня зовут Джейкоб.

Дрожащей рукой она еще сильнее прижала нож к моему горлу. Я видел, что она испугана, а значит, опасна.

— Что ты делал в доме? Почему ты меня преследуешь? — продолжала допытываться она.

— Я просто хотел с тобой поговорить! Не убивай меня!

Девушка нахмурилась.

— О чем ты хотел со мной поговорить?

— О доме. О людях, которые там жили.

— Кто тебя сюда прислал?

— Мой дедушка. Его звали Абрахам Портман.

Ее рот приоткрылся от удивления.

— Ты лжешь! — сверкая глазами, закричала она. — Ты думаешь, я не знаю, кто ты на самом деле? Я не вчера родилась на свет! Открой глаза! Я хочу посмотреть в твои глаза!

— Это правда! Смотри! — Я постарался открыть глаза как можно шире.

Она привстала на цыпочки и заглянула в них, а потом топнула ногой и закричала:

— Нет, твои *настоящие* глаза! Тебе не удастся провести меня ни этими подделками, ни дурацким враньем об Эйбе!

— Я не вру, и это мои *настоящие* глаза! — Она так сильно нажала на мою гортань, что мне было трудно дышать. К счастью, ее нож был слишком тупым, иначе она точно перерезала бы мне глотку. — Послушай, я совсем не тот, за кого ты меня принимаешь, — прохрипел я, — и я могу тебе это доказать!

Давление на мое горло немного ослабло.

— Доказывай, или я полью эту траву твоей кровью!

— У меня тут кое-что есть.

Я сунул руку в карман куртки. Она отшатнулась и крикнула, чтобы я не шевелился. Теперь кончик ножа дрожал прямо у меня перед глазами.

— Это всего лишь письмо! Успокойся!

Она вернула лезвие мне на горло, а я медленно извлек из кармана письмо и фотографию госпожи Сапсан и протянул все это ей.

— Отчасти это письмо и стало причиной того, что я здесь. Мне дал его дедушка. Оно от Птицы. Вы ведь так называете свою директрису?

— Это еще ничего не доказывает, — заявила она, даже не взглянув на листок. — Но откуда ты столько о нас знаешь?

— Я же сказал тебе, мой дедушка...

Она вырвала письмо из моих рук.

— Я не желаю слушать этот бред!

Судя по всему, я задел ее за живое. На мгновение она замолчала. От напряжения ее лицо заострилось. Мне показалось, девушка раздумывает над тем, куда ей спрятать мое тело после того, как она осуществит свою угрозу. Она ничего не успела решить, потому что с дальнего конца улицы донеслись крики. Мы обернулись и увидели бегущую к нам толпу мужчин из паба, вооруженных дубинками и садовыми инструментами.

— Что это значит? Что ты натворил?

— Ты не единственная, кто хочет меня убить.

Она ткнула мне в бок ножом и схватила меня за шиворот.

— Теперь ты мой пленник. Делай то, что я говорю. Если ослушаешься, тебе придется горько об этом пожалеть.

Спорить я не стал. Я не был уверен, что у меня больше шансов уцелеть, находясь во власти этой неуравновешенной девушки, чем попав в руки пьяных мужиков с дубинками. Но, похоже, она по крайней мере может ответить на мои вопросы.

Она пихнула меня, и, повернув за угол, мы бросились бежать по соседней улице. Не добежав до ее конца, девушка прыгнула в сторону и нырнула под развешанное на веревке белье, втащив меня за собой. Мы перемахнули через низкое проволочное ограждение и очутились во дворе небольшого домика.

— Сюда, — прошептала она.

Оглядевшись и убедившись, что нас никто не видит, она затолкала меня в тесную, пропахшую торфяным дымом лачугу.

В лачуге никого не было, не считая растянувшейся на лежанке собаки. Пес открыл один глаз, лениво посмотрел на нас и, решив, что мы не заслуживаем его внимания, продолжил дремать. Мы подбежали к окну и прижались к стене, прислушиваясь. Все это время девушка не выпускала моей руки и продолжала прижимать к моему боку нож.

Прошла минута. Голоса удалились, а затем снова приблизились. Нам трудно было определить, где находятся мои преследователи. Я обвел взглядом крохотную комнату. Она показалась мне чересчур деревенской, даже по меркам Кэрнхолма. Покосившаяся стопка плетеных корзин в углу. Обтянутый джутовой тканью стул перед огромной железной плитой. Календарь на противоположной стене. До календаря было слишком далеко, и в полумраке лачуги я не мог разглядеть дату. Тем не менее его наличие навело меня на неожиданную мысль.

— Какой сейчас год? — прошипел я.

Девушка велела мне заткнуться.

— Я серьезно, — настаивал я.

Она как-то странно на меня посмотрела.

— Я не знаю, что за игру ты затеял, но сходи посмотри сам, — ответила она, толкая меня в сторону календаря.

Верхняя часть листка представляла собой черно-белое фото какого-то тропического пляжа, на котором стояли, улыбаясь, пышнотелые девушки, облаченные в купальники винтажного вида. Над фотографией я увидел надпись: «Сентябрь, 1940». Первый и второй дни месяца были вычеркнуты.

Я почувствовал, что меня обволакивает чувство нереальности происходящего. Я вспомнил все странные события, происшедшие со мной за это утро. Вначале удивительным образом изменилась погода. Затем остров, который я вроде успел изучить, вдруг оказался населен незнакомцами. Теперь все вокруг было старомодным, но одновременно новым. Все это объяснялось датой в календаре на стене.

Третье сентября тысяча девятьсот сорокового года. Но *каким образом?*

И тут в памяти всплыло кое-что из того, что, умирая, сказал мне дедушка. *По ту сторону от могилы старика.* До сих пор мне не удавалось понять, что это значило. Я даже предполагал, что он говорил о привидениях, и решил, что, поскольку все дети, которых он знал в детском доме, умерли, мне придется отправиться в потусторонний мир, чтобы их найти. Но это было слишком поэтично. Мой дед всегда мыслил буквально и не был склонен выражаться метафорами или намеками. И перед смертью дал мне простые и краткие наставления. У него просто не хватило времени, чтобы все мне разъяснить. Теперь я знал, что «Старик» — это прозвище мальчика, которого нашли на болотах, а его могила — курган. Сегодня утром я вошел в его могилу, а вышел в третье сентября тысяча девятьсот сорокового года.

Все это я понял за доли секунды, которые потребовались комнате, чтобы перевернуться вверх ногами. Мои колени подогнулись, пол взлетел вверх, и все погрузилось в бархатный пульсирующий мрак.

* * *

Очнулся я лежа на полу, с привязанными к плите руками. Девушка нервно меряла комнату шагами и оживленно разговаривала сама с собой. Я

закрыв глаза и начал слушать.

— Должно быть, он тварь, — говорила она. — В противном случае зачем ему понадобилось подобно грабителю рыскать по старому дому?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил чей-то голос. — Думаю, он этого тоже не знает. — Так, все-таки она разговаривала не сама с собой, хотя с того места, где я лежал, мне не был виден ответивший ей юноша. — Ты ведь говоришь, что он даже не понял, что оказался в петле времени?

— Посуди сам, — произнесла она, кивая в мою сторону. — Ты можешь себе представить, чтобы родственник Эйба был таким бестолковым?

— А ты можешь себе представить, чтобы он был тварью? — возразил юноша.

Я немного повернул голову, но увидеть парня мне все равно не удалось.

— Я легко могу себе представить, как тварь *прикидывается* идиотом, — ответила девушка.

Пес проснулся, подошел ко мне и принялся облизывать мое лицо. Я зажмурился и попытался проигнорировать его ласки, но это умывание было таким слюнявым, что я не выдержал и сел в попытке избавиться от назойливого внимания пса.

— Смотрите, кто проснулся, — голосом, исполненным сарказма, протянула девушка и издевательски захлопала в ладоши. — Великолепное представление. А твой обморок и вовсе произвел на меня неизгладимое впечатление. Я уверена, что сцена утратила великого актера, когда ты предпочел театру убийства и каннибализм.

Я открыл рот, чтобы опровергнуть ее ужасные обвинения, но так и замер с открытым ртом, заметив парящую в воздухе и приближающуюся ко мне чашку.

— Выпей воды, — произнес юноша. — Мы же не можем допустить, чтобы ты умер прежде, чем мы доставим тебя к директрисе, как ты считаешь?

Его голос, казалось, раздавался из пустого пространства. Я потянулся к чашке, но едва не уронил ее на пол, коснувшись мизинцем невидимой ладони.

— Он неуклюжий, — прокомментировал юноша.

— Ты невидимый, — глуповато произнес я.

— Вот именно. Миллард Наллингс к вашим услугам.

— Не называй ему своего имени! — воскликнула девушка.

— А это Эмма, — продолжал юноша. — Она страдает манией

преследования. Но я уверен, что ты и сам уже это понял.

Эмма злобно уставилась на него, точнее, на то место в пространстве, которое он должен был занимать, но ничего не ответила. Чашка дрожала у меня в руке. Я предпринял еще одну попытку хоть что-то им объяснить, но замолчал, когда с улицы донеслись злобные голоса.

— Тихо! — прошипела Эмма.

Раздались шаги. Это Миллард подошел к окну и слегка раздвинул шторы.

— Что там происходит? — спросила Эмма.

— Они обыскивают дома, — ответил он. — Мы не можем здесь задерживаться.

— Но мы не можем и выйти отсюда!

— Я думаю, что скоро сможем, — отозвался Миллард. — Однако на всякий случай я загляну в свои записи.

Шторы сомкнулись, и я увидел, как со стола взлетела и раскрылась в воздухе маленькая тетрадь в кожаном переплете. Миллард что-то напевал, перелистывая страницы. Через минуту он захлопнул тетрадь.

— Как я и подозревал! — провозгласил он. — Осталось подождать всего около минуты, после чего мы сможем смело выйти за дверь.

— Ты с ума сошел? — поинтересовалась Эмма. — Эти мордовороты тут же набросятся на нас со своими дубинами!

— Только если то, что вот-вот произойдет, не будет представлять для них больший интерес, чем наши скромные персоны, — отозвался Миллард. — Смею тебя уверить, лучшей возможности у нас не будет.

Меня отвязали от плиты и подвели к двери. Присев на корточки, мы чего-то ожидали. Тут снаружи до нас донесся звук гораздо более громкий, чем голоса мужчин, кричавших: «Самолеты!» Судя по звуку, самолетов было много. Может, несколько десятков.

— О, Миллард! Это гениально! — воскликнула Эмма.

— А ты говорила, что я напрасно трачу время, — пренебрежительно фыркнул Миллард.

Эмма положила руку на дверную ручку и обернулась ко мне.

— Возьми меня за руку. Не вздумай бежать. Держись, как ни в чем не бывало.

Она спрятала нож, заверив меня, что если я попытаюсь сбежать, то увижу его снова, — как раз перед тем, как она меня зарежет.

— Откуда мне знать, что ты не сделаешь этого в любом случае?

Она на мгновение задумалась.

— Придется поверить мне на слово. — Эмма пожала плечами и резким

толчком распахнула дверь.

* * *

Улица была запружена народом. Тут были не только мужчины из паба, которых я тут же заметил неподалеку от дома, но также хмурые торговцы, женщины и возницы. Оставив свои занятия, люди, запрокинув головы, смотрели в небо. Прямо над нами, совсем низко, пролетала эскадрилья немецких истребителей. Они шли идеально ровным строем, и я сразу вспомнил фотографию, которую видел в музее Мартина, в экспозиции под названием «Осада Кэрнхолма». Как это странно, думал я, одним совершенно непримечательным днем внезапно очутиться в тени вражеских машин смерти, способных в считанные секунды расстрелять всех собравшихся на улице людей.

Мы как можно спокойнее перешли через дорогу. Эмма мертвой хваткой стискивала мою руку. Мы почти скрылись за углом, как вдруг нас кто-то заметил. Я услышал крик и, обернувшись, увидел бегущего к нам мужчину.

Мы тоже побежали. Дорога была узкой и проходила между двумя рядами конюшен. Мы пробежали только половину, когда раздался голос Милларда.

— Я их задержу. Встречаемся позади паба ровно через пять с половиной минут!

Мы слышали его удаляющиеся шаги. Добежав до конца улицы, где Эмма меня остановила, мы обернулись и увидели, как поперек дороги разматывается, а затем натягивается на уровне щиколоток длинная веревка. Она туго натянулась как раз в тот момент, когда к ней приблизилась толпа.

Чертыхаясь и нелепо размахивая руками, наши преследователи один за другим летели в грязь и друг на друга. Эмма издала торжествующий клич, и я был уверен, что услышал смех Милларда.

Мы побежали дальше. Я не понимал, почему Эмма согласилась встретиться с Миллардом в «Тайнике Священников», ведь он стоял на пути к бухте, а не к детскому дому. И, кроме того, я не находил объяснения тому, что Миллард вплоть до минуты знал время, когда над Кэрнхолмом должны были пролетать вражеские самолеты. Но я воздержался от вопросов. И еще сильнее растерялся, когда, вместо того чтобы подкрасться к пабу с обратной стороны, Эмма уничтожила все мои надежды остаться незамеченным, распахнув дверь и вталкивая меня внутрь.

В пабе не было никого, кроме бармена.

— Бармен! — окликнула его Эмма. — У тебя открыт кран? Я хочу пить, как чертова русалка!

— Я не обслуживаю маленьких девочек, — захохотал тот.

— Чушь! — заявила она, хлопнув ладонью по стойке. — Налей мне своего самого лучшего виски. Только не той разбавленной мочи, которую ты любишь подавать своим клиентам.

Мне показалось, что она просто дурачится, развлекается, я бы даже сказал, соревнуется с Миллардом, завидуя его ловкой проделке с веревкой поперек дороги.

Бармен навалился животом на стойку.

— Так, значит, тебе хочется чего-то покрепче? — похотливо улыбаясь, поинтересовался он. — Только смотри, чтобы об этом не узнали твои папа с мамой, а то мне придется отбиваться и от священника, и от констебля. — Он извлек из-под стойки бутылку какой-то темной жидкости весьма подозрительного вида и налил ей полный стакан. — А как твой дружок? Небось уже пьян, как сапожник?

Я сделал вид, что разглядываю камин.

— Ах, какой стеснительный, — протянул бармен. — Откуда он?

— Говорит, что из будущего, — ответила Эмма. — А я думаю, что он чокнутый на всю голову.

Бармен даже в лице переменился.

— Что он говорит?

И тут мужик, видимо, узнал меня, потому что, грохнув бутылкой о стойку, рванул ко мне.

Я хотел было бежать, но бармен не успел еще выбраться из-за стойки, как вдруг Эмма перевернула стакан, веером разбрызгивая вокруг коричневатую жидкость. А потом сделала нечто непостижимое. Она

поднесла руку ладонью вниз к луже на барной стойке, и мгновение спустя над ней взвились языки пламени не меньше фута высотой.

Бармен взвыл и начал бить по стене огня полотенцем.

— Сюда, пленник! — скомандовала Эмма и, схватив меня под руку, потащила к камину. — Помоги! Поднимай!

Она упала на колени и сунула пальцы в трещину в полу. Я сделал то же самое, и мы вместе подняли небольшую плиту, под которой обнаружилось углубление не шире моих плеч: тайник священников. Дым заполнил комнату. Пока бармен продолжал бороться с огнем, мы по очереди забрались в дыру и исчезли.

Тайник священника напоминал небольшой колодец, фута четыре в глубину, переходящий в тесный туннель. Мы очутились в непроглядном мраке, но вдруг пространство вокруг нас озарил мягкий оранжевый свет. Эмма превратила свою руку в факел: над ее ладонью дрожал крохотный шарик огня. Я смотрел на это чудо, позабыв обо всем остальном.

— Пошевеливайся! — рывкнула она, толкая меня вперед. — Там есть дверь.

Я зашаркал дальше, пока не уперся в стену. Тогда Эмма протиснулась мимо меня, села на пол и толкнула стену обеими ногами. Та отодвинулась, и мы увидели дневной свет.

— Вот вы где, — услышал я голос Милларда, выползая из туннеля. — Не можешь обойтись без представления.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — буркнула Эмма, хотя я видел, что она ужасно довольна собой.

Миллард подвел нас к телеге, запряженной лошадью и, судя по всему, ожидавшей именно нас. Мы забрались внутрь и спрятались под брезент. Не прошло и нескольких секунд, как к телеге подошел мужчина. Он вскочил на лошадь, дернул поводья, и повозка затряслась по неровной дороге.

Какое-то время мы ехали молча. По тому, как менялись доносящиеся снаружи звуки, я понял, что мы направляемся за пределы поселка.

Собравшись с духом, я осмелился задать вопрос:

— Откуда вы знали о телеге? И о самолетах? Это ясновидение или как?

— Отнюдь, — фыркнула Эмма.

— Все это уже происходило вчера, — пояснил Миллард, — и позавчера тоже. Разве в твоей петле не так?

— В моей чем?

— Он не из другой петли, — еле слышно произнесла Эмма. — Говорю тебе — он чертова тварь.

— Я так не думаю. Тварь никогда не позволила бы захватить себя живьем.

— Поняла? — прошипел я. — Я не то, что ты думаешь. Я Джейкоб.

— Мы еще посмотрим. А теперь помолчи.

Она протянула руку и отвела край брезента. Над нами покачивалось синее небо.

Глава шестая

Когда последние дома остались позади, мы осторожно соскользнули с телеги и пешком преодолели кряж, держа путь к лесу. По одну сторону от меня шла угрюмая настороженная Эмма. Она всю дорогу молчала и ни на секунду не выпускала моей руки. По другую — не умолкал все время что-то напевавший и пинавший камешки Миллард. Я никак не мог понять, что со мной происходит, и ужасно нервничал. В то же время я был как-то приятно возбужден и взволнован. Часть меня осознавала, что со мной вот-вот произойдет что-то необыкновенное. Вторая часть ожидала, что я сейчас очнусь от этого лихорадочного забытья или стрессового эпизода, или что там еще может со мной происходить, подниму голову со стола, оботру слюну со щеки и подумаю: «Хм, как странно!», после чего вернусь в свою знакомую, привычную и ужасно скучную жизнь.

Но я не проснулся. Мы шли все дальше: девочка, чьи руки порождали огонь, невидимый паренек и я. Мы пересекли лес, сквозь который вела широкая, как в каком-нибудь национальном парке, дорога, и вышли на просторную лужайку, пестревшую цветами и окаймленную аккуратно подстриженными деревьями и кустарниками. Мы подошли к дому.

Я смотрел на него в немом изумлении. Не потому, что он был ужасен, а потому что, напротив, он был прекрасен. Все черепицы были на месте, все окна целы и чисто вымыты. Башенки и дымоходы, тоскливо покосившиеся на том доме, который помнил я, теперь гордо устремлялись к небу. Лес, недавно порывающийся поглотить его стены, замер на почтительном расстоянии.

Мы прошли по мощенной каменными плитами дорожке и поднялись по свежевыкрашенным ступеням крыльца. Какую бы угрозу ни усматривала во мне поначалу Эмма, сейчас она несколько успокоилась, хотя, перед тем как войти в дом, все же настояла на том, чтобы связать мне руки за спиной. Я думаю, она сделала это, желая покрасоваться. Она играла в добытчика, вернувшегося с охоты, и я был ее трофеем. Она уже хотела затолкать меня в дом, но ее остановил Миллард.

— Его туфли облеплены грязью. Он наследит в доме. Птицу хватит удар.

Итак, под бдительным оком моих стражей я снял не только туфли, но и носки, которые тоже были в грязи. Затем Миллард предложил мне подвернуть штанины, чтобы те не волочились по ковру, после чего Эмма

нетерпеливо схватила меня за локоть и втащила внутрь.

Мы прошли по коридору (а где же груды поломанной мебели, делающие его почти непроходимым?) мимо сверкающей свежим лаком лестницы, из-за балясин которой выглядывали любопытные лица, а затем миновали столовую. Снежные заносы штукатурки исчезли, а на их месте появился длинный деревянный стол, окруженный множеством стульев. Это был тот самый дом, который я уже обследовал, только реставрированный и приведенный в порядок. Налет плесени сменили яркие обои, деревянные панели и свежая краска. Повсюду стояли вазы с цветами. Оседающие кучи гниющего дерева и ткани снова превратились в кушетки и кресла, а сквозь высокие окна, некогда грязные настолько, что казалось, будто на них нанесли слой маскировочной краски, струился солнечный свет.

Наконец мы вошли в маленькую комнату, окна которой выходили во двор.

— Подержи его, пока я сообщу о нем директрисе, — обратилась Эмма к Милларду, и я почувствовал его пальцы на своем локте.

Когда Эмма вышла, он тут же отпустил мою руку.

— Ты разве не боишься, что я съем твои мозги или что-нибудь в этом роде? — поинтересовался я.

— Не особенно, — последовал ответ.

Я обернулся к окну и застыл в изумлении. Двор был полон ребяташек, большинство из которых мне были знакомы по тем пожелтевшим фотографиям. Некоторые лежали на траве под деревьями, другие перебрасывались мячом или гонялись друг за другом по дорожкам, окаймленным яркими клумбами. Это был тот самый рай, который описывал мне дедушка. И это был тот самый заколдованный остров и те самые волшебные дети. Если я и спал, то уже не хотел просыпаться. Во всяком случае в ближайшее время.

Кто-то из играющих на лужайке детей слишком сильно ударил по мячу, и тот влетел в огромный, подстриженный в виде какого-то животного куст и застрял в его ветвях. Вдоль аллеи выстроился целый ряд этих удивительных кустов — фантастических существ ростом с дом, которые будто охраняли его от таящихся в лесу опасностей. Тут были крылатый грифон, вставший на дыбы кентавр, русалка... Двое мальчиков-подростков подбежали к кентавру вслед за улетевшим мячом. За ними шла девочка. Я тут же узнал в ней «левитирующую» девочку с дедушкиных фотографий. Только сейчас она не левитировала. Она шла медленно, словно каждый шаг давался ей с трудом, а действующая на нее сила тяжести была больше, чем у остальных.

Подойдя к мальчикам, она подняла руки, и приятели обвязали ее вокруг талии веревкой. Девочка осторожно сняла туфли и тут же, как воздушный шарик, взлетела в воздух. Это было поразительное зрелище. Она поднималась, пока удерживающая ее веревка не натянулась. Малышка зависла в десяти футах над землей.

Она что-то сказала мальчикам, те кивнули и начали понемногу разматывать веревку. Девочка медленно поднималась вверх. Оказавшись на уровне груди кентавра, она потянулась к мячу, но тот застрял глубоко в ветвях. Она посмотрела вниз и покачала головой. Мальчики опустили ее на землю, где она вначале обулась в свои утяжеленные туфли, а затем развязала веревку.

— Тебе понравилось? — поинтересовался Миллард, и я молча кивнул. — Существуют гораздо более простые способы достать этот мяч, — продолжал он. — Но они знают, что у них есть зритель.

Тем временем к кентавру подошла другая девочка или, скорее, девушка. Она была похожа на дикарку, а ее волосы напоминали какое-то гнездо или... дреды. Она наклонилась, подняла длинный «хвост» кентавра и намотала его на руку. Затем закрыла глаза и сосредоточилась. Мгновение спустя я заметил, что рука кентавра пошевелилась. Я уставился на куст, уверенный, что его ветви просто колышутся на ветру, но тут пальцы его руки согнулись и разогнулись, как будто они занемели и кентавр решил их размять, чтобы восстановить кровообращение. Я, открыв рот, наблюдал за тем, как огромная рука кентавра согнулась, потянулась к его собственной груди, извлекла оттуда мяч и бросила его торжествующим мальчишкам. Они вернулись к своей игре, девочка со спутанными волосами выпустила из рук хвост кентавра, и тот снова замер на месте.

Дыхание Милларда затуманило оконное стекло рядом со мной. Я изумленно обернулся к нему.

— Я не хочу тебя обидеть, — произнес я, — но что же вы за люди такие?

— Мы просто странные, — несколько растерянно отозвался он. — А ты разве не странный?

— Не знаю. Вряд ли.

— Жаль.

— Почему ты его отпустил? — позади раздался голос Эммы. Я обернулся. — А впрочем, ладно. — Она подошла и схватила меня за связанные руки. — Пошли, директриса хочет на тебя взглянуть.

Мы снова прошли через дом, и снова из-за приоткрытых дверей меня провожали любопытные взгляды. Мы вошли в залитую солнцем комнату, где на узорчатом персидском ковре стоял стул с высокой спинкой. На нем восседала благородного вида дама. С головы до ног, включая застегнутую у горла блузу с высоким воротником и кружевные перчатки, она была одета в черное. Ее волосы были собраны в идеально круглый узел на макушке, и вся она была воплощением опрятности, как и весь дом. Я догадался бы, кто она такая, даже если бы не узнал ее по фотографии, также хранившейся в тяжелом сундуке. Передо мной была госпожа Сапсан.

Эмма завела меня на ковер и откашлялась. Спицы, мелькавшие в руках

госпожи Сапсан, замерли.

— Добрый день, — произнесла она, поднимая на меня глаза. — Ты, наверное, Джейкоб.

Эмма удивленно открыла рот.

— Откуда вы знаете, как его...

— Меня зовут директриса Сапсан, — продолжала леди, подняв палец и подавая Эмме знак замолкнуть. — Но поскольку ты неходишь в число моих воспитанников, то можешь называть меня мисс Сапсан. Я рада возможности наконец-то с тобой познакомиться.

Женщина протянула мне затянутую в перчатку руку, но я не смог ее пожать. Она заметила мои связанные кисти.

— Мисс Блум! — воскликнула она. — Что это означает? Кто обращается так с гостями? Немедленно освободите этого юношу!

— Но директриса! Он шпион и лжец, а может, и еще что похуже!

Эмма недоверчиво на меня покосилась и что-то прошептала на ухо мисс Сапсан.

— Бог ты мой, мисс Блум! — всплеснула руками и громко расхохоталась та. — Что за галиматья! Если бы этот мальчик был тварью, вы бы уже варились в его котелке. Конечно же, он внук Абрахама Портмана. Вы только взгляните на него!

Я почувствовал, как на меня нисходит невероятное облегчение. Похоже, меня все-таки ожидали, и мне не придется долго доказывать, кто я такой и что здесь делаю.

Эмма начала было возражать, но мисс Сапсан окинула ее таким возмущенным взглядом, что девочке пришлось умолкнуть.

— Ладно, — вздохнула она, — но не говорите потом, что я вас не предупреждала.

Она несколько раз дернула за узел, и веревка упала на пол.

— Вы не должны обижаться на мисс Блум, — обратилась ко мне директриса, глядя, как я потираю занемевшие запястья. — Она любит драматизировать.

— Я это заметил.

Эмма нахмурилась.

— Если он тот, за кого себя выдает, почему ни шиша не знает о петлях времени и о том, какой сейчас год? Да вы сами его спросите!

— Почему он *ничего* не знает, — поправила ее мисс Сапсан. — А единственный человек, которого мне хотелось бы хорошенько опросить, — это вы, мисс Блум. И завтра я это обязательно сделаю — в отношении правил литературной речи.

Эмма застонала.

— А теперь, если вы позволите, — продолжала мисс Сапсан, — я хотела бы переговорить с мистером Портманом наедине.

Девочка поняла, что спорить бесполезно. Она вздохнула и направилась к двери, но, прежде чем выйти, обернулась и бросила на меня еще один взгляд. На ее лице я увидел выражение, которого не было там прежде, — беспокойность.

— И вы тоже, мистер Наллингс! — произнесла мисс Сапсан. — Воспитанные люди не подслушивают чужих разговоров.

— Я только ненадолго задержался, чтобы спросить, не хотите ли вы чаю, — ответил Миллард, которого я уже начал подозревать в склонности к подхалимажу.

— Спасибо, не хотим, — отрезала мисс Сапсан.

Я услышал, как босые ноги Милларда прошлепали к выходу. Дверь отворилась и затворилась, выпустив его в коридор.

— Я бы пригласила тебя присесть, — произнесла мисс Сапсан, кивая на мягкий стул у меня за спиной, — но ты весь в грязи.

В ответ я опустился на колени, чувствуя себя пилигримом, умоляющим могущественного оракула дать ему совет.

— Ты находишься на острове уже несколько дней, — произнесла мисс Сапсан. — Почему ты так долго тянул с визитом к нам?

— Я не знал, что вы здесь, — ответил я. — Но как вы узнали обо мне?

— Я за тобой наблюдала. Ты меня тоже видел, хотя, наверное, не осознал этого. Я принимала свою альтернативную форму. — Она подняла руку и вынула из прически длинное серое перо. — Наблюдая за людьми, предпочтительнее обращаться в птицу, — пояснила она.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

— Так, значит, в то утро у меня в комнате были вы? — воскликнул я. — Тот ястреб?

— Сокол, — поправила меня она. — И, естественно, сапсан.

— Так это правда... — пробормотал я. — Вы и есть *та самая Птица*!

— Я снисходительно отношусь к этому прозвищу, но не поощряю его употребление. Вернемся к моему вопросу, — продолжала мисс Сапсан. — Скажи мне, Бога ради, что ты искал в тех ужасных развалинах?

— Вас, — ответил я, и ее глаза приоткрылись чуть шире. — Я не знал, как вас найти. Я только вчера понял, что вы все... — Я помедлил, вдруг осознав, как странно прозвучат мои следующие слова. — Я не знал, что вы умерли.

Она натянуто улыбнулась.

— О Господи! Твой дедушка совсем ничего не рассказывал тебе о своих старых друзьях?

— Кое-что рассказывал. Но я очень долго считал все это сказками.

— Понятно, — кивнула она.

— Надеюсь, вас это не обижает.

— Несколько удивляет, не более того. Но в целом мы предпочитаем, чтобы о нас думали именно так, потому что это предупреждает появление незваных гостей. Сейчас все меньше и меньше людей верят в сказки, гоблинов и прочую ерунду. Таким образом, обычные люди больше не пытаются нас разыскать. Это значительно упрощает наше существование. Истории о привидениях и мрачных заброшенных домах тоже этому поспособствовали, хотя, как я вижу, не в твоём случае. — Она снова улыбнулась. — Я вижу, отвага у вас в крови.

— Да, пожалуй, — с нервным смешком отозвался я, чувствуя, что еще немного — и я хлопнусь в обморок.

— Как бы то ни было, что касается *этого* места... — Она царственным жестом указала на обстановку. — Насколько я поняла, в детстве ты считал, что твой дедушка все это выдумал, верно? Что он кормит тебя, как говорят, «байками». Я права?

— Не то чтобы байками, но...

— Выдумками, сказками, мифами... Выбирай любое слово на свой вкус. Когда ты понял, что Абрахам говорит правду?

— Видите ли... — пробормотал я, разглядывая лабиринт переплетающихся узоров ковра, — кажется, я начинаю понимать это только сейчас.

Оживление мисс Сапсан несколько померкло.

— Боже мой, я поняла.

И тут ее лицо окончательно помрачнело, как будто за несколько мгновений воцарившегося молчания она догадалась, какое ужасное сообщение я ей принес. Но мне все равно предстояло найти слова, чтобы произнести это вслух.

— Я думаю, что он хотел мне все объяснить, — произнес я, — но все время откладывал этот разговор. Ему не хватило времени, и вместо этого он просто попросил меня сюда приехать. — Я вытащил из кармана смятый конверт. — Это ваше письмо. Оно привело меня сюда.

Она разгладила его на подлокотнике стула и, поднеся к глазам, начала читать.

— Как невоспитанно! Я практически умоляю его ответить! — Она печально покачала головой. — Мы всегда стремились хоть что-то узнать об

Эйбе. Однажды я спросила его, не пытается ли он загнать меня в могилу тем, что живет в этом мире без всякой защиты. Но он был невероятно упрям!

Она сложила письмо и вернула его в конверт. На лицо ее легла тень, как будто от темного облака.

— Он ушел от нас, верно?

Я кивнул. Путаясь в словах, я рассказал ей о том, что произошло. То есть я поведал тот вариант развития событий, на котором остановилась полиция и в который, после длительного лечения у психотерапевта, поверил и я. Чтобы не расплакаться, я не стал вдаваться в детали. *Он жил на окраине города. Из-за недавней засухи в лесу было полно обозлившихся от голода животных. Он просто оказался в неудачном месте в неудачный момент.*

— Он не должен был жить один, — пояснил я. — Но как вы уже сказали, дед был очень упрям.

— Я этого опасалась, — вздохнула она. — И предостерегала его, твердя, что ему нельзя покидать петлю. — Она стиснула в кулаках вязальные спицы, как будто раздумывая, кого бы ими проткнуть. — А потом он заставил своего бедного внука донести до нас эту трагическую весть.

Я понимал ее гнев. Я и сам через него прошел. Я попытался утешить ее, отбарабанив все те стандартные фразы, которыми опутывали меня прошлой осенью родители и доктор Голан.

— Ему пора было уходить. Он был одинок. Моя бабушка умерла много лет назад, и его сознание уже притупилось. Он постоянно что-то забывал или путал. Именно поэтому он и покинул дом в тот вечер...

Мисс Сапсан грустно кивнула.

— Он позволил себе состариться.

— В каком-то смысле ему повезло. Его смерть не была долгой и мучительной. Ему удалось избежать нескончаемых месяцев на больничной койке в полной зависимости от аппаратов.

Все это звучало нелепо и глупо. Разумеется, его смерть была преждевременной и чудовищной, но мне показалось, что, после того как я это произнес, нам обоим стало немного легче.

Отложив свое рукоделие, мисс Сапсан встала и захромала к окну. Ее походка была такой неловкой — будто одна ее нога была короче другой.

Глядя на играющих во дворе детей, она произнесла:

— Дети не должны об этом знать. Во всяком случае пока. Зачем их понапрасну расстраивать.

— Хорошо. Вам виднее.

Она еще немного постояла у окна. Ее плечи вздрагивали. Когда мисс Сапсан наконец обернулась ко мне, она снова была спокойна и собрана.

— Итак, мистер Портман, — деловито заявила она, — я полагаю, что вы с честью вынесли допрос с пристрастием. Я уверена, что вас тоже многое интересует.

— У меня всего лишь тысяча вопросов.

Она извлекла из кармана часы и посмотрела на них.

— У нас есть немного времени до ужина. Надеюсь, что успею вас просветить.

Мисс Сапсан замолчала и наклонила голову. Внезапно она подошла к двери и резко ее распахнула. Я увидел сидящую на корточках Эмму. Она подняла к нам покрасневшее, залитое слезами лицо. Она все слышала.

— Мисс Блум! Вы подслушивали?

Эмма всхлипнула и выпрямилась.

— Воспитанные люди не подслушивают разговоров, не предназначенных для... — Но Эмма уже бежала прочь, и мисс Сапсан, огорченно вздохнув, замолчала. — Этого только не хватало. Боюсь, она очень чувствительна ко всему, что касается твоего дедушки.

— Я это заметил, — кивнул я. — Но почему? Они были...

— Когда Абрахам ушел на войну, он забрал с собой все наши сердца, но прежде всего сердце мисс Блум. Да, они были влюблены друг в друга.

Я начал понимать, почему Эмма отказывалась мне верить. Она понимала, что я, скорее всего, принес плохие новости о своем дедушке.

Мисс Сапсан хлопнула в ладоши, как будто рассеивая невидимые чары.

— Тут уж ничего не поделаешь, — пробормотала она.

Вслед за ней я вышел из гостиной и начал подниматься по лестнице. Мисс Сапсан взбиралась наверх с угрюмой решительностью, обеими руками хватаясь за перила и подтягиваясь на следующую ступеньку. Я хотел ее поддержать, но она отвергла мою помощь. Когда мы достигли площадки второго этажа, она провела меня по коридору и пригласила войти в комнату, которая сейчас и в самом деле очень походила на классную, с выстроившимися в ряд партами, школьной доской в углу и аккуратно разложенными по полкам книгами. Мисс Сапсан указала на одну из парт.

— Садись.

Я втиснулся за парту, а она заняла свое место за учительским столом.

— Позволь мне быстро ввести тебя в курс дела. Я уверена, что ты услышишь ответы на большую часть своих вопросов.

— Хорошо.

— Устройство человеческой расы намного сложнее, чем полагает большинство людей, — начала она. — Настоящая классификация гомо сапиенс — это тайна, известная очень немногим, в число которых ты сейчас войдешь. Если говорить кратко, то человечество разделено на две части. Первая состоит из огромной массы обычных людей. Но существует тайная часть, которую можно было бы назвать крипто сапиенс. Вообще-то, на величавом языке моих предков эти люди называются *syndrigast* или «странные духи». Как ты уже наверняка догадался, мы относимся к этим последним.

Я склонил голову, как если бы понял ее, хотя на самом деле не поспевал за ее объяснениями. В надежде немного снизить темп я поинтересовался:

— Но почему люди о вас не знают? Вы такие одни?

— Странные люди разбросаны по всему миру, — ответила она, — но сейчас нас намного меньше, чем прежде. Те, кто уцелел, предпочитают скрываться, подобно нам. В незапамятные времена мы могли свободно жить среди обычных людей. — В ее голосе зазвучали нотки сожаления. — Кое-где нас считали шаманами, к нашей помощи прибегали в трудные времена. Еще есть народности, сохранившие гармоничные отношения с такими, как мы, хотя это возможно только там, где не сумели утвердиться современный уклад мира и основные религии, например на острове черной магии Амбрим на Новых Гебридах. Но остальной мир уже очень давно нас преследует. Мусульмане нас изгнали. Христиане жгли нас как ведьм и колдунов. Даже язычники Уэльса и Ирландии со временем сочли нас злонамеренными волшебниками и оборотнями.

— Но почему же вы тогда... ну, я не знаю... не основали где-нибудь свою собственную страну? Вы могли бы там поселиться и жить, не общаясь с остальным миром.

— Если бы это было так просто, — вздохнула она. — Особенности проявляются не в каждом поколении. Странные дети могут появляться через поколение или даже через десять. Они далеко не всегда рождаются у странных родителей. А у странных родителей далеко не всегда рождаются странные дети. Ты ведь знаешь, как мир боится всего необычного. Именно поэтому он и представляет такую опасность для всех, кто отличается от других.

— Нормальные родители пугаются, когда их дети начинают, скажем, зажигать руками огонь?

— Вот именно, мистер Портман. Странные отпрыски обычных

родителей зачастую терпят поистине чудовищные унижения. Прошло всего несколько столетий с тех пор, когда родители странных детей считали, что их «настоящий» сын или дочь были похищены, а взамен им подбросили эльфа, то есть злого духа, который внешне ничем не отличается от их родного ребенка. В темные времена это давало родителям полное право отказываться от этих несчастных детей, а то и просто убивать их.

— Это ужасно.

— Это действительно было страшно. Необходимо было что-то делать, поэтому люди, подобные мне, создали места, где странные дети могли бы жить отдельно от обычных людей. Эти своего рода анклавов изолированы от мира как в пространстве, так и во времени. Я очень горжусь петлей времени, которую удалось создать мне.

— Что значит — люди, подобные вам?

— Мы наделены способностями, которых нет у обычных людей. Эти способности столь же разнообразны, как оттенки кожи или черты лица. Некоторые из них довольно широко распространены. Например, чтение мыслей. Другие, такие как мое умение манипулировать временем, встречаются очень редко.

— Вы манипулируете временем? Я думал, вы превращаетесь в птицу.

— Верно, но это и есть ключ к моему дару. Только птицы умеют манипулировать временем. Таким образом, все манипуляторы временем должны уметь превращаться в птиц.

Она произнесла это так деловито и буднично, что мне потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить ее слова.

— Птицы... путешественники во времени?

Я почувствовал, как по моему лицу расползается глуповатая улыбка.

Мисс Сапсан кивнула.

— Но по большей части они проскальзывают туда и обратно чисто случайно. Тех же, кто сознательно манипулирует временем, причем не только для себя, но и для других, называют *имбринами*^[11]. Мы создаем временные петли, в которых странные люди могут существовать неопределенно долго.

— Петли, — повторил я, вспоминая дедушкины слова: *Найди птицу, в петле*. — Так мы находимся в петле?

— Да. Хотя тебе она может быть больше знакома под названием третье сентября тысяча девятьсот сорокового года.

Я наклонился вперед, нависая над низкой партой.

— Что вы имеете в виду? Это только один день, который все время повторяется?

— Да, снова и снова, хотя наша деятельность в его пределах весьма разнообразна. В противном случае мы ничего не знали бы о последних... семидесяти годах, в течение которых существуем здесь.

— Это поразительно, — прошептал я.

— Конечно же, мы появились на Кэрнхолме лет за десять до третьего сентября сорокового года. Уникальное географическое положение острова позволяло нам достичь почти полной физической изоляции. Но после указанного дня нам потребовалась также и изоляция во времени.

— Почему?

— Потому что в противном случае мы все погибли бы.

— От взрыва бомбы?

— Ну конечно.

Я устался на крышку парты. Передо мной начинала вырисовываться картина происходящего, хотя пока проступили только самые общие ее контуры.

— А существуют ли другие временные петли, кроме этой?

— Существуют. Их довольно много, — кивнула директриса. — И почти все имбрины, которые их создали, — мои подруги. Посуди сам: мисс Чайка в Ирландии в июне 1770 года; мисс Иволга в Суонси третьего апреля 1901 года; мисс Зарянка и мисс Коноплянка в Дербишире в день святого Свитина 1867 года; мисс Синица... Я точно не помню, где она находится, и... ах да, милая мисс Зяблик. У меня где-то есть ее прелестная фотография.

Мисс Сапсан достала с книжной полки массивный фотоальбом и положила его на парту передо мной. Склонившись над моим плечом, она начала перелистывать страницы в поисках какого-то определенного снимка. Одновременно задумчивым голосом, в котором отчетливо слышались ностальгические нотки, она комментировала и другие фотографии. Передо мной промелькнули снимки, которые я уже видел в разбитом сундуке и в дедушкиной коробке из-под сигар. Мисс Сапсан бережно хранила эти фото. Как странно, думал я, точно так же эти фотографии когда-то разглядывал мой дедушка. Ему было столько же лет, сколько сейчас мне. Возможно, он сидел в этой же комнате, на этом же месте. Теперь мисс Сапсан показывала их мне, как будто я каким-то образом перенесся в дедушкино прошлое.

Наконец мы добрались до изображения воздушного вида женщины с нахохлившейся птичкой на руке.

— Это мисс Зяблик, — сообщила она, — и ее тетушка мисс Зяблик.

Женщина и птица как будто о чем-то беседовали.

— Как вам удавалось их различать? — поинтересовался я.

— Старшая мисс Зяблик большую часть времени предпочитала проводить в виде птицы. Оно и к лучшему. Собеседник из нее все равно был никудышный.

Мисс Сапсан перевернула еще несколько страниц, на этот раз остановившись на снимке, запечатлевшем группу женщин и детей, — все они с мрачным видом сгрудились вокруг картонного полумесяца.

— Дама впереди — мисс Зарянка, — сообщила она, извлекая фотографию из альбома и благоговейно ее разглядывая. — В ее жилах течет королевская кровь, что делает ее самой благородной представительницей нашего сообщества странных людей. Ее пятьдесят лет уговаривали возглавить Совет имбрин, но она наотрез отказалась оставлять академию, которую создала вместе с мисс Коноплянкой. В настоящее время не существует ни одной стоящей имбрины, не прошедшей обучение под крылом мисс Зарянки. Я тоже окончила ее академию. Вообще-то, если ты присмотришься повнимательнее, то, наверное, сможешь узнать вот эту маленькую девочку в очках.

Я прищурился. Лицо, на которое она показывала, было слегка размытым.

— Это вы?

— Я была одной из самых юных ее учениц, — гордо кивнула она.

— Как насчет этих мальчиков на фотографии? — спросил я. — Они выглядят еще младше вас.

Лицо мисс Сапсан потемнело.

— Ты говоришь о моих заблудших братьях, — вздохнула она. — Нас не захотели разлучать, и они приехали в академию вместе со мной. Они были избалованы, как маленькие принцы. Боюсь, именно это их и испортило.

— Они не были имбринами?

— О нет! — фыркнула она. — Имбринами рождаются только женщины. И слава Богу! Мужчинам не хватает серьезности, которая требуется от людей, на чьих плечах лежит такая большая ответственность. Мы, имбрины, должны постоянно разыскивать странных детей, оказавшихся в затруднительном положении. При этом нам приходится держаться подальше от тех, кто способен нам навредить. И, разумеется, мы обязаны заботиться о своих подопечных, следя за тем, чтобы они воспитывались среди себе подобных, были накормлены, одеты и скрыты от посторонних глаз. И в придачу ко всему этому мы должны следить за тем,

чтобы наша петля времени каждый день переустанавливалась и продолжала работать, подобно тому, как мы должны каждый день заводить часы.

— Что произойдет, если этого не сделать?

Она коснулась лба дрожащими пальцами и в ужасе отшатнулась.

— Катастрофа, несчастье! Я даже думать об этом боюсь. К счастью, механизм переустановки петли очень прост. Кто-то из нас должен время от времени проходить сквозь портал. Это поддерживает его основную функцию. Точка доступа напоминает отверстие в свежем тесте. Если не сунуть туда палец, оно затянется само по себе. А если не будет входа или выхода, исчезнет клапан, через который удаляются различные напряжения, естественным образом скапливающиеся в закрытой временной системе... — Она сымитировала руками небольшую вспышку или взрыв хлопушки. — Петля потеряет стабильность.

Директриса снова склонилась над альбомом и начала перелистывать страницы.

— К слову, у меня должна быть фотография... Ага, вот она. Точка входа как она есть! — Она извлекла из альбома еще один снимок. — Это мисс Зяблик и один из ее подопечных в великолепном портале, ведущем в ее петлю времени и расположенном в одном из редко используемых участков лондонского метро. Когда петля переустанавливается, туннель заполняет поистине волшебное сияние. Я всегда считала наш портал довольно скромным по сравнению с этим изумительным местом, — с легкой завистью в голосе закончила она.

— Я хочу удостовериться, что все правильно понял, — произнес я. — Если сегодня третье сентября тысяча девятьсот сорокового года, то завтра... *тоже* третье сентября?

— Несколько часов петли воспроизводят второе сентября, но в целом да, это третье число.

— Так, значит, у вас никогда не наступает завтра?

— В каком-то смысле, да.

Снаружи донесся отдаленный грохот, напоминающий раскаты грома. Стекла в рамах задрожали. Мисс Сапсан подняла голову и достала из кармана часы.

— Боюсь, что пока это все. Но я очень надеюсь, что ты с нами поужинаешь.

Я охотно согласился. Мне и в голову не пришло, что отец может волноваться. Выбравшись из-за парты, я вслед за ней направился к двери. Но тут в памяти всплыл очередной вопрос, мучивший меня уже долгое время.

— Когда мой дедушка сюда приехал, он действительно бежал от нацистов?

— Действительно, — кивнула мисс Сапсан. — В те ужасные годы перед войной к нам прибыло довольно много детей. В мире было очень беспокойно. — На ее лице отразилось страдание, как будто эта рана еще не затянулась. — Я нашла Абрахама в лагере для перемещенных лиц. Он был несчастным маленьким мальчиком. Но в нем чувствовалась такая сила! Я

сразу поняла, что он один из нас.

Я вздохнул с облегчением. По крайней мере хоть какая-то часть его жизни соответствовала моим о ней представлениям. Но меня интересовало еще кое-что, однако я не знал, как мне сформулировать свой вопрос.

— Значит, мой дедушка... он был такой, как...

— Такой, как мы?

Я кивнул.

Она как-то странно улыбнулась.

— Он был таким, как ты, Джейкоб.

Она отвернулась и захромала к лестнице.

* * *

Мисс Сапсан настояла на том, чтобы перед тем, как сесть за стол, я смыл с себя тину и грязь, и попросила Эмму приготовить для меня ванну. Думаю, она надеялась на то, что общение со мной принесет Эмме облегчение. Но девушка на меня даже не смотрела. Я наблюдал за тем, как она напускает в ванну холодную воду, а затем нагревает ее своими руками, опустив их в воду и слегка вращая ими. Вскоре над ванной уже поднимался пар.

— Потрясающе! — воскликнул я, но она ушла, не произнеся в ответ ни слова.

Когда вода стала коричневой от грязи, я вылез, вытерся и переоделся в приготовленную для меня чистую одежду: мешковатые твидовые штаны, рубашку на пуговицах и подтяжки, которые были слишком коротки, и к тому же я никак не мог понять, как ими пользоваться. У меня был выбор — либо уронить штаны, либо поддержать их выше пояса. Решив, что последнее будет меньшим из двух зол, я спустился вниз на самый странный в своей жизни обед, вырядившись, как клоун, разве что без грима.

Трапеза превратилась в сплошной круговорот имен и лиц, многие из которых были мне смутно знакомы по фотографиям и полузабытым дедушкиным рассказам. Когда я вошел в столовую, дети, которые как раз шумно рассаживались вокруг стола, застыли, не сводя с меня глаз. Мне показалось, что гости бывают здесь крайне редко. Мисс Сапсан, уже восседавшая во главе стола, поднялась, дабы воспользоваться этой внезапно воцарившейся тишиной и представить меня своим воспитанникам.

— Тем, кто еще не имел удовольствия познакомиться с этим

мальчиком, — произнесла она, — я сообщаю, что перед вами внук Абрахама. Его зовут Джейкоб. Ради встречи с нами он проделал очень долгий путь и теперь является нашим почетным гостем. Надеюсь, вы будете обращаться с ним соответственно.

Затем она указала на каждого из находящихся в комнате детей и назвала их имена, большинство из которых я немедленно забыл, как случается всякий раз, когда я нервничаю. Когда процедура знакомства была окончена, на мисс Сапсан обрушился шквал вопросов, которые она парировала быстро и исчерпывающе.

— Джейкоб останется с нами?

— Это мне неизвестно.

— Где Эйб?

— Он живет в Америке и очень занят.

— Почему Джейкоб надел брюки Виктора?

— Виктору брюки уже не нужны, а одежду Джейкоба постирали.

— Что Эйб делает в Америке?

Я заметил, что, как только прозвучал этот вопрос, Эмма, угрюмо сидевшая в углу, сорвалась с места и выскочила из комнаты. К сменам ее настроения, видимо, все давно привыкли, и на эту выходку никто не обратил ни малейшего внимания.

— Что делает Эйб, вас не касается, — отрезала мисс Сапсан.

— Когда он вернется?

— Это вас тоже не касается. А теперь давайте поедим!

Все ринулись к своим местам. Я тоже поспешил к тому, что посчитал свободным местом. Попытавшись сесть на стул, я почувствовал, что меня ткнули вилкой в бедро.

— Прошу прощения! — воскликнул голос Милларда.

Но мисс Сапсан все равно заставила его освободить стул, отправив одеваться.

— Сколько вам можно объяснять, — крикнула она ему вдогонку, — что воспитанные люди не садятся за стол голышом!

Появились дежурные с подносами в руках. На подносах стояли блюда с едой, накрытые серебряными крышками, скрывающими от наших взглядов их содержимое, относительно которого дети принялись высказывать самые дикие предположения.

— Выдра Веллингтон! — выкрикнул какой-то мальчик.

— Соленые котята и печень землеройки, — предложил еще кто-то, и ребяташки помладше схватились за горло, имитируя рвоту.

Но когда крышки были сняты, под ними обнаружили яства,

достойные королевского стола: покрытый золотистой корочкой жареный гусь; запеченные целиком лосось и треска в окружении тающих комочков масла и веточек свежего укропа; миска с дымящимися мидиями; тарелки с тушеными овощами; буханки свежего, только из печи, хлеба и всевозможные желе и соусы, которые я видел впервые, но которые выглядели весьма аппетитно. Все это мерцало в свете газовых светильников и ничуть не напоминало жирную массу неопределенного происхождения, которой мне приходилось давиться в «Тайнике Священников». Я не ел с самого утра и теперь принялся за обе щеки уплетать все, что передо мной поставили.

Меня не должно было удивлять то, что у странных детей застольные манеры тоже странные, но, наслаждаясь вкусным ужином, я все же беспрестанно косился по сторонам. Левитирующую девочку, Оливию, ремнем пристегнули к стулу, прикрученному к полу, чтобы она не взлетела к потолку. Хью, мальчик, в животе которого жили пчелы, ел под большой москитной сеткой за маленьким столиком в углу комнаты, чтобы насекомые не донимали всех остальных. Клэр, похожая на куклу девочка с тугими золотистыми локонами, сидела рядом с мисс Сапсан, но даже не прикасалась к еде.

— Разве ты не голодна? — спросил я.

— Клэр не ест в нашем присутствии, — подал голос Хью, при этом из его рта вылетела пчела. — Она стесняется.

— И ничего я не стесняюсь! — возмущенно глядя на Хью, заявила та.

— Да ну? Тогда съешь что-нибудь!

— Никто из здесь присутствующих людей *не стесняется* своего дара, — вмешалась мисс Сапсан. — Просто мисс Денсмор предпочитает принимать пищу в одиночестве. Я правильно говорю, мисс Денсмор?

Девочка молча смотрела на свою пустую тарелку, явно желая, чтобы мы переключили внимание на что-нибудь другое.

— У Клэр есть еще один рот на затылке, — пояснил Миллард, тем временем успевший надеть пиджак (и больше ничего) и расположившийся на стуле рядом со мной.

— Что у нее на затылке?

— Покажи ему! — попросил кто-то из детей.

Вскоре уже все без исключения умоляли Клэр съесть хоть что-нибудь. Наконец она исполнила их просьбу, лишь бы от них отделаться.

Перед ней положили ножку гуся. Она повернулась спиной к столу и, ухватившись за подлокотники стула, откинулась назад. Таким образом ее затылок оказался над тарелкой. Я услышал отчетливый треск и, когда она

подняла голову, увидел, что от ножки гуся оторван огромный кусок. Под золотыми девичьими локонами скрывались челюсти, оснащенные чрезвычайно острыми зубами. Внезапно я понял странную фотографию Клэр, которую видел в альбоме мисс Сапсан. Фотограф снял ее дважды. С одного снимка смотрело ее кукольно-хорошенькое личико, а на втором были ее локоны, тщательно маскирующие затылок.

Клэр снова развернулась к столу и скрестила руки на груди, явно недовольная этой унижительной демонстрацией и тем, что пришлось на нее согласиться. Она хранила молчание до конца ужина, в то время как остальные не переставая допрашивали меня. После того как мисс Сапсан отклонила еще несколько вопросов о моем дедушке, дети переключились на другие темы. Особенно их интересовало, как живут люди в двадцать первом веке.

— Какие у вас летающие автомобили? — спросил подросток по имени Гораций, одетый в темный костюм, что делало его похожим на ученика владельца похоронного бюро.

— У нас таких нет, — ответил я. — Во всяком случае пока.

— А города на Луне уже построили? — с надеждой в голосе поинтересовался другой мальчик.

— Мы еще в шестидесятые годы оставили там флаг и немного мусора,

но больше там ничего нет.

— Британия до сих пор правит миром?

— Э-э... не совсем.

Мне показалось, такой ответ их разочаровал. Мисс Сапсан вмешалась в разговор, воспользовавшись их замешательством.

— Вот видите, дети? В будущем нет ничего особенного. В нашем старом добром прошлом ничуть не хуже!

Я почувствовал, что речь идет о чем-то таком, что она часто и безуспешно пыталась им внушить. И это породило у меня новые вопросы. Как давно они находятся в своем «старом добром прошлом»?

— Можно мне узнать, сколько всем вам лет? — спросил я.

— Мне восемьдесят три, — ответил Гораций.

Оливия взволнованно подняла руку.

— На следующей неделе мне исполнится семьдесят пять с половиной лет!

Мне было непонятно, как они ведут счет месяцам и годам, если календарь здесь никогда не переворачивается.

— Мне или сто семнадцать, или сто восемнадцать лет, — сообщил мальчик с тяжелыми веками по имени Енох. На вид ему было не больше тринадцати. — Перед тем как попасть в эту петлю, я жил в другой, — пояснил он.

— Мне почти восемьдесят семь, — пробубнил Миллард, жуя гусятину.

Полупрожеванная масса задрожала в его невидимых челюстях. Раздались стоны. Некоторые прикрыли глаза рукой и отвернулись.

Настала моя очередь. Я сказал им, что мне шестнадцать. Глаза многих ребятишек расширились. Оливия изумленно засмеялась. Им было трудно представить себе, что я настолько юн. Что касается меня, то меня удивляло то, какими юными выглядят *они*. Во Флориде я видел многих людей за восемьдесят, и эти дети ничуть на них не походили. Казалось, что неизменность их жизни здесь, это постоянное лето, в котором не было места смерти, остановило не только старение их тел, но и их эмоциональное развитие, навеки запечатав их в юности, как Питера Пэна и пропавших мальчиков из сказки.

Внезапно снаружи донесся грохот, уже во второй раз за сегодняшний вечер. Этот взрыв был ближе и громче. Посуда на столе задребезжала.

— Скорее, заканчиваем ужин, — пропела мисс Сапсан.

Не успела она произнести это, как дом в очередной раз встряхнуло, да так сильно, что со стены на пол упала большая картина в раме.

— Что это такое? — спросил я.

— Снова эти чертовы фрицы, — пробормотала Оливия, стукнув своим маленьким кулачком по столу, явно имитируя манеры какого-то раздражительного взрослого.

Издалека донесся вой, и внезапно мне стало ясно, что тут происходит. Это наступил вечер третьего сентября тысяча девятьсот сорокового года. Вскоре с неба предстояло свалиться бомбе, которая пробьет огромную дыру в крыше этого загадочного дома. Вой доносился со стороны кряжа. Это включилась сирена, предупреждающая о воздушном налете.

— Надо спасаться. — Я вскочил со стула. Ужас, как клещами, стиснул мне горло. — Надо покинуть дом, пока в него не попала бомба!

— Он не знает, — хихикнула Оливия. — Он думает, что мы все умрем!

— Это всего лишь переход, — пожимая плечами пиджака, произнес Миллард. — Незачем мочиться в штаны.

— И это происходит каждый вечер?

Мисс Сапсан кивнула.

— Каждый вечер, — подтвердила она.

Меня это почему-то нисколько не обнадежило.

— Можно мы выйдем в сад и все покажем Джейкобу? — спросил Хью.

— Можно, можно? — заерзала на стуле Клэр, оживившись после двадцати минут угрюмого молчания. — Переход — это всегда так красиво.

Мисс Сапсан покачала головой, напомнив детям, что они еще не покончили с ужином. Но дети умоляли ее до тех пор, пока она не сдалась.

— Ну хорошо, только не забудьте надеть маски, — кивнула она.

Дети повскакивали со своих мест и бросились к двери, забыв о бедной Оливии. Но кто-то из них, сжавившись, задержался и отстегнул удерживающий ее на стуле ремень. Вслед за ними я пробежал через обшитое деревянными панелями фойе, где каждый что-то схватил из шкафа, прежде чем выскочить наружу. Мисс Сапсан протянула и мне какой-то странный предмет. Я стоял, недоумевающе вертя в руках обвисшее лицо из черной резины с большими круглыми стеклами, похожими на застывшие в ужасе глаза, и свисающим рылом с дырявым контейнером на конце.

— Чего ты ждешь? Надевай! — скомандовала мисс Сапсан.

И тут я понял, что это такое. Я держал в руках противогаз.

Натянув его на лицо, я вслед за ней вышел на лужайку, где, подобно шахматным фигурам на доске без квадратов, застыли дети. Они запрокинули к небу скрытые противогазами лица, наблюдая за черными клубами дыма в небе. Вдалеке горели верхушки деревьев. Гул невидимых самолетов, казалось, доносился отовсюду.

Время от времени где-то раздавался глухой стук, отдававшийся у меня в груди, словно удары второго сердца. Вслед за ударами накатывали волны жара, как будто кто-то открывал и закрывал дверцу гигантской духовки. Каждый удар заставлял меня в ужасе пригибать голову, но дети даже не морщились. Вместо этого они пели, и слова их песни звучали в такт падающим бомбам.

Беги, кролик, беги, кролик, беги, беги, БЕГИ!
Бум, бум, БУМ, стреляют по тебе враги.
Пусть они обойдутся без кроличьей ноги,
Так что беги, кролик, беги, кролик, БЕГИ!

Как только закончилась песня, небо расчертили трассирующие пули. Мощные вспышки света отражались в стеклах противогазов. Дети принялись аплодировать подобно зрителям на фейерверке. Они свыклись с ежевечерними налетами, как с неизбежной частью жизни, и уже не воспринимали их как что-то страшное. Более того, в альбоме мисс Сапсан я видел фотографию с подписью: «Наш изумительно красивый фейерверк». И был вынужден согласиться с тем, что этому зрелищу действительно не чужда своеобразная зловещая красота.

Начал накрапывать дождик, как будто все эти осколки металла продырявили тучи. Взрывы доносились все реже. Налет, похоже, подходил к концу.

Дети начали расходиться. Я думал, что мы возвращаемся в дом, но они проходили мимо крыльца, направляясь в другой конец двора.

— Куда мы идем? — остановил я двух ребятшек в противогазах.

Они ничего мне не ответили, но, ощутив мою тревогу, ласково взяли за руки и повели вслед за остальными. Мы обогнули дом и подошли к огромному подстриженному кусту, возле которого уже собралась толпа. Куст на этот раз представлял собой не мифическое существо, а мужчину, который сидел на траве, опершись на одну руку и указывая в небо второй. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что передо мной Адам с фрески Микеланджело из Сикстинской капеллы. Учитывая, что эта копия была изготовлена из веток и листьев, она производила неизгладимое впечатление. На лице Адама с глазами из двух гардений застыло безмятежное выражение.

И тут я увидел рядом с собой девушку со спутанными волосами. На

ней было ситцевое платье с таким количеством заплат, что, казалось, его сшили из лоскутного одеяла. Я обернулся к ней и, указывая на Адама, спросил:

— Это твоя работа?

Девушка кивнула.

— Как ты это сделала?

Она наклонилась и, опустив руку, задержала ладонь над травой. Спустя несколько секунд трава под ее ладонью начала извиваться и тянуться вверх. Вскоре маленькая лужайка в форме ладони коснулась ее кожи.

— Это какое-то безумие, — пробормотал я, отдавая себе отчет в том, что не вполне ясно выражаю свои мысли.

На меня зашикали. Дети стояли молча, запрокинув головы и указывая на определенный участок ночного неба. Я тоже посмотрел вверх, но не увидел ничего, кроме клубов дыма, сквозь которые просвечивало зарево далеких пожаров.

И тут общий гул разрезал рев одного-единственного самолета. Он был уже близко и продолжал приближаться. Меня охватила паника. *Это ночь, когда все они погибли. И не просто ночь, это момент их гибели.* Я спрашивал себя, а что, если эти дети умирают каждый вечер только для того, чтобы возродиться при помощи петли времени, подобно членам какой-то секты, практикующим ежевечернее самоубийство. Мне вспомнился Сизиф и его камень. Возможно, они тоже обречены вечно разлетаться на куски и снова срастаться?

Вдруг клубы дыма пронзило и начало стремительно приближаться к нам что-то маленькое и серое. *Камень,* — подумал я. Но камни не свистят во время падения.

Беги, кролик, беги, кролик, беги. Я бы побежал, но времени на бегство уже не оставалось. Все, что я мог сделать, это с пронзительным криком пригнуться к земле в поисках укрытия. Но его не было, и я упал на траву, закрывая голову руками, как будто это могло ее спасти.

Стиснув зубы и зажмурившись, я затаил дыхание. Но вместо оглушительного взрыва, который я ожидал услышать, внезапно воцарилась полная тишина. Не было ни рева двигателей, ни свиста бомб, ни отдаленных хлопков зенитных орудий. Мне показалось, что кто-то выключил у мира звук.

Я умер?

Приподняв голову, я медленно огляделся. Склонившиеся от ветра деревья замерли в пространстве. Небо являло собой огромное фото языков

пламени, лижущих клочья дыма. Капли дождя висели в воздухе прямо перед моими глазами. А в кругу детей, подобно объекту какого-то тайного ритуала, зависла бомба, одним концом будто балансируя на вытянутом вверх пальце Адама.

Затем все пространство вокруг залило ослепительное горячее сияние, поглотив и кусты, и дом, и детей, и бомбу.

* * *

Первым, что я услышал, когда ко мне вернулся слух, был смех. Сияние рассеялось, и я увидел, что мы, как и прежде, располагаемся вокруг Адама, вот только бомба исчезла. Ночь была на удивление тихой, а единственным источником света в безоблачном небе была полная луна. Надо мной склонилось лицо мисс Сапсан. Она протягивала мне руку. Сжав ее пальцы, я с трудом встал, преодолевая головокружение.

— Примите мои извинения, — произнесла она. — Мне следовало вас подготовить.

Тем не менее она не смогла удержаться от улыбки, как и дети, уже успевшие сдернуть с себя противогазы.

Меня пошатывало, и вообще, мое состояние оставляло желать лучшего.

— Я, наверное, вернусь на ночь домой, — пробормотал я, обращаясь к мисс Сапсан. — Папа будет волноваться. Я ведь могу вернуться домой? — поспешно добавил я.

— Конечно, можешь, — кивнула она и громко поинтересовалась, кто проводит меня до кургана. К моему удивлению, вперед шагнула Эмма. Похоже, мисс Сапсан осталась этим довольна.

— Вы в ней уверены? — прошептал я на ухо директрисе. — Несколько часов назад она была готова перерезать мне горло.

— Мисс Блум — довольно темпераментная особа, но из всех моих воспитанников ей я доверяю больше всего, — прозвучало в ответ. — Кроме того, я считаю, что вам есть о чем поговорить вдали от любопытных ушей.

Пять минут спустя мы снова шагали через двор, только на этот раз мои руки не были связаны, а мне в спину не упиралось острие ножа. Несколько детишек помладше проводили нас до опушки леса. Они хотели знать, приду ли я завтра. Я что-то весьма туманно им пообещал, хотя на самом деле с трудом осознавал, что происходит сейчас, не говоря уже о планах на будущее.

Мы вошли в темный лес. Когда огни дома окончательно исчезли из виду, Эмма протянула вперед руку ладонью вверх, дернула кистью, и над ее пальцами ожил и заплясал маленький шарик огня. Как официанты носят на подносе еду, она несла этот шарик перед собой, освещая тропинку и порождая танец наших теней на темных стволах деревьев.

— Я тебе уже говорил, что это жестко? — спросил я, пытаясь нарушить молчание, которое с каждой секундой становилось все более неловким.

— Он совсем не жесткий, он мягкий, — ответила она, поднося пламя так близко ко мне, что я ощутил исходящий от него жар.

Я вздрогнул и даже попятился назад.

— Я не это хотел сказать... Я имел в виду, как это жестко, что ты умеешь это делать.

— Если бы ты разговаривал нормально, я бы понимала тебя с первого раза, — отрезала она и внезапно остановилась.

Мы стояли, настороженно глядя друг на друга.

— Не надо меня бояться, — прошептала она.

— Да ну? Откуда мне знать, что ты по-прежнему не считаешь меня каким-то злобным существом и не использовала эту ситуацию, чтобы заманить меня в лес и наконец-то прикончить.

— Не придуривайся, — отозвалась она. — Ты сам явился без приглашения и погнался за мной, как сумасшедший. Я тебя не знала. Что я должна была подумать?

— Ладно, я понял, — кивнул я, хотя на самом деле ничего не понял.

Она опустила глаза и начала носком ботинка ковырять землю. Оранжевое пламя на ее ладони изменило цвет и приобрело прохладный синеватый оттенок.

— Это неправда, — призналась она. — На самом деле я тебя узнала. — Эмма подняла на меня глаза. — Ты очень на него похож.

— Мне это часто говорят.

— Прости, что наговорила тебе столько гадостей. Я не хотела тебе верить... верить в то, что ты тот, за кого себя выдаешь. Я понимала, что это означает.

— Да ладно, — отмахнулся я. — Когда я был маленьким, мне так хотелось со всеми вами познакомиться. А теперь, когда это на самом деле произошло... — Я покачал головой. — Мне очень жаль, что это произошло только потому, что дедушка... — я осекся.

И тут она бросилась ко мне и обеими руками обхватила меня за шею. Пламя в ее руке погасло за мгновение до того, как она меня коснулась. Мы

долго стояли в темноте — я и эта старая девочка-подросток... эта очень красивая девушка, любившая моего деда, когда ему было столько же лет, сколько мне. Мне ничего не оставалось, кроме как обнять ее в ответ, что я и сделал, а потом мы оба расплакались.

Через время я услышал, как она глубоко вздохнула и отстранилась. На ее ладони снова ожил огненный шар.

— Прости, — прошептала она. — Обычно я не такая...

— Ладно, не переживай, все нормально.

— Нам надо спешить.

— Веди, — кивнул я.

Мы прошли через лес, храня молчание, которое теперь ничуть не смущало ни ее, ни меня. Когда мы подошли к болоту, Эмма обернулась ко мне.

— Становись только туда, куда становлюсь я.

Я последовал ее совету, тщательно опуская ноги на ее следы. Вокруг то и дело вспыхивали и гасли зеленоватые болотные огни, как будто приветствуя огонек в руках Эммы.

Мы подошли к кургану и нырнули в туннель. Дойдя до просторного зала, мы повернули и опять вышли в мир, окутанный туманом. Эмма довела меня до тропинки и, продев свои пальцы сквозь мои, сжала мою руку. Мы молча смотрели друг на друга. Затем она развернулась и так быстро исчезла в тумане, что я снова усомнился в том, что она реально существует.

* * *

Вернувшись в город, я подсознательно готовился увидеть на его улицах фургоны, запряженные лошадьми. Но меня встретили гул генераторов и мерцание телеэкранов за окнами чьих-то жилищ. Я был дома, что бы ни означало теперь это слово.

В баре снова царил Кев, при моем появлении поднявший бокал. Никто из завсегдатаев заведения не испытывал ни малейшего желания меня линчевать. В мире опять был полный порядок.

Поднявшись наверх, я увидел дремлющего перед открытым ноутбуком отца. От звука затворившейся за мной двери он вздрогнул и проснулся.

— Привет! Эй! Что-то ты слишком поздно. Или нет? Который час?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Но десяти еще нет. Генераторы еще работают.

Он потянулся и потер глаза.

— Чем ты сегодня занимался? Я рассчитывал увидеть тебя за обедом.

— Продолжал осматривать старый дом.

— Нашел что-нибудь интересное?

— Э-э... да нет, ничего особенного, — пробормотал я, упрекая себя за то, что не удосужился придумать что-то убедительное.

Он как-то странно на меня посмотрел.

— А где ты это взял?

— Где я взял что?

— Эту одежду, — ответил он.

Я осмотрел себя и понял, что напрочь позабыл о твидовых штанах и коротких подтяжках.

— Я нашел ее в доме, — брякнул я, не успев придумать менее бредовый ответ. — Правда, жесткая?

Он поморщился.

— Ты надел одежду, которую где-то *нашел*? Джейк, это негигиенично. А что случилось с твоими джинсами и курткой?

Необходимо было срочно менять тему.

— Я их сильно испачкал, так что... — Я замолк, сделав вид, что заинтересовался документом на мониторе компьютера. — Ух ты! Это твоя книга? Как она продвигается?

Он захлопнул ноутбук.

— Мы сейчас говорим не о моей книге. Самое важное — это то, что проведенное здесь время должно оказывать на тебя целительное воздействие. Я не уверен, что доктору Голану понравилось бы то, что ты каждый день в полном одиночестве рыскаешь по каким-то развалинам. Если бы он мог это предвидеть, то ни за что не одобрил бы эту поездку.

— Вот это да! — воскликнул я. — Это был рекорд.

— Ты о чем?

— О том, как долго никто не произносил имени моего психиатра. — Я поднял руку, сделав вид, что смотрю на несуществующие часы. — Четыре дня, пять часов и двадцать шесть минут. — Я вздохнул. — Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

— Этот человек оказал тебе неоценимую помощь, — напомнил мне отец. — Одному Богу известно, в каком состоянии ты бы сейчас находился, если бы мы его не нашли.

— Ты прав, папа. Доктор Голан действительно мне помог. Но это не означает, что он должен контролировать все стороны моей жизни. Господи ты Боже мой! Вы с мамой с таким же успехом могли бы купить мне браслет

с гравировкой: *А что сказал бы доктор Голан?* Это напоминало бы мне о необходимости задаваться этим вопросом, прежде чем что-либо предпринять. Например, прежде чем опорожниться, я должен подумать, чего ожидал бы от меня доктор Голан. Сделать это, сидя на краешке, или прицелиться в самую серединку унитаза? И вообще, как я должен это делать, чтобы извлечь для себя максимальную пользу с точки зрения психоанализа?

Несколько секунд папа молча смотрел на меня. А когда заговорил, то каким-то глухим и замогильным голосом сообщил мне, что на следующий день я отправляюсь с ним наблюдать за птицами, независимо от того, хочется мне этого или нет. Когда я ответил ему, что он глубоко ошибается, отец встал и спустился в паб. Я думал, он отправился пить пиво или что-то в этом роде, и воспользовался его отсутствием, чтобы сменить свой клоунский наряд. Но несколько минут спустя раздался стук в мою дверь и отец сообщил, что кто-то хочет поговорить со мной по телефону.

Решив, что он позвонил маме, я заскрежетал зубами, но все же спустился вслед за ним в расположенную в дальнем углу паба телефонную будку. Он подал мне трубку, а сам сел за ближайший столик. Я захлопнул дверцу.

— Алло?

— Я только что беседовал с твоим отцом, — раздался в трубке мужской голос. — Мне показалось, он чем-то огорчен.

Это был доктор Голан.

Мне хотелось ответить ему, что и он, и мой отец могут отправляться в жопу, но я понимал щекотливость своего положения. Если доктору Голану что-то не понравится, это будет означать конец нашей поездки. А я не мог уехать. Мне предстояло еще много чего узнать о странных детях и их жизни. Поэтому я решил подыграть и объяснил своему собеседнику, чем занимался. То есть я, конечно, опустил в рассказе ту часть своих походов, которая была связана со странными детьми и петлей времени. Вместо этого я представил все таким образом, будто начал приходить к выводу, что ни в самом острове, ни в прошлом моего дедушки на самом деле нет ничего особенного. Я говорил и говорил. Это был своего рода сеанс психотерапии по телефону.

— Я надеюсь, ты не говоришь мне то, что я хочу услышать, — произнес психиатр. Это было одним из его любимых клише. — Может, мне стоит приехать и убедиться, что ты в порядке? Мне не мешает небольшой отпуск. Как ты на это смотришь?

Надеюсь, что вы шутите, — взмолился про себя я.

— Я в порядке, — вслух произнес я. — Честно.

— Расслабься, Джейкоб. Я шучу. Хотя мне не повредило бы немного развеяться. Но вообще-то я тебе верю. Я не слышу в твоём голосе поводов для беспокойства. Более того, я только что сказал твоему отцу, что лучшее, что он мог бы для тебя сделать, это предоставить тебе некоторую свободу и позволить самостоятельно решать свои проблемы.

— Правда?

— Я и твои родители опекали тебя слишком долго. В какой-то момент гиперопека начинает приносить прямо противоположные результаты.

— Что ж, я вам очень признателен.

Он сказал еще что-то, чего я не расслышал. В трубке раздавался сильный шум.

— Я вас плохо слышу, — ответил я. — Вы в торговом центре или супермаркете, что ли?

— В аэропорту, — ответил он. — Встречаю сестру. Я пожелал тебе приятно провести время. Исследуй свой остров и не волнуйся понапрасну. Скоро увидимся, договорились?

— Еще раз большое спасибо, доктор Голан.

Я повесил трубку. Мне было стыдно, что я понапрасну на него злился. Он уже дважды поддержал меня тогда, когда я не встретил понимания со стороны родителей.

Отец сидел за бокалом пива в противоположном конце паба. Прежде чем подняться наверх, я подошел к нему.

— Насчет завтра... — начал я.

— Насколько я понял, тебе рекомендуется делать все, что ты захочешь.

— Ты уверен?

Он угрюмо пожал плечами.

— Врачебное предписание.

— Я вернусь к обеду. Обещаю.

Он только кивнул. Я оставил его в баре и пошел спать.

Засыпая, я думал о странных детях. И еще о вопросе, который они первым делом задали мисс Сапсан, когда она представила им меня. *Джейкоб останется с нами?* Тогда я подумал: *Конечно, нет!* Но, в самом деле, почему бы и нет? Если я никогда не вернусь домой, что я потеряю? Я вспомнил свой огромный холодный дом, свой город, где не было друзей, зато было много тяжелых воспоминаний, свою совершенно непримечательную жизнь, в которой все уже решили за меня. И вдруг понял, что прежде мне никогда даже в голову не приходило, что я могу от нее отказаться.

Глава седьмая

Утро принесло с собой ветер, дождь и туман. В такую мрачную погоду легко было поверить в то, что события вчерашнего дня были всего лишь причудливым сном. Я наскоро проглотил завтрак и сказал отцу, что уйду. Он посмотрел на меня так, как если бы я тронулся умом.

— В такую погоду? Чем ты собираешься заниматься?

— Общаться с... — не подумав, начал я и тут же осекся.

Чтобы замять эту тему, я закашлялся, сделав вид, что подавился. Но было уже поздно: он меня услышал.

— С кем общаться? Надеюсь, не с этими рэпперами?

Чтобы выбраться из этого дерьма, мне пришлось нырнуть еще глубже.

— Нет. Ты их, наверное, ни разу не видел, потому что они живут на другой стороне острова и...

— В самом деле? Я не знал, что там кто-то живет.

— Ну да, на самом деле там живет всего несколько человек. Пастухи и всякое такое... Но они классные... Присматривают за мной, пока я брожу по дому.

Друзья и безопасность. Против этого отцу нечего было возразить.

— Я хочу с ними познакомиться, — заявил он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно строже.

Он часто напускал на себя вид здравомыслящего строгого отца, которым, видимо, всегда стремился быть.

— Нет проблем. Но сегодня мы встречаемся за кряжем, так что в другой раз.

Он кивнул и сунул в рот очередную ложку каши.

— К обеду чтобы был дома, — буркнул он.

— Само собой, папа.

Я буквально домчался до болота. Пробираясь по зыбкой трясине и пытаясь разглядеть едва различимые в тумане островки травы, на которые становилась Эмма, я беспокоился о том, что, миновав курган, увижу только дождь и разрушенный дом. И испытал огромное облегчение, шагнув на свет в третье сентября тысяча девятьсот сорокового года и обнаружив его точно таким же, как и накануне, — солнечным и теплым. В синем небе клубились уже знакомые облака, а от холодного тумана не осталось и следа. Более того, Эмма ждала меня, сидя на краю холма и бросая камешки в болото.

— Наконец-то! — воскликнула она, вскакивая на ноги. — Пошли скорее, все ждут только тебя.

— Меня?

— Ну да-а, — протянула она, нетерпеливо закатывая глаза.

Схватив за руку, Эмма потащила меня за собой. Я чуть не подпрыгивал от волнения, вызванного не только ее прикосновением, но и мыслями об ожидающем меня дне, полном неизведанных возможностей. Хотя во многом этот день будет в точности повторять предыдущий (к примеру, будет дуть тот же ветер, и с деревьев будут падать те же ветки и листья), мое восприятие событий, как и сами события, будет совершенно новым. Впрочем, это касалось не только меня, но и странных детей. Они были богами в этом своеобразном маленьком раю, а я был их гостем.

Мы мчались через болото, а потом через лес, как будто опаздывали на важную встречу. Когда мы подбежали к дому, Эмма повела меня в сад, где уже возвели небольшую деревянную сцену. Повсюду суетились ребяташки, перетаскивая декорации и реквизит, застегивая пиджаки вечерних костюмов и поправляя усыпанные блестками платья. Маленький оркестр, состоящий из аккордеона, помятого тромбона и музыкальной пилы, с которой мастерски управлялся Гораций, наигрывал обрывки разных мелодий.

— Что это значит? — спросил я у Эммы. — Вы что, решили устроить спектакль?

— Сам увидишь, — ответила она.

— Кто в нем участвует?

— Сам увидишь.

— О чем он?

Она меня ущипнула.

Раздался свисток, и все бросились занимать места на расставленных перед сценой складных стульях. Мы с Эммой тоже сели, и в этот момент открылся занавес. Перед нашими взорами предстала соломенная шляпа, парящая над броским костюмом в красно-белую полоску. И только услышав голос, я понял, что это означает. Разумеется, это был Миллард.

— Леди-и-и и джентльмены! — пропел он. — Я с огромным удовольствием представляю вашему вниманию шоу, равных которому еще не было в мире! Вам откроются настолько удивительные явления, что вы просто не поверите своим глазам! Уважаемые граждане, перед вами выступят мисс Сапсан и ее Странные Дети!

Зрители разразились аплодисментами, а Миллард поклонился, приподняв шляпу.

— В первом неповторимом номере вы увидите самую мисс Сапсан!

Он нырнул за занавес и мгновение спустя появился снова. Через одну руку у него была переброшена свернутая простыня, а на другой сидел сокол. Миллард кивнул оркестру, который заиграл бравурный марш.

Эмма ткнула меня локтем.

— Смотри, — шепнула она.

Миллард опустил сокола на пол, развернул простыню, закрыв птицу от зрителей, и начал обратный отсчет:

— Три, два, один!

На счет «один» раздалось хлопанье крыльев, а затем над краем простыни показалась голова мисс Сапсан — ее *человеческая* голова! — вызвав еще более неистовые аплодисменты. Ее волосы были взлохмачены, и зрителям были видны только ее плечи, шея и голова. Одежда на ней явно отсутствовала. Насколько я понимаю, превращаясь в птицу, одежду с собой прихватить невозможно. Взяв простыню за края, мисс Сапсан целомудренно в нее завернулась.

— Мистер Портман! — произнесла она, глядя на меня со сцены. — Я счастлива, что вы вернулись. С этим маленьким шоу мы странствовали по Европе в старые добрые времена. Я надеюсь, что вы найдете его поучительным.

С этими словами она стремительно покинула сцену, спеша вернуться в дом и облачиться в привычную одежду. Один за другим странные дети прямо из «зрительного зала» выходили на сцену со своими номерами. Миллард сбросил костюм и, став совершенно невидимым, жонглировал пустыми бутылками. Оливия сняла утяжеленные туфли и продемонстрировала на брусках гимнастический номер, отрицающий все законы гравитации. Эмма создала огненный шар, проглотила его и выдохнула обратно без малейшего вреда для себя. Я хлопал так сильно, что казалось, у меня с ладоней слезет кожа.

Когда Эмма вернулась на свое место, я обернулся к ней с вопросом:

— Я не понимаю, вы показывали это публике?!

— Конечно, — пожала плечами она.

— Обычным людям?

— Ну конечно, обычным людям. Зачем странным людям платить за право увидеть то, на что они и сами способны?

— Разве это не нарушало вашей тайны?

Она усмехнулась.

— Никто ни о чем не догадывался. Народ приходит на всевозможные представления, чтобы полюбоваться на трюки и фокусы. Они были

уверены, что именно этим мы и занимаемся.

— Значит, вы прятались у всех на виду?

— Именно так в своем большинстве странные люди зарабатывали себе на жизнь.

— И никто ничего не понял?

— Иногда за кулисами появлялись назойливые типы, которые задавали слишком много вопросов. На этот случай у нас всегда имелись вышибалы, которые брали их за шиворот и вышвыривали на улицу. Кстати, о вышибалах — вот и одна из них!

На сцену вышла мужеподобная девушка, неся в руках валун размером с небольшой холодильник.

— Может, она и не самая умная среди нас, — прошептала Эмма, — но у нее огромное сердце, и за своих друзей она жизнь отдаст. Нас с Бронвин водой не разольешь. Она моя самая близкая подруга.

Кто-то передал по рядам пачку открыток, с помощью которых мисс Сапсан рекламировала свое шоу. Когда открытки попали в руки ко мне, фотография Бронвин лежала наверху. Она была снята босиком и смотрела в камеру ледяным взглядом. На обороте открытки красовалась надпись: *ПОРАЗИТЕЛЬНО СИЛЬНАЯ ДЕВУШКА ИЗ СУОНСИ!*

— А где же валун, ведь именно с ним она работала на сцене? — спросил я у Эммы.

— У нее тогда испортилось настроение, потому что перед съемкой Птица заставила ее «одеться, как леди». В итоге она отказалась поднимать даже шляпную картонку.

— Похоже, она сочла, что туфли — это уже чересчур.

— Да, она их никогда не носит.

Тем временем Бронвин вынесла валун на середину сцены и на мгновение замерла, глядя на публику, как будто кто-то велел ей постоять так для достижения лучшего эффекта. Потом она наклонилась, обхватила валун своими большими руками и медленно подняла его над головой. Все захлопали и закричали «Браво!». Оттого что они видели все это уже не меньше тысячи раз, энтузиазма у детей несколько не убавилось. У меня было ощущение, что я нахожусь на каком-то диковинном школьном концерте.

Бронвин зевнула и покинула сцену, небрежно унося валун под мышкой. Ее место заняла девушка с всклокоченными волосами. Эмма сообщила мне, что ее зовут Фиона. Та стояла перед ящиком, наполненным землей, вытянув над ним руки, подобно дирижеру. Оркестр заиграл «Полет шмеля» (во всяком случае они попытались его сыграть), и Фиона с

искаженным от напряжения лицом начала месить пальцами воздух над ящиком. Музыканты играли все быстрее, а из земли проклюнулись ряды маргариток. Они тянулись к ладоням Фионы и росли на глазах. Мне казалось, ее руки соединены с растениями какими-то невидимыми нитями, за которые она и вытягивала их из клумбы. Дети пришли в полный восторг и повскакивали со своих мест, аплодируя девушке.

Эмма пролистала пачку открыток и нашла фото Фионы.

— Ее фотография нравится мне больше всех, — сообщила она. — Мы очень долго придумывали ей костюм.

Я посмотрел на снимок. На нем Фиона держала в руках курицу и походила на нищенку.

— Кого она изображает? — удивленно спросил я. — Бездомную крестьянку?

Эмма снова меня ущипнула.

— Она выглядит *естественно*, как дикарка, близкая к природе. Мы называли ее Джилл из Джунглей.

— Она действительно из джунглей?

— Она из Ирландии.

— В джунглях много кур?

Она ущипнула меня в третий раз. Пока мы шептались, рядом с Фионой на сцене появился Хью. Он открыл рот, выпустив рой пчел, которые тут же принялись опылять выращенные Фионой цветы.

— А что еще, кроме кустов и цветов, выращивает Фиона?

— Все эти овощи, — Эмма махнула рукой в сторону грядок. — А иногда и деревья.

— Правда? Целые деревья?

Эмма снова принялась перебирать открытки.

— Иногда мы играем в Джилл и бобовый стебель. Кто-нибудь хватается за верхушку молодого деревца на опушке леса, и Фиона начинает его растить, а тот, кто держится за дерево, поднимается все выше. — Эмма отыскала нужную фотографию и постучала по ней пальцем. — Это был рекорд, — гордо заявила она. — Двадцать метров.

— Я вижу, вам тут скучновато и вы развлекаетесь, как можете.

Она снова попыталась меня ущипнуть, но я перехватил ее руку. Я не специалист по части девушек, но, когда одна из них пытается ущипнуть парня четыре раза подряд, даже у меня не возникает сомнений в том, что она с ним заигрывает.

После того как Фиона и Хью покинули сцену, нам продемонстрировали еще несколько номеров, но к этому времени дети заскучали и начали ерзать на стульях. Вскоре мы разбрелись кто куда, чтобы провести день, наслаждаясь солнечной погодой, играя в крокет, потягивая лимонад, ухаживая за грядками, которые благодаря Фионе почти не нуждались в уходе, обсуждая варианты меню ланча... Мне хотелось подробнее расспросить мисс Сапсан о дедушке. В присутствии Эммы, мрачневшей при любом упоминании его имени, я подобных разговоров избегал. Что касается директрисы, то сейчас она проводила уроки для младших ребятишек, и встретиться с ней мне не удалось. Впрочем, от полуденной жары и царящей вокруг безмятежности меня совсем разморило. Под властью какого-то мечтательного состояния я лишь изумленно разглядывал окружающие меня чудеса.

После восхитительно вкусного ланча — бутербродов с гусятиной и шоколадного пудинга — Эмма начала подбивать друзей пойти поплавать.

— Исключено, — простонал Миллард, расстегивая верхнюю пуговицу брюк. — У меня брюхо набито, как у рождественской индейки.

Мы все полулежали в обитых бархатом креслах в гостиной. Мне тоже казалось, что я вот-вот лопну. Бронвин валялась на диване, сунув голову под подушку, из-под которой донесся ее приглушенный ответ:

— Я пойду напрямиком на дно.

Но Эмма не унималась. Через десять минут уговоров ей удалось растормошить Хью, Фиону и Горация, уговорив их устроить заплыв на скорость. К ним тут же присоединилась и Бронвин, которая, видимо, не могла устоять перед соблазном посоревноваться в чем бы то ни было. Увидев, как мы гурьбой выбежали из дома, Миллард тут же обвинил нас в попытке от него отделаться.

Лучшим местом для заплыва был пляж неподалеку от бухты, но чтобы попасть туда, необходимо было пересечь городок.

— А как же эти чокнутые пьянчуги, которые приняли меня за немецкого шпиона? — спросил я. — Мне не хочется, чтобы за мной и сегодня гонялись, размахивая дубинами.

— Дурачок, — хмыкнула Эмма. — Это же было *вчера*. Сегодня они ничего не вспомнят.

— Просто накинь на плечи полотенце, чтобы им не бросалась в глаза твоя... одежда из будущего, — посоветовал Гораций.

Я был одет в привычные джинсы и футболку, а на Горации был его неизменный черный костюм. Похоже, в одежде он разделял вкусы мисс Сапсан и всегда одевался подчеркнуто официально, независимо от обстоятельств. Его фотография тоже была среди снимков, высыпавшихся из того сундука. В стремлении «приодеться» он явно перестарался, представ перед камерой в цилиндре, с тростью и моноклем.

— Ты прав. — Я приподнял бровь и покосился на Горация. — Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь подумал, что я одет слишком странно.

— Если ты намекаешь на мой жилет, — надменно ответил он, — то я признаю, что строго следую моде. — Раздались смешки. — Давайте, веселитесь за счет старины Горация! Можете называть меня щеголем, если вам так хочется, но то, что жители поселка все равно не запоминают, что вы носите, не дает вам права одеваться, как бродяги! — И он принялся чопорно разглаживать лацканы пиджака, окончательно развеселив всех свидетелей этой сцены. Затем Гораций раздраженно ткнул пальцем в меня, а точнее, в мою одежду. — Что касается этого юноши, то спаси нас

Господи, если наши гардеробы будут состоять из *этого*!

Когда смех стих, я оттащил Эмму в сторону и шепотом поинтересовался:

— Что именно делает Горация странным? То есть я хочу сказать, помимо его одежды.

— Он видит пророческие сны. Время от времени ему снятся кошмары, которые имеют тревожную тенденцию сбываться.

— И часто они ему снятся?

— Спроси у него сам.

Но Гораций был не настроен отвечать на мои вопросы, и мне пришлось отложить попытки что-либо узнать на неопределенное время.

Когда мы вошли в поселок, я накинул одно полотенце себе на плечи, а второе обвязал вокруг пояса. Хотя это и не было пророчеством в полном

смысле слова, кое в чем Гораций оказался прав: меня никто не узнавал. Шагая по главной улице, мы, конечно, привлекали к себе косые взгляды, но нас никто не беспокоил. В какой-то момент пришлось миновать толстяка, устроившего из-за меня такой переполох в баре. Он набивал трубку, стоя возле табачной лавки, и разглагольствовал о политике, пытаясь заигрывать с женщиной, которую его речи явно не интересовали. Проходя мимо, я невольно уставился на него. Мы встретились взглядами, но в его глазах не промелькнуло и намек на то, что он когда-то видел меня.

Было похоже, что кто-то нажал на кнопку «повтор», наблюдая за жизнью поселка. Я то и дело обращал внимание на то, что уже видел вчера. Тот же фургон бешено промчался по улице, взрывая задними колесами гравий, те же женщины собрались у колодца, тот же рыбак смолил днище лодки, ничуть не продвинувшись в своей работе по сравнению со вчерашним днем. Я не удивился бы, если бы увидел себя самого, мчащегося по улице и преследуемого пьяной толпой из паба. Но, видимо, временные петли были устроены несколько иначе.

— А вы, должно быть, знаете очень многое из того, что здесь происходит, — обратился я к своим спутникам. — Взять хотя бы вчерашний день с самолетами и той повозкой.

— Кто знает все, так это Миллард.

— Верно, — согласился тот. — Более того, я занят составлением самой исчерпывающей в мире хроники одного дня из жизни этого городка. Речь идет о поминутном описании действий всех ста пятидесяти девяти людей и трехсот тридцати двух животных, обитающих на Кэрнхолме. Я также записываю все разговоры людей и все звуки, издаваемые зверушками.

— Это невероятно! — воскликнул я.

— Вынужден согласиться, — ответил он. — Всего за двадцать семь лет я «обработал» половину животных и почти всех людей.

От удивления я даже рот открыл.

— Двадцать семь лет?

— Он потратил три года только на свиней! — вмешался Хью. — Представь себе, три года день за днем записывать, чем занимаются *свиньи*! «Вот эта свинья обронила кучу говна в виде печенюшек! А вон та сказала „хрю-хрю“ и заснула в куче навоза!»

— Подобные заметки — основа данного процесса, — терпеливо пояснил Миллард. — Но я понимаю твою зависть, Хью. Моя работа обещает стать беспрецедентным достижением в истории мировой науки.

— Только не задирай нос, — оборвала его Эмма. — Она также обещает стать беспрецедентным достижением в истории занудства. Это

самое нудное исследование в мире!

Вместо того чтобы спорить с ней, Миллард принялся оглашать события за мгновение до того, как они происходили на самом деле.

— Миссис Хиггинс сейчас закашляется, — говорил он, и тут же встречающая женщина зашла в приступе кашля, бухкая так сильно, что у нее покраснело лицо. Или: — Вон тот рыбак сейчас начнет причитать, как трудно ловить рыбу в военное время. — Секунду спустя мужчина, стоявший, опершись на повозку с сетями, обернулся к другому рыбаку и произнес: «Под водой столько лодок, что уже невозможно спокойно проверить сети!»

Это действительно произвело на меня впечатление, о чем я не преминул сообщить Милларду.

— Я рад, что хоть *кто-то* смог оценить мою работу, — отозвался он.

Мы прошли вдоль бухты, в которой кипела работа, и доков. Извивающаяся по скалистому берегу тропинка привела нас к песчаному пляжу. Мы, мальчишки, разделись до трусов (все, кроме Горация, согласившегося снять только туфли и галстук), а девушки уединились за камнями, чтобы переодеться в скромные старомодные купальные костюмы. Потом мы все забрались в воду, где Эмма и Бронвин принялись плавать наперегонки, а все остальные просто плескались и развлекались, как могли. Выбившись из сил, мы выбрались на берег и уснули. Когда солнце напекло нам спины, мы снова прыгнули в воду. Замерзнув в прохладном море, мы выползли на сушу, и так продолжалось, пока наши тени не начали удлиняться и не протянулись через полбухты.

У этих ребят было множество вопросов ко мне. Вдали от мисс Сапсан я мог отвечать на них совершенно откровенно. Каков мой мир? Что едят и пьют люди будущего? Как они одеваются? Когда наука победит болезни и смерть? Они жили в полном благоденствии, но им отчаянно не хватало новых лиц и новых историй. Я рассказал им все, что смог, выискивая в памяти интересные факты из истории двадцатого века, втиснутые туда моей учительницей миссис Джонстон. Высадка на Луну! Берлинская стена! Вьетнам! К сожалению, мои знания были далеко не исчерпывающими.

Больше всего их воображение поразили технологии моего времени и наши стандарты жизни. В домах установлены системы кондиционирования воздуха! Они слышали о телевидении, но никогда не видели телевизора, и потому их шокировало то, что в моей семье почти в каждой комнате стоит ящик с изображением и звуком. Воздушные путешествия были для нас так же привычны, как для них поездки на поезде. Наши армии могли сражаться при помощи дистанционно управляемых беспилотных самолетов. Мы

носили с собой телефоны-компьютеры, свободно уместяющиеся в кармане. И хотя мой собственный телефон в их петле времени не работал (видимо, как и все остальные электронные устройства), я извлек его из кармана, чтобы показать им его обтекаемый корпус и зеркально гладкий монитор.

Солнце клонилось к закату, когда мы наконец двинулись в обратный путь. Эмма не отходила от меня ни на шаг, и ее рука то и дело как будто случайно касалась моей. Проходя мимо яблони на окраине поселка, она попыталась сорвать яблоко, но, даже привстав на цыпочки, не дотянулась до плодов. Поэтому я поступил, как настоящий джентльмен: обхватив ее за талию, приподнял вверх, изо всех сил стараясь не кряхтеть и любуясь ее протянутыми ввысь белыми руками и сверкающими на солнце влажными волосами. Когда я поставил ее на землю, она легонько поцеловала меня в щеку и протянула мне яблоко.

— Ты это заслужил, — улыбнулась она.

— Яблоко или поцелуй?

Она рассмеялась и побежала догонять остальных. Я не знал, как называется то, что между нами происходит, но мне это нравилось. Нас объединяло какое-то глуповатое и хрупкое, но очень доброе чувство. Я положил яблоко в карман и бросился вдогонку за своими новыми друзьями.

Когда мы подошли к болоту и я сказал, что мне пора домой, Эмма демонстративно надула губы.

— По крайней мере позволь мне тебя проводить, — с глубоким вздохом произнесла она.

Мы помахали остальным и направились к кургану. Я изо всех сил пытался запомнить, куда она ставит ноги.

У входа я предложил:

— Пойдем хоть на минуту в мой мир.

— Я не могу. Мне надо возвращаться, а то Птица в чем-то нас заподозрит.

— В чем она может нас заподозрить?

Она кокетливо улыбнулась.

— В... чем-то.

— В чем-то, — озадаченно повторил я.

— Она всегда начеку, — засмеялась Эмма.

Я решил сменить тактику.

— Тогда почему бы тебе не прийти ко мне в гости завтра?

— В гости? В твое время?

— Почему бы и нет. Мисс Сапсан не сможет там за нами следить. Ты могла бы даже познакомиться с моим папой. Мы ему, конечно, не скажем,

кто ты на самом деле. И тогда он, может быть, немного успокоится относительно того, куда я пропадаю и чем все время занимаюсь. Я провожу время с красивой девчонкой? Да это мечта любого любящего отца!

Я думал, что, услышав комплимент, Эмма улыбнется, но вместо этого она посерьезнела.

— Птица позволяет нам переходить на ту сторону всего на несколько минут. Только для того, чтобы петля продолжала работать, понимаешь?

— Ну и скажи ей, что именно этим и занимаешься!

Она вздохнула.

— Я бы с радостью. Но это плохая идея.

— Она держит тебя на очень коротком поводке.

— Ты даже не знаешь, о чем говоришь, — нахмурилась Эмма. — И отдельное спасибо за сравнение с собакой. Это было блестяще.

Я не понимал, как так получилось. Минуту назад мы флиртовали друг с другом и вот уже ссоримся.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Не подумай, что я не хочу идти к тебе в гости, — прошептала она. — Я действительно не могу.

— Ладно, предлагаю компромисс. Не надо приходить ко мне на целый день. Пойдем всего на одну минуту, но прямо сейчас.

— На одну минуту? Что можно сделать за одну минуту?

Я расплылся в широкой улыбке.

— Ты удивишься.

— Скажи мне! — толкнув меня, потребовала Эмма.

— Я тебя сфотографирую.

Улыбка сползла с ее лица.

— Я сейчас не в лучшем виде, — с сомнением в голосе произнесла она.

— Да нет, ты выглядишь просто чудесно! Честное слово!

— Всего на одну минуту? Ты обещаешь?

Я позволил ей войти в курган первой. Когда мы вышли с другой стороны, мир был холодным и туманным, хотя дождь, к счастью, прекратился. Я вытащил телефон и с радостью отметил, что моя теория оказалась верной. По эту сторону петли электроника работала прекрасно.

— Где твой фотоаппарат? — дрожа всем телом, спросила Эмма. — Давай скорее с этим покончим!

Я быстро сфотографировал ее на телефон. Она только покачала головой, как будто ничто в моем странном мире уже не могло ее удивить. Потом начала убегать, а я гонялся за ней вокруг кургана. Она то пряталась,

то выглядывала и позировала для моей камеры. Спустя минуту я сделал столько снимков, что почти полностью исчерпал память телефона.

Подбежав обратно ко входу в туннель, Эмма послала мне воздушный поцелуй.

— Увидимся завтра, мальчик из будущего!

Я поднял руку, прощаясь с ней, и она скрылась среди камней.

* * *

Я возвращался в город мокрый и промерзший до костей. Но одновременно улыбался до ушей, как полный идиот. До паба еще оставалось несколько кварталов, когда сквозь гул генераторов до меня донесся какой-то посторонний звук. Кто-то окликал меня по имени. Оглянувшись на зов, я увидел отца. Он стоял посередине улицы в промокшем свитере, а дыхание облачком тумана вырывалось у него изо рта, подобно дыму из выхлопной трубы в морозное зимнее утро.

— Джейкоб! Я тебя ищу!

— Ты велел вернуться к обеду, и вот он я!

— Бог с ним, с обедом! Пойдем скорее.

Мой папа никогда не пропускал обед. Я понял, что случилось нечто действительно серьезное.

— Что происходит?

— Объясню по дороге, — ответил отец, волоча меня к пабу. И тут он присмотрелся ко мне повнимательнее. — Да ты промок! — воскликнул он. — Бог ты мой, ты что, и *вторую* куртку потерял?

— Я, э-э-э...

— И почему у тебя красное лицо? Ты как будто обгорел на солнце.

Черт! Целый день на пляже без защитного крема.

— Я покраснелся от бега, — заявил я, хотя мои руки от холода покрылись гусиной кожей. — Но что стряслось? Кто-то умер или что?

— Нет, нет, нет, — затряс головой отец. — Или... что-то вроде того. Несколько овец.

— Какое отношение это имеет к нам?

— Они уверены, что это сделали подростки. Своего рода вандализм.

— Кто это они? Овечья полиция?

— Фермеры, — отозвался отец. — Они допрашивают всех, кому меньше двадцати лет. И их, вполне естественно, интересует, где ты пропал целый день.

У меня внутри все оборвалось. Я опять не придумал оправдательной истории и принялся лихорадочно соображать, что им сказать.

Мы подошли к «Тайнику Священников», возле которого собралась толпа разгневанных фермеров. Один из них был одет в грязный рабочий комбинезон и с угрожающим видом опирался на вилы. Другой держал за шиворот Червя. Тот был облачен в неоновые спортивные штаны и футболку с надписью *МНЕ НРАВИТСЯ, КОГДА МЕНЯ НАЗЫВАЮТ БОЛЬШИМ ПАПОЙ*. Он плакал, и у него под носом пузырились сопли.

Третий фермер, худой как жердь мужчина в похожей на колпак вязаной шапке, заметил наше приближение и ткнул в мою сторону пальцем.

— Вот он! — воскликнул он. — Расскажи нам, сынок, чем ты сегодня занимался.

Папа ободряюще похлопал меня по спине.

— Расскажи им, — попросил он.

Я попытался сделать вид, что мне нечего от них скрывать.

— Я исследовал дальнюю окраину острова. Большой дом.

— Какой большой дом? — растерялся Вязаный Колпак.

— Да та старая развалина в лесу, — пояснил мужик с вилами. — Только полный идиот туда полезет. Это гиблое местечко.

— С кем ты там был? — прищурился Вязаный Колпак.

— Ни с кем, — отозвался я, отметив удивленный взгляд отца.

— Бреешь! Я думаю, что ты был вот с этим, — заявил фермер, схвативший Червя.

— Не убивал я никаких овец! — снова заплакал Червь.

— Заткнись! — взревел фермер.

— Джейк, — мягко произнес папа, — а как насчет твоих друзей?

— А-а, папа, это полная ерунда.

Вязаный Колпак обернулся в мою сторону и яростно сплюнул.

— Ах ты, маленькое трепло! Тебя следовало бы выпороть тут, на виду у всех.

— Держи свои руки подальше от моего сына, — заявил папа своим самым убедительным голосом Сурового Отца.

Вязаный Колпак выругался и шагнул к отцу. Папа вскинул подбородок и выпятил грудь. Они не успели друг на друга накинуться только потому, что знакомый мне голос вдруг произнес:

— Погоди-ка, Деннис, сейчас мы со всем этим разберемся.

Мартин вышел из толпы и втиснулся между противниками.

— Начните с того, что рассказывал вам сын, — обратился он к моему отцу.

Папа впился в меня негодующим взглядом.

— Он сказал, что ходит в гости к друзьям на той стороне острова.

— *Каким* таким друзьям? — пожелал знать мужик с вилами.

Я понял, что, если не предпринять каких-то отчаянных мер, дело примет совсем скверный оборот. Понятное дело, что я не мог рассказать им о странных детях, хотя они все равно мне не поверили бы. Вместо этого я пошел на риск.

— Никого там нет, — прошептал я, опуская глаза и изо всех сил имитируя смущение. — У меня воображаемые друзья.

— Что он говорит? — прорычали Вилы.

— Он говорит, что его друзья не настоящие, а воображаемые, — с обеспокоенным видом ответил папа.

Фермеры изумленно переглянулись.

— Теперь вы понимаете? — с надеждой в голосе завопил Червь. — Этот парень — настоящий псих. Это *наверняка* он!

— Я не прикасался к вашим овцам, — возразил я, хотя меня уже никто не слушал.

— Это сделал не американец, — заявил фермер, державший за шиворот Червя. Он энергично встряхнул свою жертву. — Зато вот за этим уже водятся делишки. Несколько лет назад он ударом ноги сбросил со скалы ягненка. Я бы в это ни за что не поверил, да вот только он сделал это прямо у меня на глазах. Я спросил его, зачем он так поступил. И парень сказал, что хотел узнать, умеют ли ягнята летать. Он больной на голову, это уж точно.

Фермеры возмущенно загалдели. Червью явно было не по себе, но он не стал оспаривать правдивость прозвучавшей истории.

— А где сынок рыботорговца? — спохватились Вилы. — Если в этом замешан этот парень, то другой не может быть не при делах.

Выяснилось, что Дилана недавно видели возле бухты, и за ним немедленно отрядили поисковую группу.

— А что, если это сделал волк... или бродячая собака? — предположил папа. — Моего отца загрызли собаки.

— Все собаки на Кэрнхолме пастушьи, — ответил Вязаный Колпак, — а им совершенно несвойственно нападать на овец, а тем более убивать их.

Мне хотелось, чтобы отец воспользовался удачным моментом и сбежал, прихватив меня, но он взялся за дело с энтузиазмом Перри Мейсона^[12].

— И много убито овец? — пожелал знать он.

— Пять, — ответил четвертый фермер, невысокий мужчина с

угрюмым лицом, до этого момента не вступавший в разговор. — И все мои. Их убили прямо в загоне. У бедняг не было ни единого шанса на спасение.

— Пять овец. Как вы думаете, сколько в пяти овцах крови?

— Думаю, не меньше ванны, — пробурчали Вилы.

— Вам не кажется, что тот, кто это сделал, должен быть измазан овечьей кровью с ног до головы?

Фермеры переглянулись. Они посмотрели на меня, потом на Червя. Затем пожали плечами и почесали затылки.

— Может, это лисы? — высказал предположение Вязаный Колпак.

— Это должна быть целая стая лис, — засомневались Вилы. — У нас на целом острове столько не наберется.

— Да и раны слишком ровные, — добавил тот, кто держал Червя. — Мне кажется, их нанесли ножом.

— Я просто не могу в это поверить, — покачал головой папа.

— Сам сходи и посмотри, — буркнул Вязаный Колпак.

Толпа начала рассеиваться, а мы последовали за группой фермеров к месту преступления. Преодолев небольшой подъем, мы пересекли ближайшее поле и подошли к маленькому коричневому сараю, за которым приютился прямоугольный загон для скота. Нерешительно приблизившись к ограде, мы заглянули в щели между планками.

Представшая перед нами картина насилия была абсолютно неправдоподобна и больше всего походила на полотно безумного импрессиониста, использующего только красную краску. Примятая трава была залита кровью, как и внутренняя часть покосившегося забора, а также застывшие белые тела самих овец. Одна из них пыталась перелезть через забор, и ее ноги застряли в щелях. Бедняжка свисала с забора под странным углом, напоминая вскрытого двустворчатого моллюска, потому что ее живот был вспорот от горла до паха, как будто на шкуре расстегнули замок-молнию.

Я поспешно отвернулся. Остальные что-то пробормотали и покачали головами. Кто-то тихонько присвистнул. Червь едва сдержал приступ рвоты и снова разрыдался, что было тут же истолковано как молчаливое признание вины. В нем усмотрели преступника, который не может спокойно смотреть на дело рук своих. Его увели с тем, чтобы запереть в музее Мартина, в комнате, прежде служившей ризницей, а теперь используемой в качестве тюремной камеры. Затем его предполагалось переправить на большую землю и передать в руки правосудия.

Мы оставили хозяина овец горевать над своими казненными питомцами и вернулись в поселок, спеша спуститься с холма в быстро

сгущающихся сумерках. Когда мы с папой вернулись к себе, я уже знал, что меня ожидает выговор Сурового Отца, и предпринял попытку обезоружить его прежде, чем он на меня набросится.

— Папа, прости, я тебе солгал.

— Да ну? — саркастически поинтересовался он, переодеваясь в сухой свитер. — Ничего себе признание. Но о чем конкретно ты сейчас говоришь? Я уже потерял счет твоим выдумкам.

— Я сказал тебе, что встречаюсь с друзьями. Но на острове нет других детей. Я придумал это, чтобы ты не волновался из-за того, что я все время один.

— Видишь ли, я все равно волнуюсь, даже если твой врач говорит мне, что этого делать не следует.

— Я знаю.

— Так как насчет твоих воображаемых друзей? Голану о них известно? Я покачал головой.

— Это тоже вранье. Я просто хотел отделаться от этих ребят и их дурацких обвинений.

Папа скрестил руки на груди, уже не зная, чему верить, а чему нет.

— В самом деле?

— Лучше пусть они считают меня странноватым, чем обвиняют в убийстве овец, верно?

Я присел к столу. Папа долго на меня смотрел, и я не мог понять, поверил он мне или нет.

— Ты уверен, что мы можем обойтись без звонка доктору Голану? — наконец спросил он. — Ты мог бы пообщаться с ним по телефону.

— Решай сам. Но я в полном порядке.

— Именно поэтому я и не хотел, чтобы ты якшался с этими рэпперами, — произнес он.

Я понял, что отец хочет завершить разговор на достаточно строгой ноте, чтобы считалось, что он «как следует со мной поговорил».

— Насчет них ты был прав, — согласился я.

Впрочем, я все равно не верил, что хоть один из них способен устроить подобную резню. Червь и Дилан были крутыми ребятами только на словах.

Папа сел на стул напротив меня. У него был усталый вид.

— И все же мне хотелось бы знать, как можно умудриться обгореть на солнце в такой дождливый день.

Черт. Что ему сказать?

— Наверное, у меня очень чувствительная кожа, — промямлил я.

— Это уж точно, — сухо отозвался он.

Наконец он меня отпустил, и я отправился в душ, думая об Эмме. Потом я чистил зубы и думал об Эмме. После этого я вернулся в свою комнату, извлек из кармана яблоко, которое она мне дала, и положил его на тумбочку. Затем, как будто желая еще раз убедиться в ее существовании, я достал телефон и начал просматривать сделанные сегодня фотографии. Я все еще разглядывал снимки, когда в соседней комнате заскрипела кровать, и я понял, что папа лег спать. Я все еще их разглядывал, когда вырубились генераторы и одновременно с этим погасла моя лампа. Но даже когда единственным источником света остался мерцающий экран моего телефона, я продолжал лежать в темноте, глядя на ее лицо.

Глава восьмая

Мне не хотелось выслушивать очередную лекцию, и поэтому наутро я встал пораньше и отправился в путь, когда папа еще спал. Я сунул ему под дверь записку и хотел взять с тумбочки яблоко Эммы. Но его там не оказалось. Тщательный обыск комнаты привел к обнаружению множества клочков пыли и какого-то кожистого предмета размером с мяч для гольфа. Я успел решить, что яблоко у меня стянули, как вдруг понял, что кожистый предмет — это и *есть* яблоко. Каким-то образом оно успело испортиться за одну ночь. Причем я никогда в жизни не видел *таким образом* испорченных фруктов. Оно выглядело так, будто целый год провело в сушилке для продуктов. Когда я попытался его поднять, оно рассыпалось в моих пальцах, как комок сухой земли.

Я недоуменно пожал плечами и вышел на улицу, где снова шел дождь. Впрочем, скоро он остался позади, а я выбрался под мягкие солнечные лучи петли времени. Но, к своему разочарованию, не увидел ожидающей меня хорошенькой девушки. А если точнее, то меня вообще никто не встречал. Я попытался справиться с обидой, но мне все равно было немного досадно.

Подойдя к дому, я принялся высматривать Эмму, но не успел миновать прихожую, как меня перехватила мисс Сапсан.

— На одно слово, мистер Портман, — окликнула она и провела меня в опустевшую кухню, где все еще витали аппетитные запахи пропущенного мною завтрака. Я чувствовал себя так, будто меня вызвали в кабинет директора моей собственной школы.

Мисс Сапсан прислонилась к краю огромной чугунной плиты.

— Вам у нас нравится? — спросила она.

— Очень нравится, — подтвердил я.

— Вот и хорошо, — произнесла она, но улыбка уже сползла с ее лица. — Насколько мне известно, вчера вы провели весьма приятный день в обществе некоторых моих подопечных. Между вами также состоялась в высшей степени занимательная беседа.

— Да, все было замечательно. Они все прекрасные ребята.

Я попытался направить разговор в непринужденное русло, хотя понимал, что она настойчиво куда-то клонит.

— Скажите-ка, — продолжала она, — какой, по вашему мнению, характер носила ваша беседа?

Я попытался припомнить, о чем мы говорили.

— Ну, я не знаю... Мы много чего обсуждали. Как устроена жизнь здесь. Как устроена жизнь там, откуда я пришел.

— Откуда вы пришли.

— Ну да.

— А как вы считаете, разумно ли обсуждать события будущего с детьми из прошлого?

— С детьми? Вы и в самом деле считаете их детьми?

Я пожалел об этих словах, как только они сорвались у меня с губ.

— Они сами себя считают детьми, — несколько раздраженно заметила мисс Сапсан. — А вы их кем считаете?

Видя ее настроение, я предпочел уклониться от дискуссии на столь непростую тему.

— Ну, наверное, они все-таки дети.

— Вот именно. А теперь ответьте на мой предыдущий вопрос. — Она говорила, подчеркивая каждое слово ударом ладони о плиту. — Разумно ли обсуждать будущее с детьми из прошлого?

— Нет? — рискнул предположить я.

— Но, судя по всему, вы считаете совершенно иначе! Мне это известно, поскольку вчера за ужином Хью побаловал нас всех увлекательным описанием чудес телекоммуникационных технологий двадцать первого века. — Ее голос источал сарказм. — Известно ли вам, что письмо, отправленное в двадцать первом веке, может быть получено практически мгновенно?

— Вы, наверное, говорите об электронной почте.

— Хью знает об этом все.

— Я не понимаю, — пожал плечами я, — в чем тут проблема.

Она оттолкнулась от плиты и шагнула вперед. Хотя она и была на целый фут ниже меня, ей все равно удавалось выглядеть устрашающе.

— Мой священный долг как имбрины — заботиться о безопасности этих детей, а это прежде всего означает, что я обязана удержать их здесь, в петле, на этом острове.

— И что же?

— Они никогда не смогут стать частью вашего мира, мистер Портман. А посему незачем забивать им головы рассказами о чудесных свершениях будущего. Теперь половина моих детей умоляет меня вместе с ними совершить трансатлантический перелет на реактивном самолете, а вторая половина мечтает о телефоне-компьютере вроде вашего.

— Простите, я этого не ожидал.

— Это их дом. Я сделала все, чтобы им было здесь хорошо. Но горькая правда заключается в том, что они никуда не могут отсюда уйти, и я была бы премного вам благодарна, если бы вы не порождали в их душах подобное желание.

— Но почему они не могут уйти?

Она на мгновение прищурилась, а потом покачала головой.

— Простите, я по-прежнему недооцениваю всей глубины вашей неосведомленности.

Мисс Сапсан, которая, похоже, не могла ни стоять, ни сидеть без дела, схватила с плиты кастрюлю и начала скрести ее металлической щеткой. Я смотрел на нее, спрашивая себя, она игнорирует мой вопрос или ищет способ так на него ответить, чтобы даже такому тупице, как я, все сразу стало понятно.

Когда кастрюля засверкала, она вернула ее на плиту и обернулась ко мне.

— Мистер Портман, они не могут задержаться в вашем мире, потому что там за очень короткое время они состарятся и умрут.

— Что вы хотите этим сказать? Как это — умрут?

— Я не знаю, как выразить это еще понятнее. Они умрут, Джейкоб.

Она говорила предельно краткими и лаконичными предложениями, будто желая поскорее покончить с этой темой.

— Вам, возможно, кажется, что мы нашли способ победить смерть, но это иллюзия. Если дети слишком долго пробудут по ту сторону от петли, то все долгие годы, от которых они здесь скрывались, обрушатся на них в считанные часы.

Я представил себе, как живой человек усыхает и рассыпается в пыль, подобно яблоку у меня на тумбочке, и содрогнулся.

— Но это ужасно!

— Те немногочисленные примеры этого явления, которые я имела несчастье лицезреть, навсегда останутся среди самых страшных воспоминаний моей жизни. А я, позвольте мне уверить вас, живу достаточно давно и видела много поистине ужасных вещей.

— Значит, такое уже случалось.

— Да. С маленькой девочкой, много лет назад находившейся под моей опекой. Ее звали Шарлотта. Это был первый и последний раз, когда я отправилась в гости к одной из своих сестер-имбрин. Во время моего краткого отсутствия Шарлотта каким-то образом сбежала от старших детей, которым велено было присматривать за ней, и вышла из петли. Это произошло то ли в 1985, то ли в 1986 году. Шарлотта весело гуляла по

деревне, где ее и увидел констебль. Когда она не смогла объяснить, кто она и где живет (можно предположить, что ее ответ его не устроил), бедняжку отвезли в детприемник на большой земле. Я смогла добраться до нее только через два дня, и за это время она успела состариться на тридцать пять лет.

— Кажется, я видел ее фотографию, — кивнул я. — Взрослая женщина в одежде маленькой девочки.

Мисс Сапсан печально кивнула.

— Шарлотта так и не стала прежней. И слегка помешалась.

— Где она теперь?

— Сейчас она живет у мисс Иволги. Трудными случаями всегда занимаются мисс Иволга и мисс Дрозд.

— Но они ведь не прикованы к этому острову? — уточнил я. — Они могли бы покинуть петлю прямо *сейчас*, начиная с 1940 года?

— Безусловно. В этом случае они начали бы обычную жизнь среди обычных людей. Но с какой целью? С тем, чтобы принять участие в жуткой войне? Столкнуться с людьми, которые их боятся и не понимают? Существуют и другие опасности. Станным детям лучше оставаться здесь.

— Что за другие опасности?

Ее глаза затуманились, и мне показалось, что она успела пожалеть о своих словах.

— Вам незачем об этом знать. Во всяком случае пока.

С этими словами она вытолкала меня из кухни. Я снова спросил, что она подразумевала под «другими опасностями», но она захлопнула дверь у меня перед носом.

— Желаю вам приятно провести время, — с натянутой улыбкой прощепетала директриса. — Разыщите мисс Блум. Я уверена, что она мечтает о встрече с вами.

Мисс Сапсан скрылась в доме.

Я вышел во двор, размышляя о том, как выбросить из головы воспоминания о том усохшем яблоке. Впрочем, прошло немного времени, и все забылось само собой. Вернее, я ничего не забыл, просто это воспоминание перестало меня тревожить. И это было странно.

Разыскивая Эмму, я узнал от Хью, что она отправилась в поселок за продуктами, и, расположившись в тени под деревом, принялся ожидать. Уже через пять минут я задремал, лежа на траве и блаженно улыбаясь. Все, что меня интересовало, — это меню ланча. Пребывание здесь оказывало на меня какой-то наркотический эффект, как будто сама петля являлась наркотиком, одновременно успокаивающим и улучшающим настроение. Я заподозрил, что если пробуду в ней достаточно долго, то уже не захочу никуда уходить.

Если это действительно так, размышлял я, то это многое объясняет. Например, как люди могут десятилетиями проживать один и тот же день, оставаясь в здравом уме. Да, тут очень красиво, и жизнь легка и приятна, но если каждый день в точности повторяет предыдущий, да к тому же, если верить мисс Сапсан, дети никуда не могут уйти, то это место определенно является не только раем, но и тюрьмой. Однако, находясь в состоянии гипнотического дурмана, человек мог долгие годы этого не осознавать. А потом было уже слишком поздно — уходить было опасно.

Так что выбора на самом деле тут ни у кого не было. Тот, кто сюда попадал, оставался здесь навсегда. И только много позже — спустя долгие годы — кое-кто начинал задаваться вопросом, какой могла бы быть его жизнь, если бы он отсюда ушел.

Должно быть, меня в конце концов сморило, потому что я внезапно проснулся. Что-то толкало мою ступню. Приоткрыв один глаз, я увидел маленькую фигурку, похожую на крохотного человечка. Он пытался спрятаться в мою туфлю, но запутался в шнурках. Все его движения были скованными и неуклюжими, а одет он был в армейский камуфляж. Я наблюдал за его отчаянными попытками освободиться, но вдруг он замер, словно заводная игрушка, у которой кончился завод. Я развязал шнурки и, высвободив человечка, начал разглядывать его в поисках ключа, которого так и не нашел. Человечек оказался грубо сделанной странноватой игрушкой. Его голова представляла собой закругленный комок глины, а лицо ему заменял смазанный отпечаток большого пальца.

— Тащи его сюда! — раздался чей-то голос.

Оглядевшись, я увидел, что голос принадлежит мальчику, сидящему на пне на опушке леса.

Поскольку дел поважнее у меня все равно не было, ничто не мешало мне выполнить его просьбу. Я поднял глиняного солдатика и подошел к мальчику. Вокруг него, шатаясь и спотыкаясь, бродил целый отряд таких молодцев, похожих на поломанных роботов. Когда я подошел поближе, солдатик в моей руке вдруг ожил и начал извиваться, как будто пытаясь высвободиться. Я поставил его рядом с остальными и вытер испачканные глиной пальцы о джинсы.

— Я Енох, — представился мальчик, — а ты, должно быть, он.

— Наверное, да, — пожал плечами я.

— Извини, если он тебя побеспокоил, — продолжал мальчик, подталкивая принесенного мной солдатика ближе к его товарищам. — Понимаешь, они еще недостаточно обучены и творят, что им вздумается. Я сделал их только на прошлой неделе.

Акцент выдавал в нем кокни^[13]. Из-за огромных черных кругов вокруг глаз он был похож на енота, а его комбинезон, тот самый, в котором я видел его на фотографиях, был испачкан глиной и грязью. Если бы не щекастое лицо, его можно было бы принять за трубочиста, сошедшего со страниц «Оливера Твиста».

— Это ты их сделал? — восхищенно переспросил я. — Как?

— Это гомункулы, — пояснил он. — Иногда я приставляю к ним головы кукол, но на этот раз я слишком спешил.

— Кто такие гомункулы?

— Гомункулы — это гомункулы. — Он произнес это так, что я почувствовал себя идиотом. — Некоторые называют их человечками, но мне кажется, это звучит глупо. Ты со мной согласен?

— Однозначно.

Глиняный солдатик, которого я принес, снова побрел в сторону. Енох вытянул ногу и толкнул его обратно. Гомункулы хаотично сустились на траве, сталкиваясь друг с другом подобно возбужденным атомам.

— Деритесь, придурки! — скомандовал Енох, и только тут я заметил, что они не просто сталкиваются, а бьют друг друга руками и ногами.

Но своенравному солдатiku драться явно не хотелось, и когда он в очередной раз засеменял прочь, Енох схватил его и оторвал ему ноги.

— Вот что случается с дезертирами в моей армии! — воскликнул он, бросая покалеченную игрушку на траву, где она начала извиваться под ударами набросившихся на нее остальных солдатиков.

— Ты со всеми игрушками так обращаешься?

— А что? — удивился он. — Тебе их жаль?

— Не знаю. А тебе?

— Нет. Если бы не я, их вообще не было бы на свете.

Я засмеялся, а Енох нахмурился.

— Чего ты смеешься?

— Ты меня насмешил.

— Я вижу, до тебя долго доходит, — вздохнул он. — Смотри.

Схватив одного из солдатиков, он сорвал с него форму. Потом взял его обеими руками и, разломав посередине, извлек из его груди крохотное судорожно сжимающееся сердце. Солдатик тут же обмяк, а Енох взял сердце двумя пальцами и показал мне.

— Это мышинное сердце, — пояснил он. — Вот что я могу делать — забрать жизнь у одного существа и дать ее другому, либо глиняному, как этот гомункул, либо тому, которое когда-то было живым, но умерло. — Он сунул сердце в карман комбинезона. — Я скоро научусь их муштровать, и тогда у меня будет целая армия. Только те гомункулы будут *рослыми*. — Он поднял руку над головой, чтобы показать мне рост будущих гомункулов. — А ты что умеешь делать? — поинтересовался он.

— Я? Честно говоря, ничего. То есть ничего особенного. Не то, что ты.

— Жаль, — вздохнул он. — Но ты, наверное, все равно будешь с нами жить, а?

По его голосу нельзя было сказать, что ему этого особенно хочется. Ему просто было любопытно, не более того.

— Не знаю, — ответил я. — Я еще об этом не думал.

Это, разумеется, было неправдой. Я об этом думал, а если точнее, то мечтал, представляя себе, как это могло бы быть.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Разве тебе этого не хочется?

— Я еще не знаю.

Он прищурился и медленно кивнул, как будто только сейчас понял, что я из себя представляю.

Наклонившись вперед, он еле слышно произнес:

— Эмма рассказывала тебе о Набеге На Деревню?

— О набеге на что?

Он отвел глаза в сторону.

— Да так, ничего. Это просто игра, в которую играют некоторые из нас.

У меня возникло отчетливое ощущение, что меня разыгрывают.

— Она ничего мне не говорила, — покачал головой я.

Енох поелозил на пне, чтобы придвинуться ближе ко мне.

— Ну, *еще бы!* — прошептал он. — Я уверен, что она очень *многого* тебе не рассказала об этом местечке. Она не хочет, чтобы ты слишком много знал.

— Да ну? Почему же?

— Потому что тогда ты поймешь, что здесь не так уж классно, как тебя пытаются убедить, и ты не захочешь оставаться.

— И что же я должен знать?

— Этого я тебе рассказать не могу, — одарив меня коварной улыбкой, ответил Енох. — Мне не нужны неприятности.

— Как хочешь, — пожал плечами я. — Но ты сам об этом заговорил.

Я встал, собираясь уйти.

— Погоди! — воскликнул он, хватая меня за рукав.

— Почему я должен ждать, если ты все равно не хочешь ничего мне говорить?

Он задумчиво потер подбородок.

— Но это правда. *Мне нельзя ничего тебе говорить...* Хотя вряд ли я смогу помешать, если тебе вдруг захочется подняться наверх и заглянуть в комнату в конце коридора.

— Зачем? — настаивал я. — Что там?

— Не что, а кто. Мой друг Виктор. Он хочет с тобой познакомиться. Сходи к нему, поболтай.

— Отлично, — кивнул я. — Так и сделаю.

Я зашагал к дому, но, услышав свист Еноха, обернулся. Он сделал вид, что шарит рукой над дверью.

— *Ключ*, — одними губами произнес он.

— Зачем мне ключ, если там кто-то есть?

Он отвернулся, сделав вид, что не услышал моего вопроса.

* * *

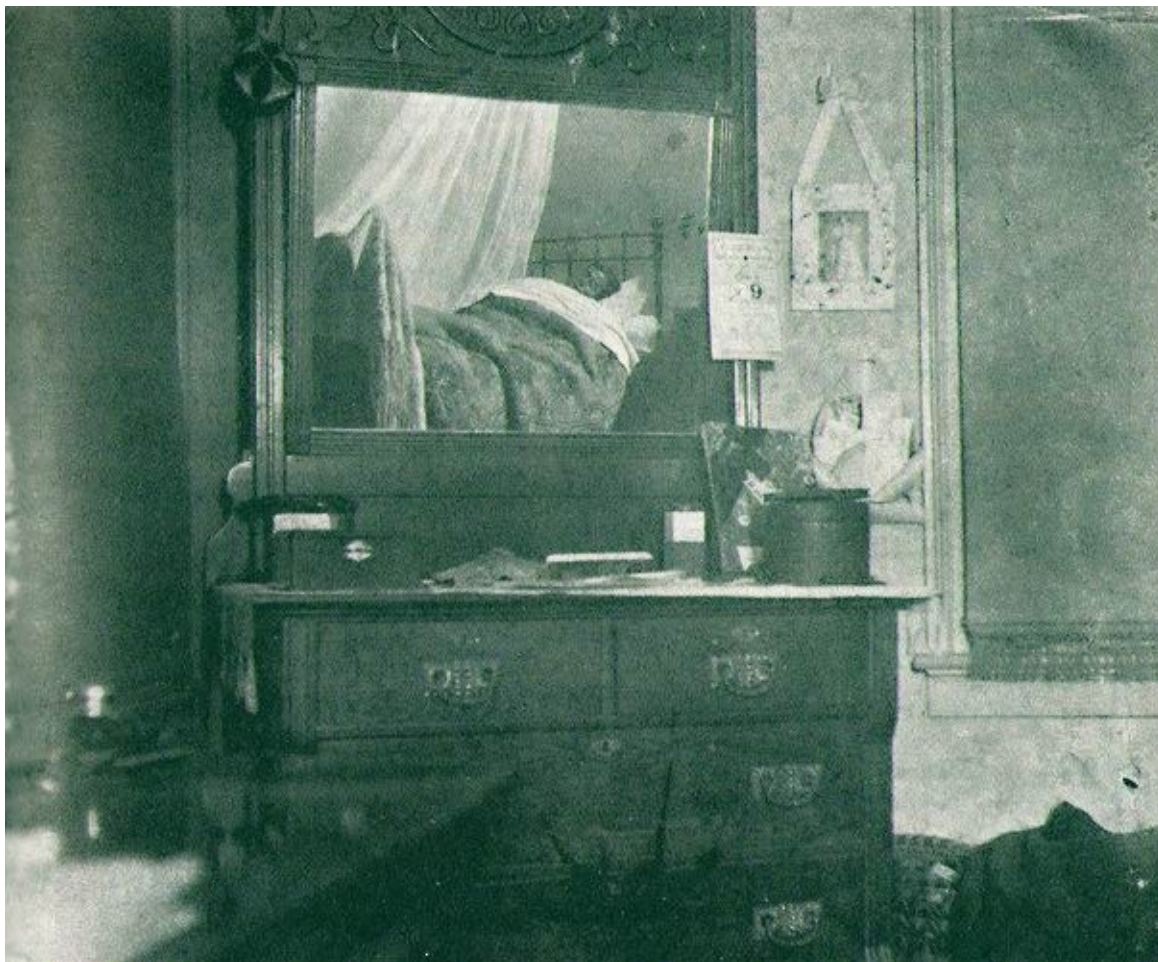
Я непринужденно вошел в дом и начал подниматься по лестнице, как будто у меня имелось какое-то дело и мне было все равно, увидит меня кто-нибудь или нет. Я незамеченным поднялся на второй этаж, прокрался в конец коридора и подергал за ручку двери. Она была заперта. Я постучал, но ответа не последовало. Оглянувшись через плечо и убедившись, что за мной никто не следит, я провел рукой над дверью и тут же нащупал ключ.

Я отпер дверь и скользнул внутрь. Эта комната ничем не отличалась от остальных спален дома — комод, платяной шкаф, ваза с цветами на тумбочке. Лучи солнца пробивались сквозь горчичного цвета шторы, окрашивая все в желтый цвет, в результате чего комната казалась янтарной. И только тут на полускрытой за кружевным пологом кровати я заметил юношу. Его веки были сомкнуты, а рот слегка приоткрыт.

Я замер, опасаясь его разбудить. Я узнал его по фотографиям из альбома мисс Сапсан, хотя не видел его ни в столовой, ни где-либо еще в доме, и меня с ним не знакомили. На фотографии он спал в постели, в точности как сейчас. Возможно, он болеет какой-то сонной болезнью и поэтому изолирован от других? Что, если Енох хочет, чтобы я тоже заразился?

— Привет, — прошептал я. — Ты не спишь?

Он даже не шелохнулся. Я взял его за руку и слегка потряс. Его голова безвольно свесилась набок.

И тут меня осенила ужасная догадка. Чтобы проверить ее, я поднес руку к его рту. Дыхания не было. Мой палец коснулся его холодных, как лед, губ. Я испуганно отдернул руку.

Позади меня раздались шаги. Резко обернувшись, я увидел замершую в проеме открытой двери Бронвин.

— Ты не должен здесь находиться! — зашипела она.

— Он умер, — пробормотал я.

Бронвин перевела взгляд на юношу, и ее лицо страдальчески сморщилось.

— Это Виктор, — прошептала она.

Внезапно я вспомнил, где еще его видел. На одной из фотографий, которые мне показывал дедушка. На снимке он стоял, подняв над головой валун. Виктор был братом Бронвин. Невозможно было определить, как давно он умер. Петля времени постоянно возобновлялась, и его смерть

могла наступить и пятьдесят лет назад. Он все равно выглядел бы так, как если бы умер только вчера.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Может, мне оживить старину Виктора? — раздался голос у нас за спиной. — Тогда ты сможешь сам у него спросить.

Это был Енох. Он вошел в комнату и закрыл дверь.

Бронвин просияла сквозь навернувшиеся на ее глаза слезы.

— Ты правда его оживишь? О, Енох, *пожалуйста!*

— Мне не стоит этого делать, — покачал головой Енох. — У меня и без того мало сердец, а чтобы оживить человека хотя бы на минуту, их надо очень много.

Бронвин подошла к умершему и начала приглаживать его волосы.

— Пожалуйста! — снова взмолилась она. — Мы с Виктором так *давно* не разговаривали.

— Ну, вообще-то, у меня в подвале есть замаринованные коровьи сердца. — Енох сделал вид, что размышляет. — Но я ненавижу пользоваться маринованным материалом. Свежий всегда лучше!

Бронвин разрыдалась по-настоящему. Одна из слез упала на руку Виктора, и она поспешила смахнуть ее рукавом.

— Да будет тебе разводить сопли, — пробормотал Енох. — Ты же знаешь, что я этого не выношу. Да и вообще, это жестоко — оживлять Виктора. Он любит находиться там, где он сейчас.

— А где это? — спросил я.

— Кто знает? Но всякий раз, когда мы его оживляем, он ужасно спешит вернуться.

— Это жестоко — играть чувствами Бронвин и манипулировать мной, — заявил я. — И если Виктор умер, почему бы вам просто его не похоронить?

Бронвин метнула в меня уничтожающий взгляд.

— Но тогда мы больше никогда его не увидим, — ответила она.

— Дружище, это несправедливо, — возразил Енох. — Я предложил тебе сюда подняться, потому что хотел, чтобы у тебя были все факты. Я на твоей стороне.

— Правда? В таком случае каковы факты? Как умер Виктор?

Бронвин подняла на меня глаза.

— Его убили... Ай! — вскрикнула она, когда Енох ущипнул ее за руку.

— Тихо! — закричал он. — Ты не имеешь права ему рассказывать.

— Бред какой-то! — возмутился я. — Если вы ничего мне не скажете, я пойду к мисс Сапсан и спрошу у нее.

Енох шагнул ко мне, широко раскрыв глаза.

— О нет! Не делай этого!

— Да? И почему же?

— Птица не любит, когда мы говорим о Викторе, — ответил он. — Это из-за него она всегда ходит в черном. Как бы то ни было, нельзя, чтобы она узнала о том, что мы здесь были. Она подвесит нас за ноги!

И тут с лестницы до нас донесся характерный звук шагов мисс Сапсан. Бронвин побелела и выскочила за дверь. Но прежде чем Енох успел последовать за ней, я загородил ему путь к отступлению.

— С дороги! — зашипел он.

— Расскажи мне, что случилось с Виктором!

— Я не могу!

— Тогда расскажи мне о Набеге На Деревню.

— Я и этого не могу тебе рассказать!

Он еще раз попытался меня обойти, но, осознав, что не выйдет, сдался.

— Ну хорошо, закрой дверь. Я тебе все расскажу, только шепотом!

Я затворил дверь в тот момент, когда мисс Сапсан шагнула на площадку. Мы испугались, что она могла нас заметить, и какое-то мгновение стояли, прижавшись ухом к двери. Судя по звуку шагов, директриса направилась в нашу сторону, но на полпути будто передумала. Скрипнула, отворившись и затворившись, какая-то дверь в середине коридора.

— Она вошла в свою комнату, — прошептал Енох.

— Итак, Набег На Деревню, — напомнил я ему.

Всем своим видом показывая мне — он раскаивается в том, что затронул эту тему, Енох поманил меня прочь от двери. Я подошел к нему и наклонился, а он зашептал мне на ухо.

— Как я тебе уже сказал, это такая игра. Ее название говорит о ее содержании.

— Ты хочешь сказать, что вы действительно совершаете *набег* на деревню?

— Мы все ломаем, гоняемся за людьми, хватаем все, что нам понравится, поджигаем дома. Это очень весело.

— Но это ужасно!

— Нам же надо как-то поддерживать свои способности, как ты считаешь? На тот случай, если придется защищаться. Иначе мы тут совсем засохнем и заржавеем. К тому же существуют определенные правила. Нам не позволено никого убивать. Мы их всего лишь немного пугаем, вот и все. А если кто-то и получает небольшую травму, то на следующий день

все уже в полном порядке и никто ничего даже не помнит.

— Эмма тоже играет?

— Нет. Она такая, как ты. Говорит, что это *дурно*.

— Что ж, она права.

Енох закатил глаза.

— Вы друг друга достойны, — простонал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он выпрямился, демонстрируя все свои пять футов четыре дюйма росту, и ткнул меня пальцем в грудь.

— Я хочу сказать, дружище, что незачем тут задирать нос. Потому что, если бы мы время от времени не громили эту чертову деревню, то тут почти все уже давно двинулись бы мозгами. — Он подошел к двери и, взявшись за ручку, обернулся ко мне. — И если ты считаешь злыми *нас*, то посмотрим, что ты запоешь, когда увидишь *их*.

— Кого *их*? О чем, черт подери, вы все толкуете?

Он поднес палец к губам и вышел из комнаты.

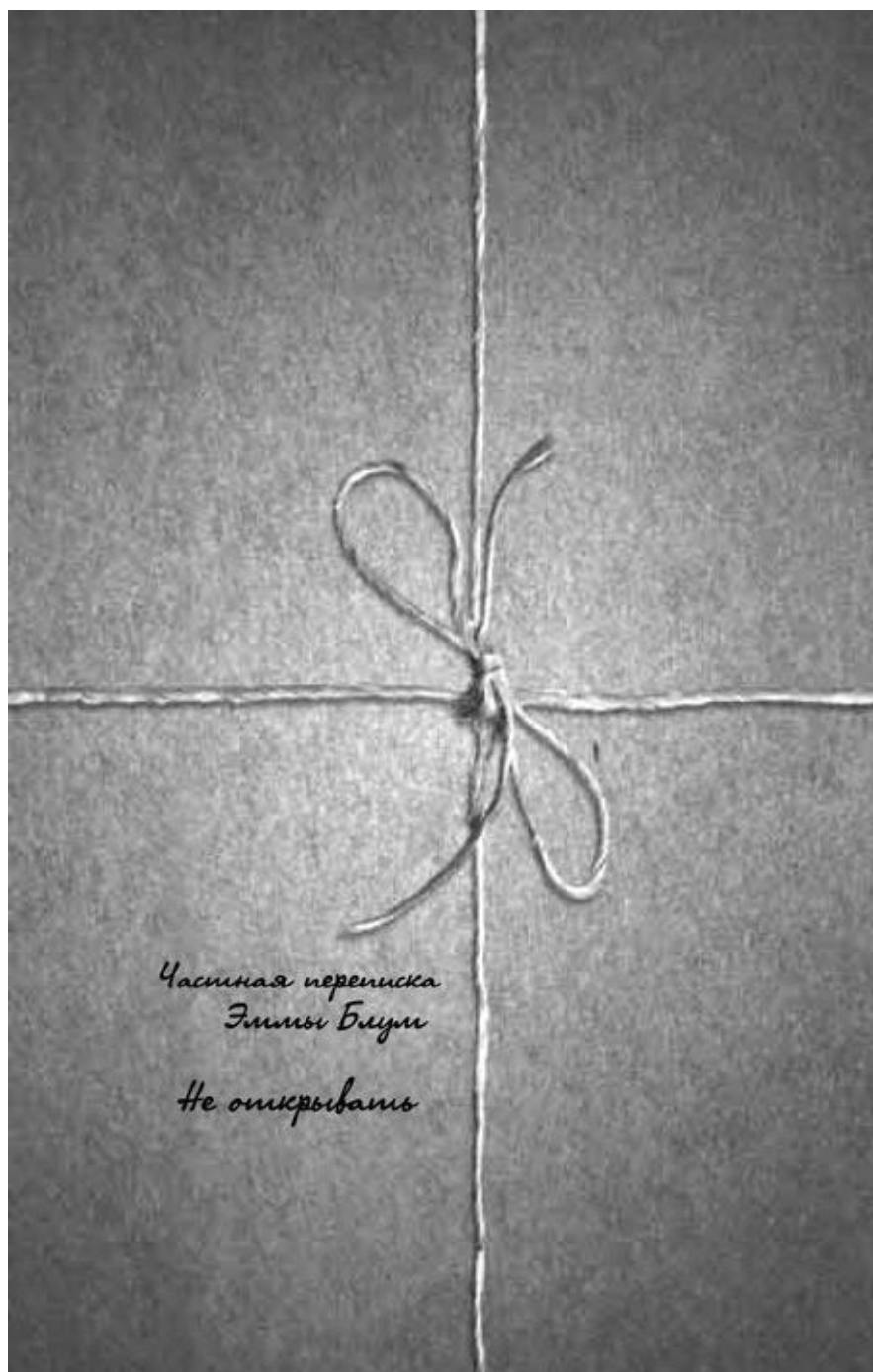
Я снова остался в одиночестве. Мой взгляд неудержимо влекло к телу на кровати.

Что же с тобой случилось, Виктор?

Быть может, он сошел с ума и покончил с собой? Помешался от этой жизнерадостной, но лишенной будущего вечности и наелся крысиного яду или прыгнул с утеса. А может, его убили *они*, те самые «другие опасности», упомянутые директрисой.

Я вышел в коридор и зашагал к лестнице, как вдруг где-то совсем рядом раздался голос мисс Сапсан. Нырнув в ближайшую комнату, я ждал, пока она прохромает мимо и спустится вниз. И тут я заметил ботинки, стоявшие на полу возле безукоризненно застеленной кровати. Это были ботинки Эммы, в спальне которой я случайно очутился.

У стены стояли комод и зеркало. Напротив расположился письменный стол с вплотную придвинутым к нему стулом. Это была комната опрятной девочки, которой нечего было скрывать от окружающих. Но это впечатление развеялось, когда, приоткрыв дверцу шкафа, я наткнулся на шляпную картонку. Она была перевязана бечевкой, а на крышке было жирно написано:

Это было все равно, что помахать красной тряпкой перед носом быка. Я тут же сел на пол, поставил коробку себе на колени и развязал бечевку. В коробке было не меньше сотни писем. И все от моего дедушки.

Мое сердце учащенно забилося. Именно такую золотую жилу я рассчитывал найти, впервые очутившись в заброшенном доме. Разумеется, мне было не по себе, оттого что я сую нос в чужую переписку. Но если люди ничего не хотели мне рассказывать, то оставалось только одно —

узнавать обо всем самому.

Мне хотелось прочитать их все, но я боялся, что меня кто-нибудь здесь застанет. Поэтому я быстро перебирал конверты, пытаясь получить самое общее представление о том, что меня интересовало. Многие из этих посланий были написаны в начале сороковых годов, когда дедушка Портман служил в армии. Несколько наугад просмотренных писем были полны заверений в любви и неловких описаний красоты Эммы. «Ты хорошенький, как цветок, и так же чудесно пахнуть, — писал дедушка на своем тогда еще ломаном английском. — Хотеть его сорвать». В один из конвертов он вложил свою фотографию, на которой сидел на авиабомбе, держа в зубах сигарету.

Со временем письма становились все короче и приходили все реже. К началу пятидесятых он уже писал всего одно письмо в год. Последняя весточка была датирована апрелем 1963 года. Но письма в конверте не было. Вместо слов дедушка вложил туда несколько снимков. На двух из них была Эмма. Он вернул ей присланные ему фотографии. На одной она, видимо копируя его шутливую позу на бомбе, чистила картошку и делала вид, что курит трубку мисс Сапсан. А на второй была заметно грустной. Наверное, она отослала ее после того, как от дедушки долго не было писем. Последним, что мой дед прислал ей, была его собственная фотография. Он был уже немолод и держал на руках маленькую девочку.

Чищу картошку и думаю о тебе. Возвращайся поскорее.
С любовью, твоя картошечка.

Без тебя я чувствую себя
пойманной в клетку.
Почему ты не пишешь?
Я так беспокоюсь.
Целую тебя. Эмма.

ВОТ ПОЧЕМУ.

Я целую минуту разглядывал последний снимок, прежде чем понял, что это за девочка. Это была моя тетя Сьюзи в четырехлетнем возрасте. После этого писем уже не было. Я спрашивал себя, долго ли еще Эмма писала моему деду, ничего не получая в ответ. И что он делал с ее письмами? Выбрасывал? Где-то прятал? Я понял, что письмо, которое случайно нашли отец и тетя, было написано Эммой. Как же они ошибались, считая своего отца лжецом и предателем!

Кто-то негромко откашлялся у меня за спиной. Оглянувшись, я увидел Эмму. Меня бросило в жар. Я засуетился, собирая письма, но было уже поздно. Меня поймали с поличным.

— Прости. Я не должен был...

— Это я и без тебя знаю, — ответила она, — но не хочу тебя отвлекать, что ты! Продолжай читать! — Она разгневанно подошла к комоду, рванула

на себя один из ящиков, и тот с грохотом упал на пол. — А заодно почему бы тебе не взглянуть и на мои трусики!

— Прости! Прости! — повторял я. — Я *никогда* ничего подобного не делал.

— В самом деле? Ну конечно, ты, наверное, был слишком занят, подглядывая в окна за женщинами!

Она возвышалась надо мной, дрожа от гнева, пока я пытался запихнуть письма обратно в коробку.

— Они были разложены в *определенном порядке*! Дай сюда! Ты сейчас окончательно все испортишь!

Она села рядом и, оттолкнув меня, высыпала содержимое коробки на пол. Я безмолвно наблюдал за тем, как она со скоростью почтальона сортирует письма и складывает их в стопки.

Несколько успокоившись, она обернулась ко мне.

— Так, значит, ты хотел узнать о моих отношениях с Эйбом? Но ты мог просто спросить.

— Я считал, что это не мое дело.

— А вот теперь это довольно спорный вопрос, ты не находишь?

— Пожалуй.

— Итак? Что ты хотел узнать?

Я задумался, не зная, с чего начать.

— Всего лишь... что произошло?

— Отлично. Значит, приятную часть мы пропускаем и сразу переходим к концу истории. На самом деле все очень просто. Он ушел. Он говорил, что любит меня и когда-нибудь обязательно вернется. Но так и не вернулся.

— Но ведь ему пришлось уйти, разве не так? На войну?

— Пришлось? Не знаю. Он сказал, что никогда не простит себе, если отсидится в безопасности, пока его соотечественников травят и убивают. Он заявил, что это его долг. Видимо, долг был для него важнее, чем я. Как бы то ни было, я ждала. Я ждала и переживала за него, пока шла эта чертова война, и жутко боялась получить похоронку. Потом война кончилась, но он сказал, что никак не может вернуться. Сказал, что спятит здесь, что в армии научился за себя постоять и ему больше не нужна такая нянька, как Птица. Он написал, что едет в Америку, где будет наш дом, и что скоро он позовет меня к себе. И я снова его ждала. Я ждала так долго, что если бы поехала к нему, мне было бы уже лет сорок, если не больше. Но однажды он кого-то себе нашел. И это был, как говорится, конец.

— Прости. Я ничего не знал.

— Это старая история. Я уже успела успокоиться.

— Ты винишь его в том, что застряла здесь.

Эмма резко обернулась ко мне.

— Кто говорит, что я здесь застряла?

Потом она вздохнула.

— Я его не виню. Просто очень по нему скучаю.

— До сих пор?

— Да, до сих пор. Я каждый день о нем думаю. Ну вот и все. — Она закончила сортировать письма и со вздохом захлопнула крышку. — Вся история моей любви уместилась в пыльной коробке.

Она снова глубоко вздохнула, закрыла глаза и ущипнула себя за переносицу. На мгновение мне показалось, что сквозь юные черты Эммы я вижу очень старую женщину. Мой дедушка разбил ее бедное горячее сердце, и эта рана до сих пор не зажила. Прошло столько лет, а она все еще больна.

Мне хотелось обнять ее за плечи, но что-то меня останавливало. И я молча смотрел на эту красивую, веселую и очень интересную девушку, которая — о чудо из чудес! — испытывала ко мне симпатию. Но теперь я понял, что нравлюсь ей вовсе не я. Она была безнадежно влюблена в другого, а я только иллюзорно заменил ей своего деда. Эта мысль кого угодно могла заставить призадуматься, как бы сильно ни нравилась ему девчонка. Среди моих знакомых были парни, которые ни за что не стали бы встречаться с бывшей подружкой своего друга. Так что же говорить о романтических отношениях с девушкой своего деда?!

Вдруг я ощутил, что пальцы Эммы легли мне на руку. Потом ее голова опустилась на мое плечо, и я почувствовал, как ее подбородок медленно тянется к моему лицу. «Поцелуй меня!» — говорили все эти движения. Я понимал, что мгновение спустя лицо Эммы окажется на одном уровне с моим, и мне придется либо слиться с ней в поцелуе, либо отстраниться, тем самым серьезно ее обидев. А ведь я уже и без того ее оскорбил. И дело было вовсе не в том, что я не *хотел* ее поцеловать. Я хотел этого больше всего на свете. Но мысль о том, что я буду целовать ее в двух футах от коробки с любовными письмами от моего собственного деда, казалась мне совершенно дикой и заставляла меня нервничать.

Вот уже ее щека прижалась к моему лицу, и я понял: сейчас или никогда. В итоге, стремясь разрушить ее романтический настрой, я брякнул первое, что пришло мне в голову.

— Между тобой и Енохом что-то есть?

Она мгновенно отстранилась, глядя на меня так, будто я предложил ей пообедать щенками.

— Что? Нет! Как *такое* могло прийти тебе в голову?

— Мне показалось, что он говорит о тебе с горечью. И еще он совершенно определенно не хочет, чтобы я здесь оставался, как будто я мешаю развитию его романа, или что-то в этом роде.

Ее глаза раскрылись еще шире.

— Во-первых, смею тебя заверить, у него нет никакого романа, развитию которого ты мог бы помешать. Он просто ревнивый дурак и лжец в придачу.

— Правда?

— *Что* правда?

— То, что он лжец?

Эмма сощурилась.

— А что? Что он успел тебе наплести?

— Эмма, что случилось с Виктором?

Этот вопрос ее, похоже, шокировал. Потом она покачала головой и прошептала:

— Черт бы побрал этого эгоиста.

— Вы все что-то недоговариваете, и я намерен узнать, что именно.

— Я не могу тебе этого сказать.

— Только это я и слышу со всех сторон. Я не имею права говорить о будущем, а ты не имеешь права говорить о прошлом. Мисс Сапсан повязала нас всех по рукам и ногам. Умирая, дедушка попросил меня приехать сюда и узнать всю правду. Это кто-нибудь в расчет принимает?

Она взяла мою руку, опустила ее к себе на колени и уставилась на нее. Мне показалось, что она подыскивает подходящие слова.

— Ты прав, — наконец произнесла она. — Мы не все тебе говорим.

— Расскажи мне.

— Не здесь, — прошептала она. — Сегодня вечером.

Мы договорились встретиться поздно вечером, когда мой папа и мисс Сапсан будут спать. Эмма настаивала на том, что другой возможности у нас нет, потому что у стен есть уши, а отправившись на прогулку днем, мы у кого-нибудь обязательно вызовем подозрения. Чтобы подчеркнуть, что нам нечего скрывать, мы весь вечер провели во дворе, на виду у всех. Когда солнце начало клониться к закату, я в полном одиночестве направился к болоту.

В двадцать первом веке меня встретил очередной дождливый вечер. К тому времени как я добежал до паба, на мне не осталось сухого места, и я с наслаждением шагнул в сухое и теплое помещение. Отец в одиночестве сидел за столиком с бокалом пива в руках. Я поставил рядом еще один стул и начал придумывать истории о том, как провел день, одновременно вытирая лицо и шею бумажными полотенцами. За время, проведенное на острове, я успел сделать интересное открытие — чем больше лжешь, тем легче тебе это дается.

Отец меня почти не слушал.

— Да? — время от времени произносил он. — Это очень интересно. — После чего его взгляд устремлялся в пространство и он делал очередной глоток пива.

— Что с тобой? — наконец не выдержал я. — Ты все еще на меня сердишься?

— Нет, нет, ничего подобного. — Он хотел было что-то объяснить, но потом лишь махнул рукой. — Это все пустое.

— Папа, рассказывай.

— Да просто... Пару дней назад здесь появился один парень. Тоже любитель птиц.

— Ты его знаешь?

Он покачал головой.

— Никогда его не видел. Поначалу я думал, что он такой себе полудурок-энтузиаст, но парень день за днем возвращается на одни и те же места, к одним и тем же гнездовьям и все время что-то записывает. Он определенно знает, что делает. А сегодня я увидел его с клеткой для кольцевания и «Хищниками» и окончательно убедился в том, что он — профи.

— С хищниками?

— Это такой бинокль. Очень серьезная оптика. — К этому моменту он уже трижды скатал и раскатал салфетку, что указывало на то, что он по-настоящему нервничает. — Понимаешь, я думал, что произведу сенсацию, описав эту конкретную популяцию птиц. Я надеялся, что мне удастся написать совершенно особенную книгу.

— И тут берет и является этот засранец.

— Джейкоб!

— То есть я хотел сказать, этот никчемный сукин сын.

Он засмеялся.

— Спасибо, сын, это то, что надо.

— Твоя книга *все равно* будет особенной, — ободряюще произнес я.

Он пожал плечами.

— Не знаю. Я тоже на это надеюсь.

Но в его голосе были одни сомнения.

Я абсолютно точно знал, что будет дальше. Это было частью повторяющегося цикла, из которого отцу никак не удавалось вырваться. Он загорался какой-нибудь идеей и беспрестанно говорил о ней на протяжении нескольких месяцев. Потом на его пути неизбежно возникала какая-нибудь крохотная проблема. Вместо того чтобы с ней бороться, он позволял ей разрастись и подавить весь свой энтузиазм. Вслед за этим проект уходил в небытие, на его месте возникал новый, и все повторялось сначала. Он слишком легко утрачивал веру в собственные силы. Именно поэтому в его письменном столе хранилось около десятка неоконченных рукописей, а магазин для любителей птиц, который он пытался открыть на паях с тетей Сьюзи, так и не открылся. Именно поэтому, имея степень бакалавра по азиатским языкам, он никогда не был в Азии. Ему было уже сорок шесть лет, а он все искал себя, пытаясь доказать, что не нуждается в деньгах моей матери.

В чем он действительно нуждался, так это в хорошей «накачке», проводить которую я сейчас был совершенно не готов. Я попытался сменить тему.

— А где живет этот наглый тип? Я думал, что мы обитаем в единственном на острове отеле.

— Насколько я понимаю, он где-то поставил палатку, — ответил отец.

— В такую погоду?

— Люди, помешанные на орнитологии, стараются жить в полевых условиях. Это как физически, так и психологически приближает их к предмету наблюдений. Достижения посредством испытаний, и все такое.

Я рассмеялся.

— Тогда почему ты здесь, а не там?

И мгновенно пожалел о своем вопросе.

— По той же причине, по которой моя книга, скорее всего, никогда не будет написана. Всегда находится человек, преданный своему делу больше, чем я.

Я смущенно заерзал на стуле.

— Я не это имел в виду. Я только хотел...

— Тсс! — Папа напрягся и украдкой глянул в сторону двери. — Быстро посмотри, только постарайся сделать это незаметно. Он только что вошел.

Прикрыв лицо папкой «Меню», я осторожно взглянул на дверь. На

пороге стоял неряшливого вида бородатый тип и топал ногами, отряхивая воду с сапог. На нем была огромная резиновая шляпа, темные очки и несколько курток, надетых одна на другую и делающих его похожим на толстого бродягу.

— Я в восторге от его образа бездомного Санта-Клауса, — прошептал я. — Это не у всякого получится. Не сезон.

Отец не оценил моей шутки, а «бродяга» подошел к бару, и разговоры у стойки стихли.

— Что вам угодно? — поинтересовался Кев.

Мужчина что-то ответил, и Кев скрылся на кухне. Ожидая возвращения хозяина, бородач смотрел прямо перед собой. Минуту спустя Кев протянул ему какой-то пакет. Он взял его, уронил на стойку несколько банкнот и направился к двери. Прежде чем выйти, он обернулся и медленно обвел взглядом комнату. Спустя несколько мгновений мужчина покинул паб.

— Что он заказал? — громко поинтересовался папа, когда дверь захлопнулась.

— Пару стейков, — отозвался Кев. — Сказал, что ему все равно, как они приготовлены, поэтому получил их почти сырыми. И не возражал.

Завсегдатаи начали переглядываться и строить предположения. Их голоса звучали все громче и возбужденнее.

— Сырой стейк! — удивленно обернулся я к отцу. — Согласись, это несколько странно даже для орнитолога.

— Может, он из сыроедов? — предположил отец.

— Ну да, возможно. А может, ему надоело сосать кровь из ягнят.

Папа закатил глаза.

— У него наверняка есть полевая печка. Он, наверное, любит готовить на свежем воздухе.

— Под дождем? А вообще, что это ты его защищаешь? Я думал, он твой заклятый враг.

— Вряд ли ты меня поймешь, — вздохнул отец, — но было бы неплохо, если бы ты перестал надо мной насмехаться.

Он встал и направился к бару.

* * *

Несколько часов спустя папа, спотыкаясь и благоухая алкоголем, поднялся наверх и рухнул в постель. И уже через мгновение раздался его

громогласный храп, возвещавший о том, что он спит беспробудным сном. Это избавило меня от необходимости таиться. Поспешно схватив куртку, я отправился на встречу с Эммой.

Улицы были пустынные. Царила такая тишина, что было слышно, как с веток деревьев каплют капли дождя, прекратившегося несколько часов назад. Облака тонким слоем растянулись по всему небу, и через них едва просвечивала луна. Впрочем, этого света хватало, чтобы я без труда нашел дорогу к кряжу и дальше, к болоту. Когда я поднялся на кряж, меня вдруг охватила необъяснимая дрожь. Оглядевшись, я заметил, что с отдаленного возвышения за мной наблюдает какой-то мужчина. Его руки были подняты к голове, а локти разведены в стороны, как если бы он смотрел в бинокль. Первым, что пришло мне в голову, было: *Черт! Я попался!* Я ошибочно предположил, что имею дело с каким-то фермером, решившим сыграть в детектива и активно заняться охраной своих овец. Но если это так, почему он не спешит ко мне с вопросами? Вместо этого он просто стоял и смотрел на меня, а я смотрел на него.

В конце концов я решил «будь что будет», потому что, независимо от того, продолжу я путь или вернусь назад, слух о моей ночной прогулке все равно дойдет до отца. Поэтому в качестве приветствия я показал незнакомцу большой палец и спустился в пронизывающий туман.

Когда я вынырнул из кургана, мне почудилось, что кто-то отдернул с неба завесу облаков и запустил туда воздушный шар луны, такой яркой, что я даже слегка сощурился. Спустя несколько минут из болота появилась Эмма и затараторила со скоростью пулемета:

— Я опоздала! Прости! Еле дождалась, пока все улягутся! А потом я наткнулась в саду на Хью с Фионой. Они целовались, как ненормальные. Не волнуйся, они пообещали никому ничего не говорить, если я тоже буду молчать.

Она обвила руками мою шею.

— Я по тебе скучала, — прошептала она. — Прости, что я тогда на тебя набросилась.

— И ты меня тоже прости, — ответил я, неловко похлопывая ее по спине. — Давай поговорим.

Она отстранилась.

— Не здесь. Есть место получше. Совершенно особенное место.

— Я не знаю...

Она взяла меня за руку.

— Не будь таким занудой. Обещаю, тебе там очень понравится. И когда мы туда доберемся, я тебе все расскажу.

Я был уверен, что все это делается с целью подтолкнуть меня к дальнейшему развитию отношений. Если бы я был старше и опытнее в отношении красивых девчонок, то у меня, возможно, хватило бы эмоциональной и гормональной устойчивости и я бы настоял на разговоре прямо возле кургана. Но у меня не хватило ни мудрости, ни опыта, ни желания настаивать на своем. Кроме того, было что-то необыкновенное в том, как Эмма улыбалась мне всем своим существом. А когда она одновременно кокетливым и застенчивым жестом отвела за спину волосы, я понял, что сопротивляться бесполезно, — я пойду за ней куда угодно и сделаю все, о чем она меня попросит.

Хорошо, я пойду, но я не буду ее целовать, — сказал я себе. Пока она вела меня через болото, я мысленно твердил эти слова, как мантру. *Не целоваться! Не целоваться!* Мы шли к поселку, но потом резко свернули в сторону каменистого пляжа, напротив которого стоял старый маяк, и начали осторожно спускаться вниз по крутой тропинке.

Когда мы подошли к воде, она попросила меня обождать и куда-то убежала. Я стоял и смотрел, как луч маяка рисует огромные круги на воде и скалах, выхватывая из темноты сотни морских птиц, спящих в каменных складках. Отлив обнажил основания утесов и гниющий на берегу старый ялик, уже наполовину ушедший в песок. Когда Эмма вернулась, я увидел, что она переделалась в купальник и держит в руках две маски для подводного плавания.

— Только не это, — покачал головой я. — Ни за что.

— Тебе, наверное, стоит раздеться, — произнесла она, с сомнением разглядывая мои джинсы и куртку. — Твой костюм не подходит для плавания.

— Это потому, что я не собираюсь плавать! Я согласился встретиться с тобой среди ночи, но только для того, чтобы *поговорить*, а не...

— Мы *поговорим*, — утешила она меня.

— Ага. Под водой. В одних трусах.

Рывком ноги она бросила в меня песком и развернулась, чтобы уйти, но потом передумала и вернулась.

— Если ты боишься, что я стану к тебе приставать, то ошибаешься. Не льсти себе.

— Ничего я не боюсь.

— Тогда прекрати ломаться и быстро снимай эти дурацкие брюки!

И тут она действительно на меня напала, повалив на землю и пытаясь одной рукой расстегнуть ремень моих джинсов, а другой втирая мне в лицо песок.

— Фу-у! — закричал я, отплевываясь. — Так нечестно, так нечестно!

У меня не было выбора — пришлось ответить ей своей пригоршней песка, и очень скоро наша возня превратилась в настоящий песочный бой без правил. Когда все закончилось, мы оба безудержно хохотали и напрасно пытались вытряхнуть песок из волос.

— Что ж, теперь тебе все равно необходимо помыться, поэтому почему бы не залезть в море?

— Ладно, я *согласен*.

Сначала вода показалась мне обжигающе холодной, но я довольно быстро привык к ее температуре. Мы прошли по воде к скалам, где была привязана лодка. Забравшись в нее вслед за Эммой, я взял из рук девушки весло, и мы оба начали грести по направлению к маяку. Ночь была теплой, море спокойным, и на несколько минут я отдался умиротворяющему ритму плеска воды. Приблизительно в сотне ярдов от маяка Эмма вдруг перестала грести и шагнула за борт. К моему изумлению, она не скрылась в волнах, а выпрямилась, стоя по колено в воде.

— Это песчаная отмель, что ли? — спросил я.

— Не-а.

Она наклонилась, вытащила из лодки небольшой якорь и бросила его в воду. Погрузившись всего фута на три, он издал громкий металлический лязг. Секунду спустя нас осветил скользящий луч маяка, и я увидел под нами корпус корабля.

— Затонувшее судно!

— Вылезай, — позвала она, — мы уже почти на месте. И маску прихвати.

Шагая по корпусу корабля, Эмма уходила прочь.

Я осторожно выбрался из лодки и пошел следом. Если бы за нами кто-нибудь наблюдал, он решил бы, что мы ходим по воде.

— Эта штуковина большая? — поинтересовался я.

— Огромная. Это военный корабль союзников. Подорвался на mine, предназначенной для немецких лодок, и затонул прямо здесь. — Эмма остановилась. — Отвернись от маяка, — скомандовала она. — Твои глаза должны привыкнуть к темноте.

Мы стояли рядом, глядя на берег и ощущая, как волны гладят наши ноги.

— А теперь за мной, — снова скомандовала она. — Только сначала вдохни поглубже и задержи дыхание.

Она подошла к черной дыре в корпусе корабля (судя по всему, это был люк), села на край и нырнула вниз.

Это безумие, — подумал я, натянул маску и прыгнул вслед за ней.

Вглядываясь в обволакивающий меня мрак, я увидел под собой Эмму, которая опускалась все ниже, хватаясь за перекладины лестницы. Я последовал ее примеру и перебирал руками ступени, пока не добрался до металлической двери, возле которой меня уже ожидала Эмма. Мне показалось, что мы находимся в своего рода грузовом трюме, хотя было слишком темно, чтобы судить об этом наверняка.

Я тронул ее за локоть и указал на свой рот, пытаясь намекнуть, что мне необходимо сделать вдох. Она снисходительно похлопала меня по руке и потянулась к плавающей рядом пластиковой трубке, присоединенной к большой трубе, которая вела на поверхность. Она взяла трубку в рот и с усилием дунула в нее, надувая щеки, затем сделала вдох и отдала ее мне. Я тоже с наслаждением глотнул воздуха. Мы находились на двадцатифутовой глубине внутри затонувшего судна, но мы дышали!

Эмма показала на дверь перед нами. Еще более черное пятно в окружающей темноте. Я затряс головой: *Не хочу!* Но она взяла меня за руку, как испуганного малыша, и потянула к двери, прихватив с собой и трубку.

Сквозь дверь мы проникли в следующий отсек, где был уже полный мрак. Какое-то время мы просто парили там, передавая друг другу дыхательную трубку. Царила тишина, нарушаемая только лопаньем пузырьков от нашего дыхания и глухими ударами, доносящимися как будто изнутри корабля. Это течение раскачивало разбитое судно, стуча металлом о камни на дне. Если бы я закрыл глаза, темнее уже не стало бы. Мне казалось, что мы с Эммой превратились в астронавтов и улетели куда-то далеко, в глубины безбрежной, лишенной звезд вселенной.

И тут произошло нечто удивительное и прекрасное. Одна за другой вокруг нас стали появляться звезды, зелеными вспышками рассеивая темноту. Я было подумал, что у меня начались галлюцинации, но огоньков становилось все больше, и вскоре нас уже окружила целая плеяда мерцающих зеленых звезд, которые освещали наши тела и отражались в наших масках. Эмма вытянула руку и тряхнула кистью. На этот раз на ее ладони не вспыхнул огненный шар. Вместо этого ее рука засияла голубоватым люминесцентным светом. Зеленые звезды облепили пальцы Эммы, вспыхивая и кружась, повторяя каждое ее движение подобно стайке рыб, которыми, как я вдруг понял, они, собственно, и являлись.

Я наблюдал за ними, как замороженный, утратив всякое ощущение времени. Мне показалось, что мы находимся там уже несколько часов, хотя прошли считанные минуты. Потом я почувствовал, что Эмма тянет меня за

руку. Миновав дверь, мы поднялись наверх вдоль лестницы и вынырнули на поверхность. Первым, что я увидел, была огромная дерзкая полоса Млечного Пути, прочертившая все небо. Мне вдруг пришло в голову, что звезды и рыбы объединены в одну законченную систему, являясь соответствующими друг другу частями единого древнего и загадочного целого.

Мы выбрались на корпус корабля и сняли маски. Какое-то время мы просто молча сидели рядом, по пояс в воде, ощущая, как соприкасаются наши бедра.

— Что это было? — наконец спросил я.

— Мы называем их рыбы-фонарики.

— Я никогда ничего подобного не видел.

— А их почти никто никогда не видит, — ответила она. — Они прячутся.

— Они прекрасны.

— Да.

— И еще они странные.

Эмма улыбнулась.

— С этим я тоже соглашусь.

А потом ее рука скользнула мне на колено, и я не возражал, потому что ее пальцы были теплыми и мне было приятно. Я пытался расслышать внутренний голос, который запретил бы мне целовать ее, но он замолк.

И мы поцеловались. Сладкое слияние наших губ и ласковая битва языков, ощущение ее гладкой кожи под моей ладонью — мое сознание покинули все мысли о том, что правильно, а что неправильно, и я будто позабыл, зачем вообще последовал за ней в это странное место. Мы целовались и целовались, а потом она внезапно отстранилась. Я потянулся за ее лицом. Но она положила руку мне на грудь и мягко, но решительно остановила меня.

— Глупенький, мне надо подышать.

Я засмеялся.

— Дыши.

Эмма взяла меня за руки и посмотрела мне в глаза. Я ответил на ее взгляд, и наш зрительный контакт был еще более тесным, чем поцелуи. А потом она произнесла:

— Ты должен остаться.

— Остаться, — повторил я.

— Здесь. С нами.

Реальность ее слов заслонила собой магию того, что только что

произошло между нами.

— Я хотел бы остаться, но вряд ли это возможно.

— Почему?

Я задумался над ее вопросом. Солнце, веселье, друзья... и постоянно одни и те же, одинаковые в своей идеальности дни. Я понимал, что можно устать от всего, даже от совершенства, если его становится слишком много. Я хорошо помнил, как быстро надоедало моей матери все, что она покупала, как бы сильно ей ни нравилась поначалу приобретаемая вещь.

Но Эмма! Тут была Эмма. Возможно, то, что возникло между нами, является совершенно естественным. Может, я мог бы остаться на какое-то время и любить ее, а потом вернуться домой. Но нет. К тому времени, как я захочу вернуться, будет уже слишком поздно. Она была сиреной, а я должен был устоять.

— Тебе нужен он, а не я. Я не смогу стать для тебя Эйбом.

Мои слова задели ее за живое, и она отвела глаза.

— Ты должен остаться не поэтому. Джейкоб, твое место здесь.

— Нет. Я не такой, как вы.

— Нет, такой, — настаивала она.

— Не такой. Я обычный, как и мой дедушка.

Эмма покачала головой.

— Ты и в самом деле так считаешь?

— Тебе не кажется, что если бы я умел делать что-то из ряда вон выходящее, как вы, то уже заметил бы это?

— Я не должна тебе этого говорить, — со вздохом произнесла она, — но, вообще-то, обычные люди не могут входить во временные петли.

Я на мгновение задумался над этим, но так ничего и не понял.

— Во мне нет ничего странного. Я самый среднестатистический гражданин, какого только можно себе представить.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — возразила она. А потом добавила: — У Эйба был очень редкий и необычный дар. То, что умел делать он, не умел больше никто.

А потом Эмма пристально посмотрела мне в глаза и произнесла:

— Он видел чудовищ.

Глава девятая

Он видел чудовищ. Как только она это сказала, на меня обрушились воспоминания обо всех тех ужасах, которые, как я полагал, остались в прошлом. Так, значит, эти кошмарные твари были реальны. Они были реальны, и они убили моего дедушку.

— Я тоже их вижу.

Я произнес это так тихо, как будто делился постыдной тайной.

Ее глаза наполнились слезами.

— Я знала, что в тебе есть что-то странное, — произнесла она, обняв меня. — И говорю это как самый лучший комплимент.

Я всегда считал себя странным. Но только не знал, насколько я странный. Однако, если я видел то, чего не видел почти никто в мире, это объясняло, почему Рики никого не заметил в лесу в тот вечер, когда погиб мой дедушка. Это объясняло, почему все считали меня чокнутым. Я не был чокнутым. Я не страдал галлюцинациями. И никакой острой реакции на стресс у меня тоже не было. Ужас, охватывающий меня при *их* приближении, и способность увидеть *их* жуткий облик — в этом и заключался мой дар.

— А ты их вообще не видишь? — спросил я.

— Только их тени. Поэтому в основном они охотятся ночью.

— Что не позволяет им напасть на вас прямо сейчас? — спросил я и тут же уточнил: — Я хотел сказать, на всех нас.

Она помрачнела.

— Они не знают, где нас найти. Кроме того, они вообще не способны проникать в петли времени. Поэтому здесь, на острове, мы в безопасности, но покинуть его мы не можем.

— Но Виктор сделал это.

Она грустно кивнула.

— Он сказал, что еще немного — и он сойдет здесь с ума. Заявил, что это выше его сил. Бедная Бронвин. Мой Эйб тоже ушел, но по крайней мере его не убили чудовища.

Я вынудил себя посмотреть ей в глаза.

— Мне очень жаль, но я должен тебе сказать...

— Что? О нет!

— Меня убедили в том, что это сделали дикие животные. Но если то, о чем ты говоришь, правда, то моего деда убили именно *они*. В первый и

единственный раз я увидел одного из них в ту ночь, когда погиб дедушка Портман.

Она прижала колени к груди и закрыла глаза. Я обнял ее одной рукой за плечи, и наши головы соприкоснулись.

— Я знала, что они все равно его настигнут, — прошептала она. — Он обещал мне, что в Америке ему ничто не будет угрожать и что он сумеет за себя постоять. Но на самом деле ни один из нас никогда не может быть в полной безопасности.

Мы сидели на затонувшем корабле и разговаривали, пока луна не опустилась совсем низко, а вода не поднялась нам до самого горла. Эмма начала дрожать. Взявшись за руки, мы вернулись к лодке. Подплывая к пляжу, мы слышали чьи-то голоса, которые звали нас по именам. Обогнув скалу, мы увидели Хью и Фиону, которые махали нам с берега. Даже издали было ясно — случилось что-то ужасное.

Мы привязали лодку и бросились к друзьям. Хью совсем запыхался, и пчелы возбужденно жужжали вокруг его головы.

— У нас беда! Пойдем скорее!

Времени спорить с ними у нас не было. Эмма надела платье поверх купальника, а я натянул на себя полные песка джинсы. Хью нерешительно посмотрел на меня.

— Я думаю, ему с нами нельзя, — произнес он. — Дело очень серьезное.

— Нет, Хью, — отрезала Эмма. — Птица была права. Он — один из нас.

Открыв от изумления рот, Хью посмотрел на нее, а затем перевел взгляд на меня.

— Ты ему *рассказала*?!

— У меня не было выхода. Да он и сам до всего уже дошел.

Мне показалось, что Хью неприятно поражен услышанным, но затем он обернулся и крепко пожал мне руку.

— В таком случае добро пожаловать в лоно семьи.

Я не знал, что ему ответить, и просто произнес:

— Спасибо.

По дороге к дому нам удалось выудить из Хью обрывки информации о том, что произошло, но большую часть пути мы молча бежали со всех ног. Когда мы остановились в лесу, чтобы передохнуть, он обернулся к нам.

— Около часа назад в дом влетела одна из подруг Птицы, тоже имбрина. Она была в состоянии ужасного возбуждения и подняла такой гвалт, что все повскакивали с постелей. Не успели мы понять, что же,

собственно, произошло, как она потеряла сознание, — в отчаянии ломая руки, рассказывал Хью. — О, я просто уверен, произошло что-то страшное.

— Надеюсь, ты ошибаешься, — ответила Эмма, и мы ринулись дальше.

* * *

В прихожей перед закрытой дверью гостиной сгрудились дети в ночных сорочках и пижамах. Они сидели вокруг зажженной керосиновой лампы и строили догадки относительно того, что могло произойти.

— Может, они забыли переустановить петлю? — прошептала Клэр.

— Бьюсь об заклад, что это были чудовища, — заявил Енох. — Наверняка они их всех съели и даже ботинок не оставили!

Клэр и Оливия зарыдали, закрыв личики ладошками. Гораций опустился возле них на колени и начал утешать:

— Ну, будет вам. Не слушайте вы Еноха с его бреднями. Все знают, что чудовища предпочитают молоденьких. Поэтому они и отпустили подружку мисс Сапсан. У нее вкус подсохшей кофейной гущи.

Оливия посмотрела на него сквозь растопыренные пальцы.

— А какой вкус у молоденьких?

— Вкус брусники, — уверенно и деловито заявил Гораций.

Девочки снова взвыли.

— Оставь их в покое! — возмутился Хью, и Гораций с воплями умчался вглубь коридора, преследуемый роем пчел.

— Что там у вас происходит? — послышался из гостиной голос мисс Сапсан. — Я слышу мистера Апистона. Где мисс Блум и мистер Портман?

Эмма съежилась и встревоженно посмотрела на Хью.

— Она знает?

— Когда она обнаружила, что тебя нет, то чуть не спятила. Решила, что тебя съели твари. Прости, Эм, я был вынужден ей сказать.

Эмма покачала головой, но выхода у нее тоже не было — надо было войти в гостиную и держать ответ. Фиона подняла руку в знак поддержки, и мы отворили дверь.

Комнату освещал лишь огонь камина, рассеивающий по стенам дрожащие тени. Бронвин ухаживала за лежащей в кресле старушкой, с головы до ног укутанной в одеяло и находящейся в полубессознательном состоянии. На лице девушки явственно читалась тревога. Мисс Сапсан сидела рядом на оттоманке и с ложки поила гостью какой-то темной

жидкостью.

При виде старушки Эмма застыла на месте.

— О Боже, — прошептала она, — это мисс Зарянка.

Только тут я понял, что передо мной изменившаяся почти до неузнаваемости дама с фотографии, которую показывала мне мисс Сапсан и на которой сама она была еще совсем юной девчонкой. Тогда мисс Зарянка показалась мне грозной и неустрашимой. Теперь она выглядела хрупкой и слабой.

На наших глазах мисс Сапсан поднесла к губам мисс Зарянки серебряную фляжку и слегка ее наклонила. На мгновение старшая имбрина оживилась и выпрямилась в кресле. У нее даже глаза заблестели. Но она тут же снова ослабела и обмякла.

— Мисс Брантли, — обратилась директриса к Бронвин, — приготовьте для мисс Зарянки постель, а потом принесите бутылку вина с кокой и еще одну фляжку бренди.

Бронвин с готовностью выскочила из комнаты, мрачно кивнув нам на ходу. Затем мисс Сапсан обернулась к нам.

— Вы чудовищно меня разочаровали, мисс Блум. Чудовищно. И надо же было умудриться сбежать именно сегодня ночью!

— Простите, мисс. Но как я могла знать, что сегодня случится что-то плохое?

— Мне следовало бы вас наказать, хотя, с учетом того, что произошло, в этом не будет никакого смысла. — Директриса подняла руку и пригладила седые волосы наставницы. — Мисс Зарянка ни за что не оставила бы своих подопечных, если бы не случилось чего-то из ряда вон выходящего.

От пылающего в камине огня у меня на лбу выступил пот, но мисс Зарянка продолжала дрожать. Неужели она умрет, спрашивал я себя, неужели трагическая сцена, разыгравшаяся между мной и моим дедом, повторится, только с участием мисс Сапсан и ее учительницы? Я снова вспомнил, как дрожал в моих объятиях умирающий дедушка. Я был испуган, растерян и бесконечно далек от истины в своих предположениях о том, кто есть кто. Но то, что происходило на моих глазах на этот раз, носило, по-видимому, совершенно другой характер. Мисс Сапсан всегда знала, кто она такая.

Возможно, я выбрал неудачный момент, но я был зол и остановиться уже не мог.

— Мисс Сапсан? — начал я. — Когда вы намеревались мне все рассказать?

Она уже собиралась спросить меня: «Что рассказать?», но перевела

взгляд на Эмму и прочитала ответ на ее лице. Мне показалось, что она рассердилась, но, увидев мою злость, тут же успокоилась.

— Скоро, юноша. Прошу тебя, пойми. Я не могла вывалить тебе на голову все сразу. Это было бы ужасным потрясением, и никто не знает, как бы ты повел себя. Ты мог бы сбежать с тем, чтобы уже никогда не вернуться. Я не имела права рисковать.

— Вместо этого вы принялись соблазнять меня вкусной едой, развлечениями и девочками, скрывая все темное и непривлекательное.

— *Соблазнять?* — ахнула Эмма. — Пожалуйста, не надо так обо мне думать. Я этого не вынесу.

— Боюсь, что у тебя сложилось о нас совершенно превратное представление, — покачав головой, ответила мисс Сапсан. — Что касается соблазнения... То, что ты видел, это наша каждодневная жизнь. Тебя никто не обманывал. Просто до поры до времени тебя не знакомили с некоторыми фактами.

— Хорошо, вот вам факт, — заявил я. — Одно из *этих* созданий убило моего деда.

Несколько секунд мисс Сапсан молча смотрела на огонь.

— Мне очень грустно это слышать.

— Я видел его собственными глазами. Когда я рассказал об этом другим, они попытались убедить меня в том, что я сошел с ума. Но я не был сумасшедшим, как и мой дедушка. Он всю жизнь говорил мне правду, а я ему не верил. — Меня захлестнула волна стыда. — Если бы я ему поверил, может, он все еще был бы жив.

Мисс Сапсан увидела, что я едва держусь на ногах, и предложила мне присесть на стул рядом с мисс Зарянкой.

Я сел, а Эмма опустилась на колени рядом со мной.

— Должно быть, Эйб знал, что ты тоже странный, — произнесла она. — И у него, наверное, были причины для того, чтобы хранить это от тебя в тайне.

— Он действительно знал, — вмешалась мисс Сапсан. — Он писал мне об этом.

— Тогда я ничего не понимаю. Если все его истории были правдивыми и если дед знал, что я такой же, как он, почему он заговорил об этом только в последние минуты своей жизни?

Мисс Сапсан влила еще немного бренди в рот мисс Зарянки, которая застонала и приподнялась, прежде чем снова откинуться на спинку кресла.

— Могу только предположить, что он хотел тебя защитить, — произнесла директриса. — Наша жизнь полна лишений и испытаний.

Жизнь Эйба была вдвойне тяжелой, потому что он родился евреем в очень трудное время. Он подвергся двойному геноциду: как еврей — со стороны нацистов и как странный человек — со стороны чудовищ. Его терзала мысль о том, что он прячется здесь, пока его народ — а под этим словом он подразумевал как евреев, так и странных людей, — подвергается массовому уничтожению.

— Он часто говорил, что ушел на войну, чтобы сражаться с чудовищами, — кивнул я.

— Так оно и было, — подтвердила Эмма.

— Война окончилась поражением нацистов, но чудовища только окрепли, — продолжала мисс Сапсан. — Поэтому, как и многие странные люди, мы так и не покинули своего укрытия. Но твой дедушка стал совершенно другим человеком. Он стал воином и вознамерился построить свою жизнь за пределами петли. Он не желал больше прятаться.

— Я умоляла его не ехать в Америку, — добавила Эмма. — Мы все его об этом просили.

— Почему он избрал Америку? — спросил я.

— В те времена там было очень мало чудовищ, — ответила мисс Сапсан. — И потому после войны наблюдалось значительное переселение странных людей в Америку. На какое-то время многим из них удалось затеряться среди обычных людей, как, например, твоему дедушке. Он страстно мечтал о том, чтобы стать обычным человеком, живущим обычной жизнью. Он часто писал об этом в своих письмах. Я уверена, что именно поэтому Эйб так долго скрывал от тебя правду. Он хотел, чтобы ты осуществил то, что не удалось ему.

— Он надеялся, что я стану обычным, — закончил за нее я.

Мисс Сапсан кивнула.

— Ему не удалось избежать последствий своей необычности. Его уникальный дар, а также умение охотиться на чудовищ, отточенное во время войны до совершенства, сделали его слишком ценным. Его часто призывали к действию, прося помочь уничтожить опасные скопления чудовищ. А природа его была такова, что он очень редко отказывал тем, кто обращался к нему с подобными просьбами.

Я вспомнил, как часто и надолго дедушка Портман уезжал на охоту. У нас хранилась фотография, сделанная во время одной из таких вылазок, хотя я не понимал, кто мог ее сделать, поскольку он всегда уезжал один. Но в детстве я считал этот снимок ужасно забавным, потому что на нем дедушка одет в костюм. Кто надевает костюм, собираясь на охоту?

Теперь я знал ответ. Тот, кто охотится вовсе не на животных.

Меня глубоко тронуло это новое представление о дедушке: не как о человеке, маниакально увлеченном оружием, и не как о тайном волоките, по собственной прихоти бросавшем семью на произвол судьбы. Но как о странствующем рыцаре, который рисковал своей жизнью ради спасения других, ночевал в машинах и дешевых мотелях, подстерегал смертельно опасные тени, возвращался домой с кровоподтеками, появление которых был не в состоянии объяснить, и воспоминаниями о кошмарах, которыми ни с кем не мог поделиться. А в награду за приносимые им жертвы видел только насмешки и подозрение со стороны тех, кого любил. Наверное, поэтому он писал так много писем Эмме и мисс Сапсан. Они его понимали.

Вернулась Бронвин, неся графин с вином и флягу с бренди. Мисс Сапсан отправила ее отдыхать, а сама начала смешивать ингредиенты в чашке. Затем она осторожно похлопала мисс Зарянку по бледной щеке.

— Эсмерельда, — позвала она, — Эсмерельда, очнись и выпей вот это.

Мисс Зарянка застонала, и верная ученица подняла чашку к ее губам. Старушка сделала несколько глотков. И хотя она тут же закашлялась, большая часть жидкости все же проскользнула ей в горло. На мгновение она застыла, как будто собираясь снова впасть в ступор, но потом неожиданно выпрямилась, а ее лицо прояснилось.

— О Господи, — хрипло прошептала она. — Я что, заснула? Как некрасиво! — Она удивленно огляделась, как будто мы только что возникли

из небытия. — Алма, это ты?

Мисс Сапсан принялась массировать костлявые руки пожилой женщины.

— Эсмерельда, ты прилетела к нам глухой ночью, проделав долгий путь. И признаюсь, всех нас ужасно напугала.

— Неужели? — Мисс Зарянка сощурилась и нахмурила лоб, сосредоточив взгляд на тенях, мелькающих на противоположной стене. Потом на ее лице появилось затравленное выражение. — Да, — произнесла она. — Я прилетела, чтобы предостеречь вас, Алма. Вы должны быть настороже. Я не хочу, чтобы вас застали врасплох так же, как нас.

Мисс Сапсан перестала массировать ее руки.

— Кто застал вас врасплох?

— Это могли сделать только твари. Двое мужчин пришли среди ночи под видом членов Совета. В Совете, разумеется, нет мужчин, но им удалось одурачить моих бедных заспанных воспитанников, связать их и утащить прочь.

— О, Эсмерельда, — ахнула мисс Сапсан.

— Мы с мисс Коноплянкой проснулись от их отчаянных криков, — продолжала старушка, — и обнаружили, что твари забаррикадировали все двери. Когда нам удалось выбраться наружу, они уже покинули петлю. Мы последовали за ними на другую сторону, но там нас уже поджидала целая толпа чудовищ. Они с воем напали на нас...

Мисс Зарянка замолчала, глотая слезы.

— А дети?

Бедняжка затрясла головой. Ее глаза стали пустыми и безжизненными.

— Дети были всего лишь приманкой, — прошептала она.

Эмма взяла меня за руку и крепко сжала мои пальцы. В свете камина щеки мисс Сапсан блестели от слез.

— Им были нужны мисс Коноплянка и я. Мне удалось бежать, но мисс Коноплянке повезло меньше.

— Ее убили?

— Нет, похитили. Так же, как мисс Крапивник и мисс Синицу. Твари вторглись к ним около двух недель назад. Алма, они похищают имбрин. Это похоже на организованную операцию. Мне страшно представить себе, с какой целью это все делается.

— Они и за нами придут, — тихо произнесла мисс Сапсан.

— Если смогут вас найти, — возразила мисс Зарянка. — Вы спрятались лучше других, Алма, но вы должны быть начеку.

Мисс Сапсан кивнула. Старушка беспомощно смотрела на свои

дрожащие руки, похожие на подбитые крылья птицы.

— О, мои бедные детки! — Ее голос сорвался. — Молитесь за них. Они остались совсем одни.

Она отвернулась и разрыдалась.

Мисс Сапсан поплотнее укутала плечи старушки одеялом и встала. Мы вышли из комнаты вслед за ней, оставив мисс Зарянку наедине с ее горем.

* * *

Мы увидели, что все дети собрались у двери гостиной. Может, они услышали и не все из того, что рассказывала мисс Зарянка, но явно достаточно — это было видно по их встревоженным лицам.

— Бедная мисс Зарянка! — захныкала Клэр.

Ее губы задрожали.

— Бедные дети, — добавила Оливия.

— Скажите, мисс, они теперь придут за нами? — спросил Гораций.

— Нам понадобится оружие! — воскликнул Миллард.

— Топоры! — добавил Енох.

— Бомбы! — вставил Хью.

— Прекратите немедленно! — закричала мисс Сапсан, поднимая руки, чтобы заставить их умолкнуть. — Нам всем необходимо сохранять спокойствие. Да, то, что произошло с мисс Зарянкой, — очень трагично, но эта трагедия вовсе не обязательно повторится здесь. Тем не менее нам надо быть настороже. С этого момента вы будете выходить за пределы дома только с моего позволения и только по двое. Заметив незнакомого человека, вы должны немедленно известить меня. Эти и другие меры предосторожности мы обсудим утром. А теперь — немедленно спать! Сейчас не время устраивать собрания.

— Но мисс... — начал Енох.

— Спать!

Дети поспешили разойтись по своим комнатам.

— А что касается вас, мистер Портман, то мне совершенно не нравится мысль о том, что вы разгуливаете в одиночку. Я думаю, вам было бы лучше остаться, во всяком случае пока не уляжется этот переполох.

— Я не могу просто взять и исчезнуть. Папа сойдет с ума.

Она нахмурилась.

— Тогда останьтесь хотя бы до утра. Я настаиваю.

— Хорошо, но только если вы расскажете мне все, что вам известно о существах, убивших моего дедушку.

Она наклонила голову, разглядывая меня так, будто я ее позабавил.

— Хорошо, мистер Портман, я не стану препятствовать вашему желанию все узнать. Располагайтесь на диване и отдыхайте, а утром мы все обсудим.

— Мы обсудим это сейчас. — Я ждал правды целых десять лет. И не мог больше ждать ни единой минуты. — Прошу вас.

— Временами, молодой человек, вы рискуете переступить тонкую грань, отделяющую очаровательную настойчивость от несносного упрямства. — Она обернулась к Эмме. — Мисс Блум, вы не могли бы принести мою фляжку с кокаиновым вином? Похоже, сегодня мне спать не придется, а значит, я должна себя хоть чем-то побаловать.

* * *

Кабинет располагался слишком близко к спальням детей и, следовательно, не годился для обстоятельных ночных бесед. Поэтому мы с директрисой удалились в небольшую теплицу на опушке леса и расположились среди розовых кустов на перевернутых цветочных ящиках, поставив керосиновый фонарь на траву. За стеклянными стенами теплицы все еще царила ночь. Мисс Сапсан извлекла из кармана трубку и наклонилась, чтобы прикурить от пламени фонаря. Она немного посидела в задумчивости, делая глубокие затяжки и выпуская кольца голубоватого дыма, а затем начала свой рассказ.

— В древности люди ошибочно принимали нас за богов, хотя мы, странные люди, так же смертны, как и все остальные. Временные петли всего лишь отодвигают неизбежное, а цена, которую мы платим за их использование, весьма высока, поскольку нам приходится навсегда расставаться с беспрестанно движущимся вперед настоящим. Как ты уже знаешь, те, кто живет во временной петле достаточно давно, могут лишь ненадолго высовывать из нее нос, заглядывая в настоящее. В противном случае они мгновенно увянут и умрут. Так заведено с незапамятных времен.

Сделав еще одну затяжку, она продолжала:

— Сравнительно недавно, в конце прошлого века, небольшая группировка странных людей выдвинула ряд опасных идей и начала прилагать усилия к их осуществлению. Они считали, что

функционирование петель времени можно изменить таким образом, что они обеспечат своих обитателей самым настоящим бессмертием и, вместо того чтобы просто отодвигать старость, обернут процесс старения вспять. Они говорили о вечной молодости, которой странные люди смогут наслаждаться и за пределами временных петель. Они хотели беспрепятственно путешествовать из будущего в прошлое и обратно, не испытывая на себе побочных эффектов, всегда сопутствующих подобной безответственности. Другими словами, они хотели подчинить себе как время, так и смерть. Затея эта была абсолютной ерундой, основанной на отрицании основополагающих законов бытия, царящих во вселенной!

Она резко выдохнула дым и помолчала, чтобы дать себе время успокоиться.

— Итак. Мои братья оба были весьма одаренными, но напрочь лишенными здравого смысла молодыми людьми. Их увлекла эта идея. У них даже хватило наглости обратиться ко мне за помощью в ее осуществлении. Я объяснила им, что речь идет о превращении людей в богов, а значит, о совершенно неосуществимой затее. Но даже если бы эта цель была достижима, я считала подобное предприятие недопустимым. Но они ничего не хотели слышать. Они выросли в окружении имбрин, проходивших обучение под началом мисс Зарянки, и были осведомлены о нашем уникальном искусстве больше других представителей мужского пола. Выяснилось, что они знают более чем достаточно, чтобы представлять собой серьезную опасность. Невзирая на предостережения и даже угрозы со стороны Совета, летом 1908 года мои братья в числе двух-трех сотен членов этой предательской группировки, — в которую также входило несколько довольно сильных имбрин, предавших наши идеалы, — удалились в сибирскую тайгу для осуществления своего богомерзкого эксперимента. В качестве места его проведения они избрали старую безымянную петлю, которую уже много веков никто не использовал. Мы ожидали, что уже через неделю они вернутся, поджав хвосты. Но наказание, которое эти люди понесли за свою дерзость, оказалось гораздо более драматичным. Они произвели чудовищный взрыв, от которого задребезжали окна даже на Азорских островах. Все, кто находился в радиусе трехсот километров от взрыва, решили, что наступил конец света. Мы были уверены, что этот омерзительный катаклизм, выполнив роль их последнего земного деяния, убил их всех.

— Но они выжили, — высказал предположение я.

— В определенном смысле, да. В результате взрыва они обрели новое состояние, которое многие называли бы вечным проклятием... Несколько

недель спустя произошла серия нападений на странных людей. Атаки осуществляли жуткие создания, которых (не считая их теней) могли видеть лишь немногие, наделенные даром, подобным твоему, Джейкоб. Это и были наши самые первые столкновения с чудовищами, которых мы прозвали *пустотами*. Нам потребовалось некоторое время, чтобы понять: эти мерзкие существа с щупальцами в глотках — не кто иной, как наши своенравные братья, выползшие из дымящегося кратера, который образовался в результате их эксперимента. Вместо того чтобы превратиться в богов, они стали дьяволами.

— Что же пошло не так, в чем была их ошибка?

— Это до сих пор является предметом споров. Мы склонны предполагать, что, обращая свой возраст вспять, они попали в те времена, когда не были зачаты даже их души. Поэтому мы и называем их пустотами — их сердца, их души пусты. Жестокая ирония заключается в том, что они действительно обрели бессмертие, к которому так стремились. Считается, что пустоты могут жить тысячи лет, но жизнь их — это унижительное, убогое существование, наполненное постоянными физическими терзаниями. Они питаются бродячими животными и живут в полной изоляции. К тому же они испытывают неутолимый голод, беспрестанно нуждаясь в плоти тех, кто некогда был им близок. Наша кровь является их единственным шансом на спасение. Если пустота выпьет определенное количество крови странных людей, она превращается в тварь.

— Я уже слышал это слово, — заметил я. — При знакомстве Эмма обвинила меня в том, что я один из них.

— На ее месте я бы тоже так подумала.

— Так кто же они?

— Если жизнь пустот — это ад, и сомневаться в этом не приходится, то, становясь тварями, они будто возвращаются в чистилище. Твари обычны в том смысле, что не обладают способностями странных людей. Но, имея человеческий облик, они вынуждены жить в услужении у своих братьев-пустот, выступая в качестве шпионов и добытчиков плоти. Такова иерархия этого проклятого народа, стремящегося превратить всех пустот в тварей, а всех странных людей в трупы.

— Но что им мешает? — удивился я. — Если они сами когда-то были странными людьми, то должны знать, где вы прячетесь.

— К счастью, они, похоже, не сохранили память о своей прошлой жизни. Но хотя твари не так сильны, как пустоты, и имеют менее пугающий облик, они не менее опасны. В отличие от пустот они руководствуются не только инстинктом, и им нередко удается смешаться с

толпой. Их трудно отличить от обычных людей, хотя определенные признаки все же существуют. К примеру, их глаза. У тварей нет радужки и зрачков.

У меня по спине поползли мурашки. Я вдруг вспомнил белоглазого мужчину, поливавшего неухоженную лужайку возле дедушкиного дома в день его смерти.

— Я, кажется, видел одного из них, но принял его за слепого старика.

— В таком случае ты гораздо наблюдательнее большинства людей, — кивнула мисс Сапсан. — Твари искусно маскируются. Они умеют принимать облики, не привлекающие особого внимания окружающих: гражданин в сером костюме, расположившийся рядом с тобой в поезде; нищий, выпрашивающий монетки у прохожих; ничем не приметное лицо в идущей навстречу толпе. Впрочем, некоторые из них сознательно подвергают себя риску, занимая довольно заметные в обществе посты. С целью получить доступ к максимальному количеству людей или обрести над ними определенную власть, эти твари становятся врачами, политиками, священниками. Это облегчает им задачу обнаружения странных людей, скрывающихся среди людей обычных подобно Эйбу.

Мисс Сапсан взяла фотоальбом, который захватила с собой из дома, и начала перелистывать его страницы.

— Мы размножали эти снимки и распространяли среди странных людей по всему миру, — пояснила она. — Это своего рода постеры с подписью «Разыскивается». Посмотри сюда. — Она указала на фотографию двух девочек, сидящих верхом на чучеле оленя, между рогами которого выглядывал жутковатого вида Санта-Клаус с белыми глазами. — Вот этого мы обнаружили в одном из американских супермаркетов, где он работал в период рождественских праздников. За короткий промежуток времени ему удалось вступить во взаимодействие с огромным количеством детей. Пользуясь своим положением, он прикасался к ним и задавал множество вопросов, что позволяло ему выявлять в них признаки странности.

Она перевернула страницу и показала мне фото зубного врача садистского вида.

— Вот этот работал стоматологом-хирургом. Я бы не удивилась, если бы узнала, что демонстрируемый им череп некогда принадлежал одной из его жертв.

Она снова перевернула страницу, и моему взгляду предстал снимок маленькой девочки, присевшей на корточки перед приближающейся к ней тенью.

— Это Марси. Она покинула нас тридцать лет назад, чтобы поселиться в обычной семье, живущей далеко за городом. Я умоляла ее остаться, но она была непоколебима. В скором времени ее похитила тварь, воспользовавшись моментом, когда Марси ожидала школьный автобус. На месте исчезновения девочки был обнаружен фотоаппарат с этим снимком внутри.

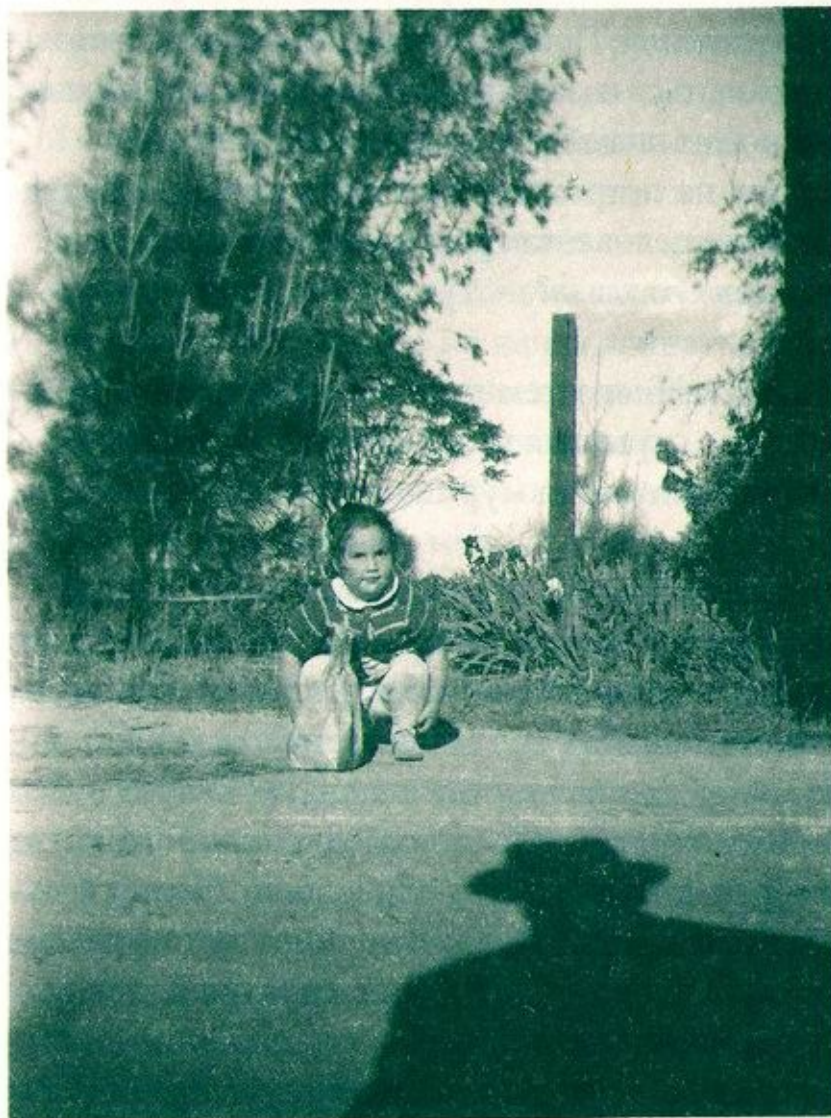
— Кто его сделал?

— Сама тварь. Они обожают всевозможные драматизации и часто подбрасывают нам разные мучительные сувениры.

Я разглядывал снимки, ощущая, как где-то глубоко внутри зарождается и крепнет уже знакомый мне ужас.

Когда я почувствовал, что больше не могу смотреть на эти фотографии, я закрыл альбом.

— Я рассказываю тебе все это, потому что ты имеешь полное право это знать, — произнесла мисс Сапсан, — а также потому, что мне нужна твоя помощь. Ты единственный из нас, кто может выйти из петли, не привлекая к себе внимания и не вызывая подозрений. Пока ты с нами, но настаиваешь на том, чтобы возвращаться назад, ты можешь следить за появлением на острове новых людей и рассказывать о них мне.

— На днях на остров прибыл один тип, — произнес я, вспомнив о птицелове, так расстроившем папу.

— Ты видел его глаза? — тут же поинтересовалась мисс Сапсан.

— Не думаю. Было темно, и он нахлобучил большую шляпу, которая скрывала верхнюю часть его лица.

Моя собеседница нахмурилась, покусывая костяшки пальцев.

— А что? Вы думаете, это мог быть один из них?

— Невозможно сказать наверняка, не увидев его глаз, — ответила она, — но меня очень беспокоит мысль о том, что они могли последовать за тобой на этот остров.

— Кто мог за мной сюда последовать? Твари?

— Да. Возможно, это был «сосед», которого ты видел в день смерти дедушки. Это объясняло бы, почему они предпочли сохранить тебе жизнь. Они могли рассчитывать на то, что ты приведешь их к гораздо более важной добыче, показав им это место.

— Но как они могли узнать, что я странный, если я сам этого не знал?

— Если они знали о твоём дедушке, можешь не сомневаться, они знали и о тебе.

Я подумал о многочисленных возможностях, которыми они располагали, если бы хотели меня убить. После смерти дедушки Портмана я часто ощущал их близость. Что, если они действительно за мной следили, ожидая, что я сделаю именно то, что сделал, приехав сюда?

Я потрясенно опустил голову на колени.

— Вы не могли бы дать мне глоток своего вина? — шепотом попросил я.

— Разумеется, нет.

Внезапно я ощутил, что у меня в груди все сжимается, завязываясь в тугую узел.

— Я еще буду когда-нибудь в безопасности? — спросил я.

Мисс Сапсан коснулась моего плеча.

— Здесь тебе ничто не угрожает, — ответила она. — И ты можешь жить с нами, сколько пожелаешь.

Я попытался заговорить, но начал заикаться, и мне удалось выдать из себя лишь несколько обрывочных слов:

— Но я... Я не могу... Мои родители...

— Может, они тебя и любят, — прошептала в ответ мисс Сапсан, — но они никогда тебя не поймут.

* * *

К тому времени как я вошел в поселок, солнце уже отбрасывало первые косые лучи на его улицы; ночные гуляки, неохотно волоча ноги домой, обнимали встречные фонарные столбы; рыбаки, обутое в тяжелые

черные сапоги, держали путь к бухте, а мой отец начинал подавать первые признаки жизни, пробуждаясь от тяжелого сна. Он встал с кровати в тот самый момент, когда я, не снимая облепленных песком джинсов и футболки, забрался в свою постель. Едва я успел укрыться, как он приотворил дверь и заглянул в мою комнату.

— Ты в порядке?

Я застонал и отвернулся, и он тихонько вышел. Проснувшись ближе к вечеру, я нашел на столе общей комнаты сочувственную записку и упаковку таблеток от гриппа. Я улыбнулся и вместе с тем испытал легкий приступ вины за то, что вынужден ему лгать. А потом начал волноваться из-за того, что он бродит в одиночестве по пустошам, вооруженный только биноклем и блокнотом, вполне возможно — в обществе безумца, убивающего местных овец.

Протерев глаза, я накинул дождевик и совершил обход поселка, после чего осмотрел прилегающие к нему утесы и пляжи в надежде увидеть либо отца, либо подозрительного орнитолога, но не нашел ни того, ни другого. Уже смеркалось, когда я вернулся в «Тайник Священников», где с облегчением увидел отца. Он потягивал пиво в компании завсегдатаев бара и, судя по количеству окружающих его бутылок, вернулся в паб довольно давно.

Я сел рядом с ним и спросил, не видел ли он бородатого птицелова. Папа отрицательно покачал головой.

— Если увидишь, сделай мне одолжение, держись от него подальше, — попросил я его.

— Почему? — спросил отец, настороженно покосившись на меня.

— Не нравится он мне, и точка. Что, если он псих? Что, если это он убил тех овец?

— Откуда у тебя такие странные мысли?

Я хотел ему рассказать. Я хотел все ему объяснить. Чтобы он меня понял и дал мудрый родительский совет. В тот миг мне остро захотелось, чтобы время повернуло вспять, отбросив нас к тому моменту, когда я еще не нашел письма мисс Сапсан, был обычным, почти нормальным сынком богатых родителей и имел рядовые проблемы. Однако я сидел рядом с отцом и разговаривал с ним ни о чем. Я пытался вспомнить, какой была моя жизнь в ту безвозвратно ушедшую эпоху, которая окончилась четыре недели назад; или представить, какой она будет через четыре недели. Как бы то ни было, у меня ничего не вышло.

В конце концов разговоры ни о чем окончательно себя исчерпали и я отправился к себе, чтобы побыть в одиночестве.

Глава десятая

В ночь с понедельника на вторник я узнал, что все мои представления о себе ошибочны. В воскресенье утром нам с отцом предстояло собрать вещи и покинуть Кэрнхолм. На то, чтобы принять решение, в моем распоряжении было всего несколько дней. Остаться или уезжать? Оба варианта казались мне неприемлемыми. Как мог я остаться здесь, начисто позабыв обо всем, чем жил раньше? Но и вернуться домой после всего, что я узнал на острове, представлялось немыслимым.

Хуже того, мне было абсолютно не с кем посоветоваться. О разговоре с папой нечего было и думать. Эмма часто и страстно уговаривала меня остаться в петле времени, совершенно не учитывая того, что это подразумевало полный отказ от моей предыдущей жизни (какой бы убогой она мне ни казалась). Она также не желала думать о том, что сделает с моими родителями внезапное и необъяснимое исчезновение единственного ребенка, и принимать в расчет удушающую скуку, от которой в петле страдали все без исключения. «Если ты будешь здесь, все будет намного лучше», — говорила она.

От мисс Сапсан толку было еще меньше. Ее единственный ответ заключался в следующем: она не может принимать за меня подобные решения. Хотя все, чего я хотел, это обсудить все «за» и «против». Тем не менее мне было ясно — она хочет, чтобы я остался. Мисс Сапсан не только считала, что это в моих собственных интересах, но и заботилась о безопасности всех остальных. Однако меня не вдохновляла перспектива на всю жизнь превратиться в их сторожевого пса. (Я подозревал, что дедушка испытывал сходные чувства, и это стало одной из причин, по которым он отказался возвращаться на остров после войны.)

Жизнь со странными детьми также означала, что я не окончу школу, не поступлю в колледж и вообще не сделаю больше ничего из того, что, как правило, делают нормальные люди в процессе взросления. В этом месте я обычно напоминал себе, что *не отношусь* к нормальным людям. К тому же я превратился в объект охоты, и это гарантировало мне весьма непродолжительную жизнь за пределами петли. Остаток своих дней мне предстояло провести, беспрестанно оглядываясь через плечо, мучаясь ночными кошмарами и ежесекундно ожидая нападения. Все это обещало быть страшнее, чем невозможность закончить колледж.

И тут я задавался вопросом: а не существует ли третий вариант?

Почему я не могу стать таким, как дедушка Портман, который пятьдесят лет успешно жил вне петли да еще и уничтожал пустот. Но в ответ на этот вопрос в моей голове включался издевательский голос:

Он прошел подготовку в армии, тупица. Он стал хладнокровным отморожком. У него был полный чулан обрезов. По сравнению с тобой твой дед был настоящим Рембо.

«Я мог бы записаться на уроки стрельбы, — пыталась отбиваться оптимистически настроенная часть моего рассудка. — Брать уроки карате, ходить в тренажерный зал».

Ты шутишь? Да ты даже в школе не мог за себя постоять! Тебе пришлось нанять собственного телохранителя. И даже если ты в кого-нибудь прицелишься, то скорее намочишь штаны, чем выстрелишь.

«Ничего подобного!»

Ты слабак! Ты неудачник! Поэтому он и не говорил тебе, кто ты на самом деле. Он знал, что тебе это не по плечу.

«Заткнись. Заткнись».

Я спорил сам с собой целыми днями, будучи не в состоянии принять решение. Уйти или остаться? Я был одержим этим вопросом без ответа.

Между тем папа окончательно остыл к идее написать книгу. Чем меньше он работал, тем меньше верил в успех, а чем меньше он верил в успех, тем больше времени проводил в баре. Я никогда не видел, чтобы он так пил — по шесть или семь бутылок пива за вечер. И я не хотел находиться рядом с ним, когда он был в таком состоянии. Он мрачнел и либо хранил угрюмое молчание, либо принимался рассказывать мне то, чего я не желал знать.

— Твоя мама все равно рано или поздно от меня уйдет, — заявил он однажды вечером. — Если мне в ближайшее время не удастся что-нибудь предпринять, она и в самом деле может уйти.

Я начал его избегать. Но не уверен, что он это заметил. Мне стало удручающе легко лгать ему о своих перемещениях.

Тем временем мисс Сапсан практически посадила всех странных детей под замок. Казалось, в доме и окрестностях действует закон военного времени с трибуналом, чрезвычайным положением и прочей атрибутикой. Дети помладше не могли никуда выйти без сопровождения. Старшие ходили парами. Мисс Сапсан настаивала на том, что она должна знать, кто и где находится. От нее стало трудно получить разрешение даже на то, чтобы просто выйти во двор.

Часовые круглосуточно охраняли оба входа в дом, сменяя друг друга каждые несколько часов. В любое время дня и большую часть ночи из окон

выглядывали скучающие физиономии. Стоило им заметить, что кто-то приближается к дому, как они дергали за цепочку, и в комнате мисс Сапсан звонил колокольчик. Это означало, что, когда бы я ни пришел, она ожидала меня у входа с тем, чтобы учинить мне очередной допрос. Что происходит за пределами петли? Не заметил ли я чего-нибудь странного? Уверен ли, что за мной не следили?

Не было ничего удивительного в том, что у детей понемногу начинала съезжать крыша. Младшие стали буйными и непослушными, старшие хандрили и роптали на новые правила, причем достаточно громко для того, чтобы их услышали. В пространстве то и дело раздавались шумные вздохи, зачастую служившие единственным признаком того, что в комнату вошел Миллард. Пчелы Хью собирались в рой и нападали на всех подряд. В конце концов их изгнали из дома, после чего Хью стал проводить все свое время возле окна, стекло которого снаружи было облеплено пчелами.

Оливия заявила, что потеряла свои утяжеленные туфли, и взяла привычку ползать по потолку, как муха, роняя на людей зернышки риса. Когда они поднимали голову и замечали ее, она начинала хохотать так безудержно, что ее способность к левитации давала сбой и ей приходилось хвататься за люстру или карниз для штор, чтобы не свалиться вниз.

Но самым странным было поведение Еноха, удалившегося в свою лабораторию в подвале для проведения хирургических операций на своих глиняных солдатах. Результат этих экспериментов заставил бы содрогнуться даже доктора Франкенштейна. Енох ампутировал руки и ноги у двух солдат, чтобы превратить третьего гомункула в некое подобие жуткого человека-паука, или втискивал четыре куриных сердца в одну грудную клетку в попытке создать глиняного супермена с неистощимым запасом энергии. Одно за другим маленькие серые тельца в изнеможении падали и замирали, и вскоре подвал начал напоминать полевой госпиталь времен Гражданской войны.

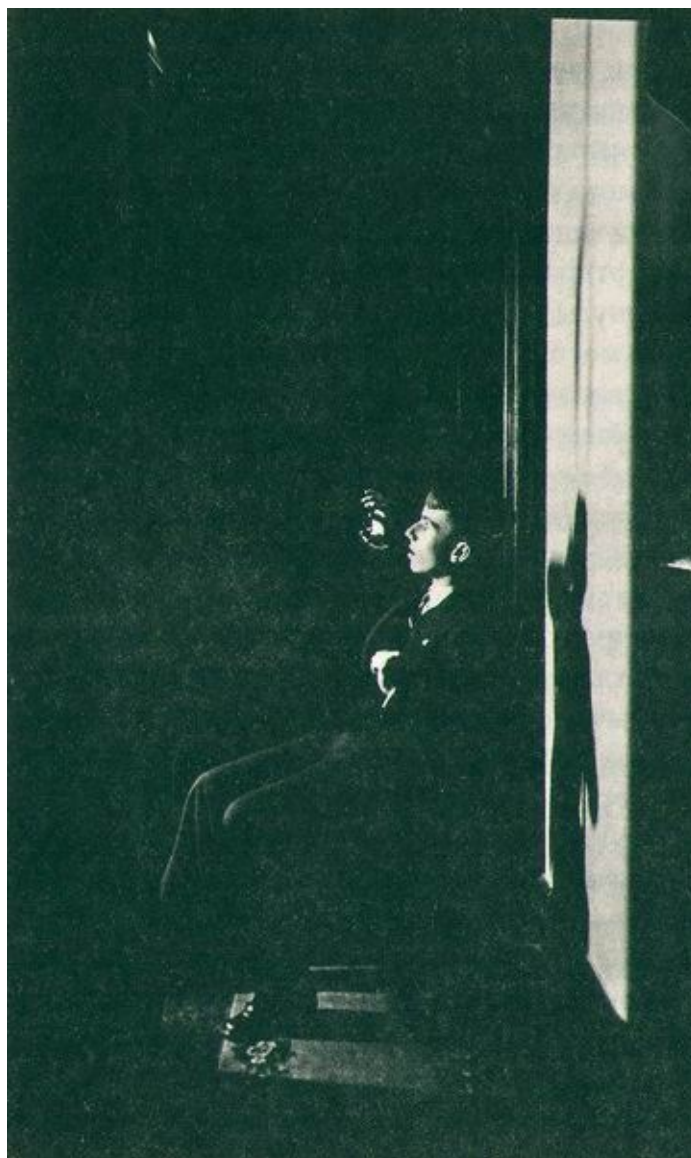
Что касается мисс Сапсан, то она находилась в постоянном движении: беспрестанно курила и хромала из комнаты в комнату, пересчитывая детей, как будто опасалась, что они в любую секунду могут исчезнуть. Мисс Зарянка все еще была здесь. Время от времени она как будто приходила в себя и принималась бродить по дому, призывая своих бедных покинутых питомцев. Потом силы ее оставляли и она опускалась на пол, ее поднимали и относили обратно в постель. Все активно обсуждали трагические испытания, выпавшие на долю мисс Зарянки, выдвигая различные теории относительно того, зачем пустотам понадобилось похищать имбрин. Одни предполагали, что чудовища вместе с тварями задумали создать самую

большую временную петлю в истории, способную поглотить всю планету. Другие были безосновательно оптимистичны, утверждая, что имбрины понадобились пустотам в качестве компаньонов, ведь жизнь пожирателя душ протекает в чудовищном одиночестве.

В конце концов в доме воцарилась унылая тишина. Проведя в заточении целых два дня, все впали в апатию. Мисс Сапсан твердо верила в то, что единственным средством от депрессии является соблюдение распорядка дня, и пыталась увлечь всех ежедневными уроками, приготовлением еды, уборкой дома, и без того сверкающего чистотой... Но дети машинально исполняли все ее распоряжения, после чего тяжело опускались в кресла и безрадостно пялились в закрытые окна, листали зачитанные до дыр книги или спали.

Я ни разу не видел, как действует своеобразный талант Горация, пока однажды вечером, стоя в карауле в мансарде, он не начал кричать. Я и еще несколько детей бросились наверх и увидели, что он в напряженной позе застыл на стуле и как будто смотрит страшный сон, в ужасе хватая руками воздух. Вначале его крики были совершенно нечленораздельны, но потом он начал говорить что-то о кипящих морях, о пепле, что дождем сыплется с неба, и бесконечном покрывале дыма, окутавшем всю землю. Всего за несколько минут подобных апокалиптических видений он совсем выбился из сил и забылся беспокойным сном.

Мои спутники все это наблюдали уже не раз. Видения посещали Горация достаточно часто, для того чтобы в альбоме мисс Сапсан появились фотографии. Во всяком случае дети знали, как вести себя в данной ситуации. Под руководством директрисы они поднимали мальчика за руки и за ноги и отнесли в постель. Когда несколько часов спустя Гораций проснулся, он заявил, что ничего не помнит и что сны, которые он не помнит, редко сбываются. Остальные охотно приняли это объяснение, потому что им и без того хватало поводов для беспокойства. Я же чувствовал, что он чего-то недоговаривает.

Если кто-то исчезает в таком крохотном городке, как Кэрнхолм, это не может остаться незамеченным. Поэтому, когда в среду утром Мартин не открыл музей, а вечером не заглянул по своему обыкновению пропустить перед сном стаканчик, люди заволновались, не заболел ли он. Жена Кева пошла его навестить и увидела, что входная дверь его домика открыта настежь, бумажник и очки лежат на кухонном столе, но самого хозяина в доме нет. И тут люди забили тревогу. На следующий день (Мартин так и не объявился) группа мужчин отправилась осматривать сараи и заглядывать под перевернутые лодки, обходя места, где холостой любитель выпить мог бы отсыпаться, перебрав бренди. Но только они начали свои поиски, как коротковолновая радиостанция приняла сообщение: тело Мартина выловили из океана.

Я был в пабе с отцом, когда туда пришел обнаруживший беднягу

рыбак. Едва перевалило за полдень, но ему из принципа налили бокал пива, и через несколько минут он уже рассказывал свою историю.

— Я выбирал сети у мыса Бакланов, — начал он. — Они были очень тяжелыми, и это показалось мне странным, потому что обычно я вылавливаю там креветок и прочую мелочевку. Я уж было решил, что зацепился за краболовку, и, схватив багор, начал шарить им под лодкой. И тут почувствовал, что там что-то есть. — Мы все подались вперед, как будто слушали страшную историю в каком-то жутком детском саду. — Это был Мартин. Выглядело все так, будто он свалился с утеса и попал в зубы акулам. Один Господь ведает, что он делал среди ночи на утесах в домашнем халате и трусах.

— Он не был одет? — спросил Кев.

— Он был одет для чтения в постели, — ответил рыбак. — Но не для прогулки под дождем.

Все поспешно пробормотали успокоительные молитвы и принялись строить различные предположения. Спустя несколько минут паб превратился в сборище пьяных коллег Шерлока Холмса.

— Он был пьян, — заявил один из завсегдатаев.

— А если он вышел на утесы, то мог увидеть убийцу овец и погнаться за ним, — предположил другой.

— А как насчет того странного нового типа? — напомнил всем рыбак, нашедший тело Мартина. — Того, в палатке.

Папа выпрямился на стуле и вступил в разговор.

— Я с ним столкнулся, — сообщил он, — позавчера вечером.

Я удивленно обернулся к нему.

— Ты мне ничего не говорил.

— Я шел в аптеку и спешил, чтобы успеть до закрытия, а этот парень шагнул в другую сторону, то есть из города. И тоже очень спешил. Я, проходя мимо, зацепил его плечом, просто так, чтобы позлить. Он остановился и уставился на меня. Пытался запугать. А я попер на него с вопросами — кто он, мол, такой и что тут делает. Я объяснил ему, что здесь принято о себе рассказывать.

Кев навалился грудью на барную стойку.

— И что же?

— Сначала мне показалось, что он хочет мне двинуть, но потом он просто развернулся и ушел.

Собеседники тут же засыпали моего отца вопросами: чем занимаются орнитологи, почему этот тип живет в палатке и так далее. Мне все это уже было известно. У меня был только один вопрос, который мне не терпелось

задать.

— Ты ничего странного в нем не заметил? Я имею в виду его лицо.

Отец на секунду задумался.

— Вообще-то, заметил. Он был в солнцезащитных очках.

— *Ночью?*

— Престранно, ты не находишь?

Я сглотнул подступившую к горлу тошноту и задался вопросом, не угрожало ли папе нечто гораздо худшее, чем обычная потасовка. Я знал, что должен как можно скорее рассказать об этом эпизоде мисс Сапсан.

— А, чушь собачья, — махнул рукой Кев. — На Кэрнхолме уже лет сто никто никого не убивал. Да и кому понадобилось бы убивать старину Мартина? В этом нет никакого смысла. Готов со всеми поспорить — когда придет результат вскрытия, там будет сказано, что он напился до чертиков.

— А вот это будет не скоро, — покачал головой рыбак. — На нас прет шторм. Самый сильный за последний год. Метеоролог сказал, что он задаст нам жару.

— Метеоролог, — фыркнул Кев. — Да этот придурок не знает погоды даже в текущий момент.

* * *

Склонные к пессимизму островитяне часто делали самые мрачные предсказания относительно того, что матушка-природа уготовила для Кэрнхолма. В конце концов, вся их жизнь находилась в полной власти стихий. Но на этот раз их самые худшие опасения оправдались сполна. Дождь и ветер, терзавшие остров всю последнюю неделю, в эту ночь превратились в тугое кольцо шторма, которое, взбивая море в зловещую пену, сомкнулось вокруг Кэрнхолма. Слухи о том, что Мартина убили, и жуткая погода заставили островитян замкнуться в своих домах так же, как это сделали дети в петле времени. Плотно закрыв ставнями окна и заперев двери на засовы изнутри, они отказывались покидать свои жилища. Лодки раскачивались на волнах, грохоча замками и цепями, но ни одна из них не покинула бухту. Выход в море в такую бурю означал бы самоубийство. А поскольку полиция с большой земли не могла забрать тело Мартина, пока море не успокоится, перед жителями поселка встал неприятный вопрос — что делать с трупом? В конце концов было решено отнести его в лавку рыботорговца, располагавшего самым большим на острове запасом льда, и положить в ванну вместе с лососем, треской и другой рыбой. Которую так

же, как и Мартина, выловили из моря.

Отец строго-настрого запретил мне покидать «Тайник Священников», что входило в полное противоречие с требованием мисс Сапсан докладывать обо всех странных происшествиях на острове. Более странного случая, чем загадочная смерть одного из жителей поселка, придумать было невозможно. Поэтому в этот вечер я притворился больным и заперся у себя в комнате, после чего вылез в окно и по водосточной трубе спустился на землю. Я оказался единственным, у кого не хватило здравого смысла оставаться в укрытии, — улицы были пустынные. Плотнo натянув на голову капюшон куртки, я бросился бежать по главной дороге, не опасаясь того, что меня кто-то заметит.

Когда я вошел в детский дом, мисс Сапсанхватило одного взгляда на меня, чтобы понять — что-то стряслось.

— Что случилось? — спросила она, впиваясь в меня покрасневшими от недосыпа и тревоги глазами.

Я рассказал ей абсолютно все, включая обрывочные факты и дошедшие до моих ушей слухи. Директриса побледнела. Схватив за руку, она притащила меня в гостиную, затем пригнала туда всех, кого смогла найти, после чего снова убежала разыскивать тех немногих, кто проигнорировал ее крики. Дети сгрудились в комнате, растерянно и встревоженно озираясь по сторонам.

Эмма и Миллард пристали ко мне с расспросами.

— Из-за чего она так паникует? — спросил парень.

Я шепотом рассказал им о смерти Мартина. Миллард шумно втянул в себя воздух, а Эмма озабоченно скрестила на груди руки.

— Что, все действительно так плохо? — спросил я. — То есть я хочу сказать, это ведь не могли сделать пустоты? Насколько я понял, они охотятся только за странными людьми, верно?

— Миллард, ты сам ему все расскажешь или это сделаю я? — застонав, ответила Эмма.

— Пустоты явно предпочитают странных людей и очень редко нападают на обычных. Но если у них нет выбора, они готовы жрать все, что угодно, лишь бы это было свежей плотью.

— По возрастающему количеству убийств можно определить, что поблизости промышляют пустоты, — добавила Эмма. — Поэтому они ведут в основном кочевой образ жизни. Если бы они постоянно не меняли место жительства, их было бы очень легко выследить и уничтожить.

— И как часто они это делают? — спросил я, чувствуя, что у меня по спине ползет холодок. — То есть я хотел спросить, могут ли они

обходиться без пищи?

— О, они едят очень часто, — со вздохом ответил Миллард. — Главной задачей тварей является обеспечение пустот едой. Когда им представляется возможность, они убивают странных, но в основном добывают тела простых людей и животных, после чего всегда стремятся замести следы.

Он говорил об этом таким тоном, как будто читал лекцию о размножении довольно интересной разновидности грызунов.

— Но полиция должна ловить тварей! — воскликнул я. — То есть я хотел сказать, что поскольку они убивают людей, то...

— Некоторые из них попадают, — кивнула Эмма. — Я уверена, что если ты следишь за новостями, то слышал об этом, и не раз. К примеру, у одного типа нашли в морозилке человеческие головы. А на плите у него стоял котел, в котором медленно варились потроха, как будто он готовил рождественский обед. Это было не так давно в твоём времени.

Я смутно припомнил сенсационный спецвыпуск новостей о серийном убийце и каннибале из Милуоки, которого задержали при обстоятельствах, очень похожих на те, которые только что описала Эмма.

— Ты говоришь о... Джефффри Дамере^[14]?

— Да, кажется, этого джентльмена звали именно так, — подтвердил Миллард. — Захватывающий случай. Похоже, он так и не утратил вкуса к свежатине, хотя давным-давно перестал быть пустотой, превратившись в тварь.

— Я думал, что вам не позволяют узнавать новости из будущего, — удивился я.

Эмма спокойно улыбнулась.

— Птица придерживает только *хорошую* информацию о будущем, зато не скупится на чернуху.

Тут вернулась мисс Сапсан, волоча за собой упирающихся Еноха и Горация. Все притихли и обернулись к ним.

— Мы только что получили известие о новой угрозе, — объявила она, кивая в мою сторону. — За пределами нашей петли при загадочных обстоятельствах погиб человек. У нас нет полной уверенности относительно причин его смерти, и мы не можем наверняка утверждать, что это представляет опасность именно для нас, но мы должны вести себя так, как если бы все это было именно так. До новых распоряжений никто не должен выходить из дома, даже для того, чтобы собрать овощи на огороде или сходить в деревню за гусем.

Раздался общий стон, и мисс Сапсан повысила голос.

— В последнее время нам всем пришлось трудно. Я обращаюсь ко всем с убедительной просьбой и в дальнейшем проявлять выдержку.

Вверх потянулись руки, но она категорически отказалась отвечать на какие бы то ни было вопросы и ушла проверять запоры на дверях. Я в панике бросился за ней. Если на острове действительно затаилась опасность, я мог погибнуть, едва покинув петлю. Но оставшись внутри петли, я бросал на произвол судьбы совершенно беззащитного отца. Кроме того, я знал, что если я исчезну, он сойдет с ума от беспокойства. Последнее почему-то казалось мне худшим из двух зол.

— Я должен уйти, — произнес я, догоняя мисс Сапсан.

Она втащила меня в пустую комнату и закрыла дверь.

— Будь добр, говори потише, — прошипела она. — И еще: ты будешь считаться с моими требованиями. То, что я сказала, касается и тебя. Ни один человек не выйдет за пределы этого дома.

— Но...

— До сих пор из уважения к твоему особенному положению я предоставляла тебе беспрецедентную степень свободы, позволяя приходить и уходить по своему усмотрению. Но тебя уже могли выследить, а это ставит под удар моих подопечных. Я не позволю тебе подвергать их — или себя самого — еще большей опасности.

— Как же вы не понимаете?! — разгневанно воскликнул я. — Паромы не ходят. Эти люди угодили в западню. *Мой отец* угодил в западню. Если на острове действительно находится тварь, а я думаю, что так оно и есть, то они с папой уже едва не подрались. Если он только что скормил пустотам совершенно незнакомого человека, то как вы думаете, кто станет следующим?

Ее лицо было как будто высечено из камня.

— Безопасность горожан — не моя забота, — отрезала она. — Я не желаю подвергать опасности своих детей. Ни ради островитян, ни ради кого-либо еще.

— Речь идет не просто о горожанах. Я говорю о своем отце. Неужели вы думаете, что меня остановит пара запертых дверей?

— Возможно, не остановит. Но если ты настаиваешь на том, чтобы уйти, то я настаиваю на том, чтобы ты уже никогда не возвращался.

Я был так потрясен, что рассмеялся ей в лицо.

— Но я вам *нужен*, — напомнил я ей.

— Да, нужен, — кивнула она. — Очень нужен.

Я ринулся наверх и ворвался в комнату Эммы, где застал картину такого отчаяния, что она могла бы сойти за одну из иллюстраций Нормана Роквелла, если бы он изображал людей, отбывающих срок заключения. Бронвин невидящим взглядом уставилась в окно. Енох пыхтел на полу, строя кусок твердой глины. Эмма сидела на краю кровати, упершись локтями в колени. Она одну за другим выдергивала из блокнота страницы и воспламеняла их касанием пальцев.

— Ты вернулся! — произнесла она, когда я вошел в комнату.

— Я и не уходил. Мисс Сапсан меня не отпустила.

Я изложил им свою дилемму.

— В общем, если я попытаюсь уйти, я буду изгнан.

Блокнот в руках Эммы вспыхнул.

— Она не имеет права! — воскликнула девушка, не замечая языков пламени, лижущих ее пальцы.

— Она может делать все, что захочет, — напомнила ей Бронвин. — Она — Птица.

Эмма бросила тетрадь на пол и затоптала огонь.

— Я пришел, чтобы сказать вам: я уйду, хочет она этого или нет. Я отказываюсь становиться узником и не желаю зарывать голову в песок, пока мой отец подвергается смертельной опасности.

— Тогда я иду с тобой, — заявила Эмма.

— Ты шутишь, — вскинула голову Бронвин.

— Нет, не шучу.

— Ты просто дура, — вмешался Енох. — Ты превратишься там в старую сморщенную сливу. И ради чего? Ради него?

— Не превращусь, — отрезала Эмма. — Для того чтобы время тебя догнало, необходимо провести за пределами петли очень много часов. А мы ведь туда ненадолго, верно, Джейкоб?

Я покачал головой.

— Это плохая идея.

— *Что* плохая идея? — спросил Енох. — Она даже не знает, ради чего собирается рисковать жизнью.

— Директрисе это не понравится, — констатировала очевидный факт Бронвин. — Эм, она нас убьет.

Эмма встала и закрыла дверь.

— Нас убьет не Птица, — прошептала она, — а эти *существа*. Но

даже если они этого не сделают... Та жизнь, которую мы сейчас ведем, мне кажется страшнее смерти. Птица прижала нас так крепко, что мы уже и вздохнуть не можем. И все это только потому, что у нее не хватает духу взглянуть в лицо тому, что нам угрожает.

— Или не угрожает, — вставил Миллард, о присутствии которого я до этого момента и не догадывался.

— Ей это все равно не понравится, — упрямо повторила Бронвин.

Эмма воинственно вскинула голову и шагнула к подруге.

— Ты еще долго собираешься прятаться под юбкой этой женщины?

— А ты уже забыла, что случилось с мисс Зарянкой? — напомнил ей Миллард. — Ее воспитанников убили, а мисс Коноплянку похитили. И все это случилось после того, как они покинули петлю. Если бы они остались дома, с ними не случилось бы ничего дурного.

— Ничего дурного, говоришь? — с сомнением в голосе переспросила Эмма. — Да, пустоты не могут проникать в петли, зато это могут делать твари. Именно они и выманили тех детей из петли. Ты хочешь, чтобы мы прижали задницы в ожидании момента, когда они постучат в нашу дверь? Что, если на этот раз они не станут прикидываться кем бы то ни было, а сразу пустят в ход оружие?

— Вот что я сделал бы на их месте, — подал голос Енох. — Дождлся бы, пока все заснут, спустился, как Санта-Клаус, по каминной трубе и БА-БАХ! — Он выстрелил в подушку Эммы из воображаемого пистолета. — Мозги на стене.

— Спасибо за красочное описание, — с очередным вздохом отозвался Миллард.

— Мы должны нанести удар прежде, чем они поймут, что нам известно об их присутствии, — заявила Эмма. — И пока у нас есть возможность застать их врасплох.

— Но нам *не известно* об их присутствии! — возразил Миллард.

— Мы все узнаем.

— И как ты собираешься это делать? Бродить по острову, пока не найдешь пустоту? А потом что? «Прошу прощения, мы только хотели поинтересоваться вашими намерениями. Вы хотите нас скушать?»!

— У нас есть Джейкоб, — напомнила ему Бронвин. — Он их видит.

Я почувствовал, как у меня сжимается горло. Я понял, что если они действительно организуют вылазку из петли, то я в определенной мере буду нести ответственность за безопасность каждого из них.

— Пока что я видел только одного, — предостерег их я. — Поэтому я не могу считаться экспертом.

— А если он ничего не увидит? — спросил Миллард. — Это может означать как то, что их там нет, так и то, что они хорошо прячутся. А вы как ничего не знали, так и не будете знать.

Услышав это, все нахмурились. Миллард был прав.

— Похоже, логика в очередной раз восторжествовала, — заметил он. — Я пойду раздобуду овсянки на ужин. Говорю на тот случай, если кто-то из будущих мятежников пожелает ко мне присоединиться.

Скрипнув пружинами, он, видимо, встал с кровати и направился к двери. Но не успел он выйти, как Енох вскочил на ноги с воплем:

— Я знаю!

Миллард остановился.

— Что ты знаешь?

Енох обернулся ко мне.

— Тот парень, который якобы стал жертвой пустоты... Ты знаешь, куда его положили?

— Его отнесли в рыбную лавку.

Енох с довольным видом потер руки.

— В таком случае я знаю, как нам все выяснить.

— И как же? — заинтересовался Миллард.

— Мы спросим у него самого.

* * *

Мы создали экспедиционную группу. Ко мне присоединились Эмма, которая наотрез отказалась отпускать меня одного, Бронвин, которая боялась гнева мисс Сапсан, но при этом считала, что нам необходима ее, Бронвин, защита, и Енох, чей план нам предстояло осуществить. Миллард, невидимость которого могла нам очень пригодиться, не захотел участвовать в этой затее, и нам пришлось его подкупить, чтобы он хотя бы не выдал нас.

— Если мы отправимся в будущее все вместе, — рассуждала Эмма, — Птица не сможет прогнать Джейкоба. Ей придется прогонять всех четверых.

— Но я не хочу, чтобы меня выгоняли! — воскликнула Бронвин.

— Не бойся, Вин, она этого ни за что не сделает. В этом вся суть. А если мы успеем вернуться до отбоя, то она вообще не заметит, что мы куда-то отлучались.

У меня были свои сомнения относительно этого плана, но все сошлись

на том, что попробовать стоит.

Это напоминало побег из тюрьмы. После ужина, воспользовавшись царящим в доме хаосом и рассеянностью мисс Сапсан, Эмма сделала вид, что идет в гостиную, а я отправился в кабинет. Через несколько минут мы встретились в конце коридора на втором этаже, где прислоненная к стене лестница вела к люку на чердак. Эмма взобралась по лестнице первой, я последовал за ней и вскоре закрыл за собой люк. Мы оказались в крохотной темной комнатухе под крышей. Там было маленькое оконце, открыв которое мы с трудом выбрались на плоский участок крыши.

Шагнув в прохладу ночи, мы увидели, что Бронвин и Енох уже ждут. Девушка едва не раздавила нас, по очереди сжав в объятиях, и выдала всем черные дождевики, которые стащила, чтобы защищаться от бури, бушующей за пределами петли. Я открыл рот, желая поинтересоваться, как мы собираемся попасть на землю, как вдруг увидел парящую над краем крыши Оливию.

— Кто хочет поиграть в парашютиста? — широко улыбаясь, спросила она.

Оливия была босой, а вокруг ее талии обвивалась веревка. Мне стало любопытно, к чему она привязана, и, заглянув вниз, я увидел Фиону, высунувшуюся из окна первого этажа с веревкой в руках. Заметив меня, она помахала рукой. У нас явно были сообщники.

— Ты первый, — буркнул Енох.

Я нервно попятился от края крыши.

— Хватайся за Оливию и прыгай, — добавила Эмма.

— Я не помню, чтобы наш план включал в себя необходимость переломать себе ноги.

— Глупый, ничего ты не переломаешь, если будешь держаться за Оливию. Это весело. Мы делали это тысячу раз. — Она на мгновение задумалась. — Ну, во всяком случае один раз мы точно это делали.

Я не видел альтернативы подобному экстриму и, собрав всю свою смелость, подошел к краю крыши.

— Не бойся! — ободряла меня Оливия.

— Легко тебе говорить, — пожаловался я. — Ты не можешь упасть.

Она протянула руки и обняла меня. Я обхватил ее.

— Давай, поехали, — прошептала она.

Я закрыл глаза и шагнул в бездну. Вместо падения, которого я опасался, мы плавно, как рождественские снежинки, опустились на землю.

— Это было здорово, — сообщила мне Оливия. — А теперь отпусти меня.

Я разжал объятия, и она с возгласом «Ух ты!» взмыла обратно. Заговорщики зашикали на летунью, а потом стали по очереди обнимать ее и опускаться вниз, присоединяясь ко мне. Вскоре мы уже крадучись направлялись через двор к залитому лунным светом лесу. Из окна нам вслед махали Фиона и Оливия. Возможно, это был только плод моего воображения, но мне показалось, что кусты-животные тоже машут нам вдогонку, и Адам грустно кивает головой на прощанье.

* * *

Когда мы остановились на краю болота, чтобы перевести дух, Енох сунул руку за пазуху куртки, оттопыривающейся на груди, и извлек оттуда несколько завернутых в марлю свертков.

— Разбирайте, — скомандовал он. — Я не собираюсь тащить все это один.

— Что это? — спросила Бронвин, разворачивая марлю, под которой обнаружился кусок коричневатого мяса с торчащими из него трубками. — Фу! Оно воняет! — воскликнула она, удерживая сверток на расстоянии вытянутой руки.

— Успокойся, это всего лишь овечье сердце, — шикнул на нее Енох, суя мне в руки точно такой же сверток.

Он действительно вонял формальдегидом и даже через марлю казался неприятно влажным.

— Если мне придется это нести, меня вырвет, — заявила Бронвин.

— Хотел бы я на это посмотреть, — обиженно пробормотал Енох. — Засунь его в карман дождевика и пошли скорее.

По едва заметной полоске твердой почвы мы пересекли болото. За эти дни я прошел здесь столько раз, что совершенно забыл, каким опасным может быть это место и сколько жизней оно поглотило на своем веку. Шагнув в туннель кургана, я приказал всем застегнуться.

— Что, если мы кого-то встретим? — спросил Енох.

— Держитесь как ни в чем не бывало, — посоветовал я. — Я скажу им, что вы мои друзья из Америки.

— Что, если мы увидим тварь? — спросила Бронвин.

— Бегите.

— А если Джейкоб увидит пустоту?

— А в этом случае, — подала голос Эмма, — бегите так, будто за вами гонится сам дьявол.

Мы друг за другом нырнули в курган, оставив позади безмятежную летнюю ночь. Все было тихо, пока мы не дошли до последней пещеры, где давление воздуха, а вместе с ним и окружающая температура, резко упало, и на нас обрушился чудовищный вой. Это завывала буря. Мы несколько мгновений прислушивались к этим яростным воплям у входа в туннель. Казалось, разъяренному животному только что бросили в клетку полуживой от ужаса «обед». Нам ничего не оставалось, кроме как шагнуть навстречу ненастью.

У выхода мы опустились на колени и выползли в огромную черную дыру, где нас встретили проливной дождь и пронизывающий ветер. Звезды полностью скрылись за грозовыми тучами, но вместо них мрак ночи рассеивали вспышки ослепительно-белых молний. Они на мгновение вырывали из темноты наши дрожащие фигурки, после чего окружающий мир становился как будто еще темнее. Эмма пыталась зажечь огонь, но каждое движение ее кисти давало лишь слабую искру, которая шипела и гасла, не успев разгореться и напоминая поломанную зажигалку. В итоге мы просто поплотнее укутались в дождевики и бросились бежать, преодолевая сопротивление шквального ветра и с трудом вытаскивая ноги из болотной жижи. Болото распухло, поглотив дорожку, и нам пришлось идти скорее по памяти, чем руководствуясь зрением.

В поселке дождь, будто умоляя о чем-то, барабанил во все двери и окна, но люди заперлись внутри своих домов, и залитые водой улицы были пустынные. Никто не видел, как мы бежим мимо куч сорванной ураганом черепицы, мимо одинокой заблудившейся овцы, дикими воплями призывающей на помощь, мимо опрокинувшегося надворного туалета, извергающего на дорогу свое содержимое. Наконец мы подбежали к рыбной лавке. Дверь была заперта, но Бронвин выбила ее двумя мощными ударами, и мы вошли внутрь. Сунув руки в рукава плаща, Эмма обогрела и высушила пальцы, и ей наконец-то удалось зажечь огонь. Из-за стеклянной перегородки такими же стеклянными глазами смотрел на нас осетр. Я обогнул стойку, за которой Дилан целыми днями бормотал проклятия, чистя и разделывая рыбу, и толкнул ржавую боковую дверь. За ней находился ледник — небольшой сарай с грубыми дощатыми стенами, земляным полом и оцинкованной крышей. Сквозь неплотно пригнанные, дребезжащие от ветра доски в сарай просачивался дождь. Эмма осветила своим огнем небольшое помещение. Оглядевшись, мы увидели на деревянных подмостках с дюжину прямоугольных, заполненных льдом корыт.

— В котором из них его тело? — спросил Енох.

Я пожал плечами.

— Не знаю.

Мы бродили между корытами, пытаюсь догадаться, в котором из них находится то, что мы ищем, но все они выглядели совершенно одинаково — эдакие заполненные льдом гробы без крышек. Мы поняли: чтобы найти Мартина, нам придется обыскать все корыта подряд.

— Только не я, — заявила Бронвин. — Я не хочу его видеть. Я не люблю мертвых.

— Я тоже их не люблю, но мы вынуждены этим заняться, — ответила Эмма. — Это наше общее дело.

Каждый из нас выбрал себе корыто, и мы начали рыться там, как собаки в цветочных клумбах, пригоршнями загребая лед и высыпая его на пол. Я опустошил уже половину своего корыта и перестал ощущать кончики пальцев, как вдруг Бронвин взвизгнула и бросилась прочь, зажимая руками рот.

Мы окружили ее корыто, чтобы взглянуть, что она обнаружила. Из льда торчала застывшая кисть руки с волосатыми пальцами.

— Похоже, ты нашла нашего друга! — воскликнул Енох.

Мы стояли, закрыв лица руками, и сквозь растопыренные пальцы наблюдали за тем, как он методично освобождает ото льда всю руку до плеча, затем торс и наконец все изувеченное тело Мартина.

Нашим глазам предстало ужасное зрелище. Его конечности были вывихнуты под самыми немыслимыми углами. Живот был вспорот, а внутренности отсутствовали. Теперь пустую брюшную полость занимал лед. Когда из-под льда появилась его голова, мы все стиснули зубы и шумно втянули в себя воздух. Половина лица представляла собой фиолетовый кровоподтек, а кожа свисала клочьями, напоминая жуткую карнавальную маску. Вторая половина тоже была изувечена, но позволяла опознать его обладателя. Сохранилась часть нижней челюсти, поросшей колючей бородой, а также фрагменты щеки, лба и один подернувшийся мутной пленкой, безучастно уставившийся на нас зеленый глаз. Одет Мартин был только в трусы и махровый халат. Он никак не мог отправиться на утесы ночью, в полном одиночестве и таком виде. Кто-то или что-то его туда *затащило*.

— Он очень плох, — произнес Енох, осматривая Мартина с видом хирурга, оценивающего состояние почти безнадежного пациента. — Я вас сразу предупреждаю — у нас может ничего не выйти.

— Мы должны попытаться, — ответила Бронвин, вместе с нами смело подходя к корыту. — Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы уйти,

ничего не предприняв.

Енох распахнул плащ и извлек из внутреннего кармана один из приготовленных свертков. Овечье сердце напоминало вывернутую наизнанку коричневую рукавицу кэтчера.

— Если он оживет, его это не обрадует, — обратился к нам Енох. — Поэтому держитесь подальше и не говорите, что я вас не предупреждал.

Мы все, за исключением Еноха, тут же сделали гигантский шаг назад. Енох подбежал к корыту и запустил одну руку в толщу льда, заполняющую грудную клетку несчастного. Он принялся вращать рукой, как будто искал в кулере банку тоника. Спустя мгновение он, похоже, что-то нащупал и, держа овечье сердце во второй руке, поднял его над головой Мартина.

Внезапно по телу Еноха пробежала дрожь, и овечье сердце начало сокращаться, рассеивая вокруг себя мелкую пыль консервирующего раствора. Енох часто и неглубоко дышал. Через него как будто шла какая-то энергия. Я всматривался в тело Мартина, чтобы уловить малейшие признаки жизни, но он оставался неподвижен.

Постепенно сердце в руке Еноха забилося медленнее, а потом сморщилось и приобрело сероватый оттенок, как мясо, слишком долго пролежавшее в морозилке. Енох бросил его на пол и протянул ко мне руку ладонью вверх. Я вытащил влажный вонючий сверток, который держал в кармане, и подал ему. Весь процесс повторился с самого начала: сердце билось и разбрызгивало жидкость, после чего увяло, как и предыдущее. Затем парень проделал это в третий раз, используя сердце, которое несла Эмма.

Теперь оставалось только сердце из кармана Бронвин — последний шанс Еноха. Подняв его над телом Мартина и с силой вонзая в него пальцы, он сосредоточился и напрягся. Когда сердце забилося и задрожало, как перегревшийся мотор, Енох закричал:

— Вставай, мертвец! Вставай!

Я уловил едва заметное движение. Что-то шелохнулось подо льдом. Я наклонился поближе, чтобы не пропустить первых признаков пробудившейся жизни. Очень долго не было ничего, но затем тело содрогнулось с такой силой, как будто сквозь него пропустили разряд тока напряжением в тысячу вольт. Эмма вскрикнула, и мы отскочили назад. Когда я снова отважился взглянуть на Мартина, его голова повернулась в мою сторону, а единственный мутный глаз завращался в глазнице, прежде чем уставиться на меня.

— Он тебя видит! — воскликнул Енох.

Я снова наклонился вперед. От мертвеца несло землей, водорослями и

чем-то еще, гораздо хуже. Лед осыпался с его синей искаленной руки, которая вдруг приподнялась, задрожала в воздухе и опустилась на мое плечо. Я с трудом подавил желание ее стряхнуть.

Его губы приоткрылись, а нижняя челюсть зашевелилась. Я наклонился поближе, чтобы услышать, что он говорит, но слышать было нечего. *Иначе и быть не может*, — подумал я. — *Ведь его легкие, должно быть, лопнули*. И тут он издал едва слышный звук. Я поднес ухо к его замороженным губам. Как ни странно, но в этот момент я вспомнил сточную канаву возле своего дома. Если прижать ухо к решетке и дожидаться перерыва в движении, можно различить шепот подземного ручья, закованного в асфальт при постройке города, но все еще живого, струящегося в мире вечного мрака.

Все ребята стояли очень близко, но я был единственным, кто мог слышать голос мертвеца. Первым, что он произнес, было мое имя.

— Джейкоб.

Меня пронизал ужас.

— Что?

— Я был мертв. — Его речь была медленной и тягучей, как патока. Он тут же поправился: — Я мертв.

— Расскажите мне, что случилось, — попросил я. — Вы помните?

Воцарилась тишина. Только ветер свистел снаружи. Потом он произнес что-то, чего я не расслышал.

— Повторите, что вы сказали, Мартин, я вас очень прошу.

— Он меня убил, — прошептал мертвец.

— Кто?

— Мой старик.

— Вы хотите сказать — Огги? Ваш дядюшка?

— Мой старик, — повторил Мартин. — Он вырос и стал сильным, очень сильным.

— Кто стал сильным, Мартин?

Его глаз закрылся, и я решил, что он замолк уже навсегда. Я посмотрел на Еноха. Он кивнул. Сердце у него в руке продолжало биться.

Прикрытый веком глаз Мартина дернулся. Он снова заговорил, медленно, но отчетливо, как будто декламируя стихи.

— Сотню поколений он спал, свернувшись, как плод в таинственном лоне земли, оплетенном корнями деревьев, пока лопата фермера не подняла его наверх, — грубая рука повитухи со странным урожаем на ладони.

Мартин замолк. Его губы дрожали.

— Что он говорит? — шепотом спросила Эмма, не сводившая с меня

глаз.

— Не знаю, — ответил я. — Но это похоже на стихи.

Голос Мартина задрожал и одновременно окреп. Теперь его слышали и все остальные.

— Он возлежит здесь в черноте — чернее сажки нежное лицо, усохли руки, ноги, в головешки обратясь, в обломки кораблекрушенья... Остатки плоти — что увядшая лоза!

Наконец-то я узнал эти стихи. Их написал сам Мартин, посвятив болотному мальчику.

— О, Джейкоб! Я так хорошо о нем заботился! — произнес он. — Я протирал стекло. Я дал ему дом! Я относился к нему, как к собственному ребенку, пострадавшему от чужой жестокости. Я подарил ему столько тепла и заботы, но... — Он затрясся. По его щеке покатилась и тут же замерзла слеза. — Но он меня убил.

— Вы имеете в виду болотного мальчика? Старика?

— Отправьте меня обратно, — взмолился Мартин. — Мне больно.

Его холодные пальцы сжимали мое плечо, а голос звучал все тише.

Я посмотрел на Еноха, прося его о помощи. Он крепче стиснул сердце и покачал головой.

— Времени почти не осталось, дружище. Поторопись.

И тут я кое-что понял. Хотя Мартин явно описывал болотного мальчика, его убил вовсе не он. *Они становятся видны всем остальным, когда едят*, — рассказывала мне мисс Сапсан. — *То есть когда уже слишком поздно*. Мартин увидел пустоту. Ночью, под дождем, когда это страшное существо рвало его на куски. Он принял его за самый ценный экспонат своего музея.

Во мне проснулся былой ужас, обволакивая страхом все мои внутренности. Я обернулся к друзьям.

— Это сделала пустота, — произнес я. — И она где-то на острове.

— Спроси его, где именно, — предложил Енох.

— Мартин, где она? Я должен знать, где ты его увидел.

— Пожалуйста, мне больно.

— Где ты его увидел?

— Он пришел к моей двери.

— Старик?

Его дыхание странным образом участилось. На него больно было смотреть, но я вынудил себя не отворачиваться. Я проследил за направлением взгляда его единственного глаза, который повернулся в глазнице и устремился куда-то мне за спину.

— Нет, — ответил Мартин. — Это был *он*.

И тут по нам скользнул луч света и громкий голос рявкнул:

— *Кто здесь?*

Эмма сжала ладонь, и пламя, зашипев, погасло. Обернувшись, мы увидели, что в дверях стоит мужчина с фонарем в одной руке и пистолетом в другой.

Енох выдернул руку из льда, а Эмма и Бронвин стали плечом к плечу возле корыта, закрывая своими телами Мартина.

— Мы не хотели сюда вламываться, — произнесла Бронвин. — Честное слово, мы уже уходим.

— Всем оставаться на местах! — снова заорал мужчина. Его голос был невыразителен и лишен какого бы то ни было акцента. За лучом света я не видел его лица, но, взглянув на многочисленные слои курток, сразу понял, что перед нами «орнитолог».

— Мистер, мы целый день ничегошеньки не ели, — заныл Енох, в который веки зазвучав, как двенадцатилетний подросток. — Мы только хотели взять пару рыбешек, а больше ничего.

— В самом деле? — усмехнулся мужчина. — Хорошую вы себе выбрали рыбку. Дайте взглянуть. — Он помахал фонарем, как будто пытаюсь раздвинуть нас при помощи его луча. — В сторону!

Мы расступились, и он осветил изувеченное тело Мартина.

— Бог ты мой, какая странная рыба! — воскликнул он, ничуть не удивившись чудовищному зрелищу. — Должно быть свежая, раз все еще шевелится.

Он посветил в лицо Мартину, губы которого беззвучно двигались. Но это был уже просто рефлекс, потому что жизнь, данная ему Енохом, медленно покидала тело.

— Кто вы? — спросила Бронвин.

— А это зависит от того, у кого спрашивать, — отозвался «орнитолог». — А поскольку я знаю, кто *вы* такие, то это вообще не имеет ни малейшего значения. — Указывая лучом фонаря на каждого из нас, он заговорил, будто читая секретное досье. — Эмма Блум, искра, брошенная у стен цирка после неудачной попытки родителей продать ее циркачам. Бронвин Брантли, берсерк^[15], не догадывалась о собственной силе до того самого вечера, когда сломала шею своему подонку отчиму. Енох О'Коннор, воскрешатель мертвых. Родился в семье гробовщиков, которые не могли понять, почему от них уходят клиенты.

Я видел, как мои друзья по очереди съеживаются от его слов. Наконец он направил фонарь в мою сторону.

— И Джейкоб. Странная у тебя компания, однако.

— Откуда вы знаете мое имя?

Он откашлялся, а когда заговорил снова, его голос изменился самым радикальным образом.

— Неужели ты так быстро меня забыл? — с новоанглийским акцентом произнес он. — Но с другой стороны, я всего лишь бедный водитель автобуса, зачем тебе меня помнить?

Это было совершенно невозможно, но этот человек в точности копировал голос мистера Баррона, водителя школьного автобуса, возившего нас, когда мы учились в средних классах. Этого неприятного раздражительного человека ненавидели все без исключения. Как-то раз нам в руки попала его фотография, которую мы продырявили скобками степлера столько раз, что мистер Баррон начал походить на собственное чучело, расположившееся на водительском сиденье. Я как раз пытался вспомнить фразу, которую он произносил каждый день, когда я выходил из автобуса, как вдруг «орнитолог» мерзко пропел:

— Приехали, Портман! Выходим!

— Мистер Баррон? — удивленно спросил я, пытаюсь разглядеть его лицо за ярким лучом фонаря.

Незнакомец засмеялся и откашлялся. Его акцент снова изменился.

— Может, он, а может, садовник, — произнес он, растягивая слова на манер уроженцев Флориды. — Вашим деревьям не мешает стрижка. Дорого не возьму!

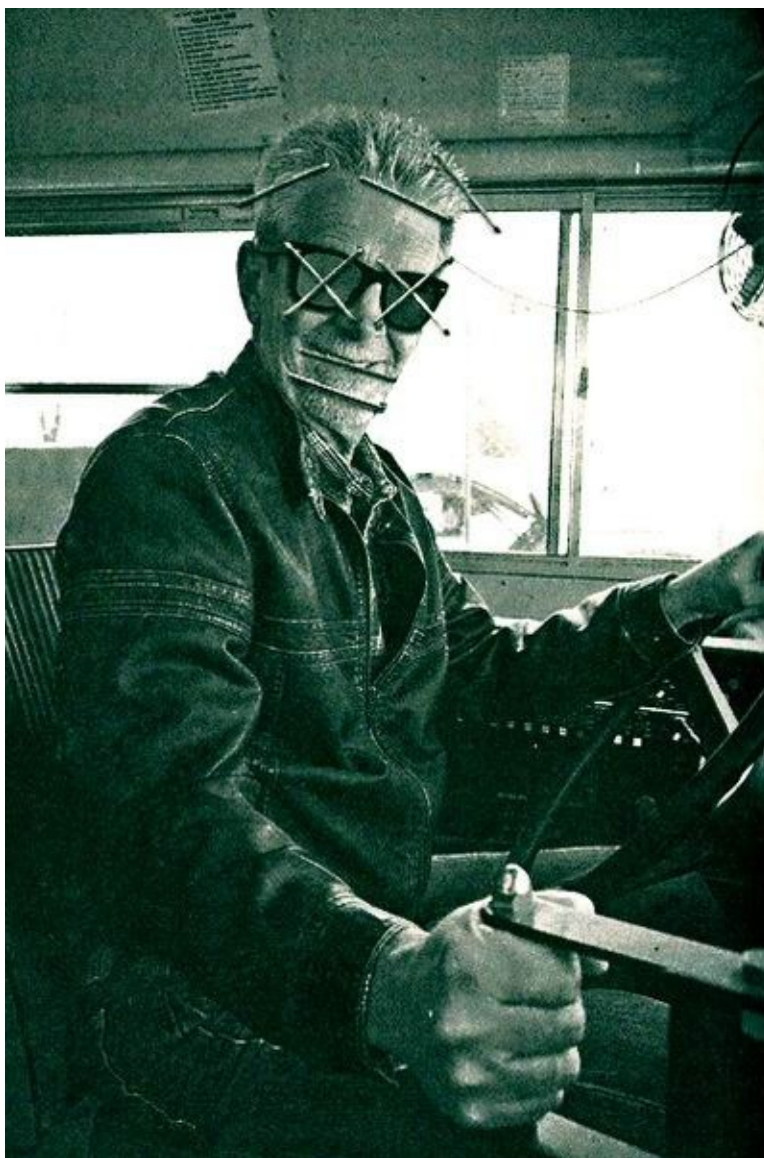
Он детально воспроизвел голос человека, годами подстригавшего нашу лужайку и чистившего наш бассейн.

— Как вы это делаете? — ахнул я. — Откуда вы знаете этих людей?

— Все очень просто. Эти люди — это все я, — произнес он, вновь делая свою речь абсолютно плоской.

Он расхохотался, наслаждаясь моей растерянностью.

До меня постепенно начало доходить. Видел ли я хоть раз глаза мистера Баррона? Вряд ли. Он всегда носил гигантские старомодные солнцезащитные очки, закрывавшие почти пол-лица. Садовник тоже носил темные очки и широкополую шляпу в придачу. Присматривался ли я внимательно хоть к одному из них? Сколько других ролей сыграл в моей жизни этот хамелеон?

— Что происходит? — спросила Эмма. — Кто этот человек?

— Заткнись! — оборвал ее мужчина. — Будешь говорить, когда я тебе скажу.

— Вы за мной следили, — произнес я. — Это вы убили овец. Это вы убили Мартина.

— Кто, я? — с невинным видом переспросил он. — Лично я никого не убивал.

— Но ведь вы тварь, верно?

— Это их словечко.

Я ничего не мог понять. Я не видел того садовника с тех пор, как три года назад мама наняла другого человека. Мистер Баррон исчез из моей жизни еще после восьмого класса. Неужели они... он... и в самом деле за мной следили?

— Как вы узнали, где меня найти?

— Ну как же, Джейкоб, — заговорил он, в очередной раз изменив голос, — ты сам мне об этом рассказал. По секрету, конечно.

Теперь у него был мягкий акцент образованного культурного жителя Среднего Запада. Он наклонил фонарь так, чтобы свет упал на его лицо.

Борода, с которой я видел его на днях, исчезла. И не узнать его было невозможно.

— Доктор Голан.

Грохот ливня по цинковой крыше заглушил мой хриплый шепот.

Я вспомнил наш телефонный разговор, состоявшийся несколько дней назад. Этот шум на заднем плане. Он сказал, что находится в аэропорту. Вот только приехал туда он не для того, чтобы встретить сестру, а для того, чтобы прилететь сюда, ко мне. Я попятился и уперся спиной в корыто с телом Мартина. Передо мной все плыло, а по телу быстро распространялось странное оцепенение.

— Сосед, — пробормотал я. — Старик, поливавший лужайку в ту ночь, когда умер мой дедушка. Это тоже были вы.

Он улыбнулся.

— Но ваши глаза...

— Контактные линзы, — усмехнулся он и, подцепив край линзы большим пальцем, уронил ее на пол, демонстрируя белое глазное яблоко. — Поразительно, чего только теперь не делают. И, предупреждая дальнейшие расспросы, сразу отвечаю: да, я дипломированный психотерапевт с собственной практикой. Меня давно занимает то, что происходит в умах обычных людей. И несмотря на то что наши сеансы основывались на лжи, я не считаю их пустой тратой времени. Более того, я уверен, что и в дальнейшем мог бы тебе помогать. Или, скорее, мы могли бы помогать друг другу.

— Джейкоб, прошу тебя, не слушай его, — взмолилась Эмма.

— Не волнуйся, — успокоил я ее. — Когда-то я ему доверял. Но не повторю этой ошибки.

Голан продолжал, как будто и не слышал меня.

— Я могу предложить тебе безопасность, деньги. Я могу вернуть тебе твою жизнь, Джейкоб. Все, что от тебя потребуется, — это работать на нас.

— Нас?

— На меня и Малтуса, — пояснил он и, обернувшись назад, позвал: — Малтус, иди сюда, поздоровайся.

В проеме двери позади него возникла какая-то тень. Мгновение спустя на нас нахлынула волна невообразимого смрада. Бронвин попятилась, и ее

едва не вырвало. Эмма стиснула кулаки, как будто готовясь броситься на врага. Я коснулся ее руки и одними губами произнес: *Подожди*.

— Вот и все, что я тебе предлагаю, — продолжал Голан, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Находить таких людей, как ты сам. Взамен ты сможешь не бояться Малтуса и таких, как он. Ты будешь жить дома, а в свободное время путешествовать со мной по всему миру. Мы будем щедро тебе платить, а твоим родителям скажем, что ты мой научный ассистент.

— Если я соглашусь, что будет с моими друзьями? — спросил я.

Он лишь небрежно отмахнулся рукой с пистолетом.

— Они уже давно сделали свой выбор. Самое главное — это то, что существует великий план, и ты, Джейкоб, будешь способствовать его осуществлению.

Думал ли я над его предложением? Полагаю, что да, пусть и в течение всего нескольких секунд. Доктор Голан предлагал мне именно то, чего я хотел: третий вариант. Будущее, которое не ограничивалось двумя другими: *останься здесь навсегда* или *уйди и умри*. Но одного взгляда на заострившиеся от тревоги лица моих друзей мне хватило, чтобы отвергнуть этот соблазн.

— Итак? — поинтересовался Голан. — Каков будет твой ответ?

— Я скорее умру, чем стану вам помогать.

Он начал пятиться к двери.

— Что ж, Джейкоб, очень жаль, что у нас больше не будет наших сеансов. Впрочем, я не считаю это полной неудачей. Вашей четверки вполне хватит для того, чтобы наконец вывести Малтуса из его недостойного состояния, в котором он так долго находился.

— О нет, — захныкал Енох. — Я не хочу, чтобы меня съели.

— Не реви, это унижительно, — оборвала его Бронвин. — Нам просто придется их убить, вот и все.

— Жаль, что я не могу остаться и полюбоваться тем, что будет здесь происходить, — уже от самой двери донесся голос Голана. — Я обожаю подобные зрелища.

Затем он исчез, а мы остались наедине с этим существом. Я слышал, как оно дышит в темноте, как капает на пол его липкая слюна. Мы дружно сделали шаг назад, потом еще один и замерли, прижавшись спиной к стене, как приговоренные к расстрелу на месте казни.

— Мне нужен свет, — прошептал я Эмме, которая от потрясения, вероятно, забыла о своих способностях.

Через мгновение ее рука вспыхнула, и я увидел притаившееся между

корытами чудовище. Я оказался лицом к лицу со своим кошмаром. Оно стояло, совершенно голое, ссутулив безволосые плечи, с которых вялыми складками свисала серовато-черная кожа, покрытая какими-то пятнами. Его глаза были воспалены, а с век капал гной. Я в ужасе разглядывал его кривые ноги, косолапые ступни, скрученные в бесполезные клешни руки. Все его тело было иссушенным и изможденным, как будто принадлежало глубокому старику. Зато челюсти — его главная черта — изобиловали острыми, как разделочные ножи, зубами, такими длинными, что плоть его рта не могла их скрыть, и губы были постоянно раздвинуты в безумной улыбке.

И вдруг эти жуткие зубы разомкнулись, а рот разверзся, выпуская наружу три гибких языка толщиной с мое запястье. Языки размотались футов на десять, если не больше, и замерли, подрагивая и извиваясь в воздухе. Существо прерывисто дышало сквозь два окруженных чешуей отверстия в лице, как будто пробуя нас на запах и размышляя, каким способом нас лучше поглотить. То, что убить нас было легче легкого, стало единственной причиной, по которой мы все еще оставались живы. Существо никуда не спешило, подобно гурману наслаждаясь предвкушением вкусного обеда.

Остальные не видели его так, как я, но на стену падала тень от самого чудища и его похожих на веревки языков. Они тут же узнали ее. Эмма напрягла руку, и пламя вспыхнуло еще ярче.

— Что оно делает? — шепотом спросила она. — Почему оно на нас не нападает?

— Оно с нами играет, — ответил я. — Оно знает, что мы в ловушке.

— Ничего подобного, — пробормотала Бронвин. — Дайте мне только дотянуться до его хари. Я ему все зубы вышибу.

— На твоём месте я бы постарался держаться от его зубов как можно дальше, — шепотом отозвался я.

Пустота проковыляла на несколько шагов вперед. Ее языки размотались еще дальше и разделились, протянувшись одновременно ко мне, Еноху и Эмме.

— Пошел вон! — вскрикнула Эмма, факелом выбрасывая руку вперед.

Язык отдернулся от ее пламени, а потом застыл, напоминая готовящуюся к броску змею.

— Мы должны попытаться добежать до двери! — крикнул я. — Пустота у третьего корыта слева, поэтому держитесь правее!

— Мы не успеем туда добежать, — заплакал Енох.

Один из языков прикоснулся к его щеке, и он отчаянно вскрикнул.

— Бежим на счет «три»! — закричала Эмма. — Раз!

И тут Бронвин бросилась на эту мерзость, завывая, как банши^[16]. Существо взвизгнуло и отпрянуло, его обвисшая кожа натянулась. Оно уже собиралось метнуть в нее свой чудовищный язык, но девушка опередила его: она налегла всем весом на огромное корыто с телом Мартина, просунула под него руки, приподняла, а затем и полностью подхватила его. Через мгновение корыто пролетело по воздуху и с ужасающим грохотом обрушилось на пустоту.

Бронвин развернулась и ринулась к нам.

— ПРОЧЬ! — закричала она, и едва я успел отскочить в сторону, как необыкновенная девушка врезалась в стену, пробив дыру в трухлявых досках.

Енох, как самый маленький из нас, нырнул в отверстие первым, за ним выбралась Эмма. Я не успел ничего возразить, потому что Бронвин схватила меня за плечи и вышвырнула в темноту и дождь. Приземлившись на живот прямым в лужу, полную ледяной воды, я пришел в дикий восторг — я был все еще жив!

Эмма и Енох помогли мне вскочить на ноги, и мы бросились бежать. Мгновение спустя Эмма громко позвала подругу и остановилась. Мы обернулись, осознав, что нашей спасительницы с нами нет.

Мы звали ее, вглядываясь в темноту, но не осмеливаясь вернуться.

— Смотрите! — вдруг закричал Енох, и мы увидели Бронвин, которая прислонилась к углу сарая-ледника.

— Что она делает?! — воскликнула Эмма. — БРОНВИН! БЕГИ!

Мне показалось, что она обнимает угол строения. Потом силачка отошла назад, разбежалась и врезалась плечом в угловую опору. Сооружение зашаталось и рухнуло, как домик, сложенный из спичек. Взметнулись в воздух клубы ледяной крошки и древесной трухи, которые тут же подхватил и, смешивая с дождем, понес по улице ураганный ветер.

Мы закричали и запрыгали, а Бронвин уже мчалась к нам с ликующей улыбкой на лице. Вдруг она остановилась и, обернувшись к тому, что осталось от ледника, обняла себя за плечи и засмеялась, не обращая внимания на ветер и ледяной дождь. Впрочем, наша радость была недолгой, потому что до нас внезапно дошел весь ужас только что происшедшего. И тогда Эмма обернулась ко мне с вопросом, который, видимо, терзал их всех.

— Джейкоб, откуда эта тварь так много знала о тебе... и о нас?

— Ты называл его доктором.

— Он был моим психиатром.

— Психиатром! — вскинул руки Енох. — Этого нам только не хватало! Он не только выдал нас твари, так еще и оказался психом!

— А ну заberi свои слова обратно! — крикнула Эмма, что было силы толкая его в грудь.

Он тоже хотел ее толкнуть, но я встал между ними.

— Прекратите! — закричал я, расталкивая их в стороны. Я обернулся к Еноху: — Ты ошибаешься. Я не псих. Это он заставил меня так думать, хотя с самого начала знал, что я не сумасшедший, а странный. Но в одном ты прав. Я действительно вас выдал. Я рассказывал дедушкины истории совершенно незнакомому человеку.

— Ты ни в чем не виноват, — возразила Эмма. — Откуда ты мог знать, что мы существуем на самом деле?

— Да все он знал! — закричал Енох. — Эйб ему все рассказал. Он даже фотографии наши ему показал!

— Голан знал все, кроме того, где вас найти, — продолжал я. — И я привел его напрямик сюда.

— Но он тебя перехитрил, — произнесла Бронвин.

— Я просто хочу попросить у вас прощенья.

— Все хорошо, — успокоила меня Эмма. — Мы живы.

— Пока живы, — уточнил Енох. — Но этот маньяк все еще здесь. Учитывая, как ему не терпелось скормить нас своей ручной пустоте, можно предположить, что он уже и сам обнаружил вход в петлю.

— О Господи, ты прав, — ахнула Эмма.

— В таком случае мы должны попасть туда раньше, чем он, — заключил я.

— И раньше вот этого чудища, — добавила Бронвин.

Мы обернулись и увидели, что она показывает на разрушенный ледник. Куча изломанных досок уже начала шевелиться.

— Думаю, оно снова погонится за нами, а у меня закончился запас домов, которые я могла бы на него уронить.

— Бежим! — крикнул кто-то из нас.

Но мы уже и без того мчались со всех ног по дороге, спеша попасть в единственное недоступное пустоте место — в петлю времени. В крошечной темноте мы выбежали за город — смутные синеватые очертания домов сменились полями и склонами холмов. Потом рванули вверх на кряж по размытой потоками воды, предательски скользкой тропинке.

Енох поскользнулся и упал. Мы подхватили его, поставили на ноги и побежали дальше. Мы были уже наверху, когда ноги Бронвин разъехались,

она тоже упала и заскользила назад по склону горы. Ей удалось остановиться только футов через двадцать. Мы с Эммой бросились ей на помощь и взяли под руки, помогая подняться. Я обернулся назад, ожидая увидеть мчащуюся вслед за нами пустоту, но увидел только черноту, рассекаемую струями дождя. В крошечной тьме было мало проку от моего таланта видеть пустот. Но когда мы снова, тяжело дыша, взобрались на кряж, длинный зигзаг молнии рассек ночь и я ее увидел. Она находилась значительно ниже нас, но стремительно карабкалась по склону, вонзая свои мощные языки в грязь, подтягиваясь наверх и напоминая огромного паука.

— *Скорее!* — закричал я, и, шлепнувшись на задницы, мы заскользили вниз, пока спуск не закончился и мы снова не обрели возможность бежать.

Опять сверкнула молния. Существо было еще ближе, чем в прошлый раз. Я понял, что нам от него не убежать. Наша единственная надежда заключалась в попытке его перехитрить.

— Если оно нас поймает, то убьет всех! — крикнул я. — Но если мы разделимся, ему придется выбирать. Я поведу его круглым путем и постараюсь завести в болото. Все остальные должны как можно скорее вернуться в петлю!

— Ты сошел с ума! — закричала Эмма. — Если кто и должен задержаться, так это я! Я могу сражаться с ним огнем.

— Только не под таким дождем, — напомнил ей я. — Кроме того, как ты будешь сражаться с тем, кого не видишь?

— Я не позволю тебе пойти на верную смерть! — крикнула в ответ она.

Спорить было некогда, поэтому Енох и Бронвин кинулись бежать дальше, а мы с Эммой свернули с тропы, рассчитывая на то, что существо последует за нами, что оно и сделало. Чудище было уже так близко, что мне больше не нужны были молнии, чтобы понять, где оно находится, — хватало и панического ощущения в животе.

Взявшись за руки, мы бежали по полю, спотыкаясь и оступаясь, падая и подхватывая друг друга, как в каком-то чудовищном эпилептическом танце. Я озирался в поисках камней, которые можно было бы использовать в качестве оружия, как вдруг из темноты возникло какое-то сооружение — маленькая, ушедшая в землю лачуга с разбитыми окнами и сорванными с петель дверями. Я был в такой панике, что не сразу узнал ее.

— Мы должны спрятаться! — задыхаясь, прохрипел я.

Пожалуйста, пусть это существо окажется тупым, — молился я, пока мы бежали к строению. — *Пожалуйста, пожалуйста, пусть оно окажется тупым.* Мы сделали большой круг, рассчитывая заскочить в

хижину незамеченными.

— Погоди! — крикнула Эмма, когда мы подошли к домику с обратной стороны.

Она выхватила из-за пазухи марлю, которую дал ей Енох, и быстро обвязала ее вокруг поднятого с земли камня, изготовив некое подобие пращи. Затем подержала ее в руках, пока та не занялась, и отшвырнула в сторону, подальше от нас. Камень, тускло мерцая, пролетел по воздуху и погрузился в трясину в стороне от тропинки.

— Ложный след, — пояснила она.

Мы повернулись и доверили себя благословенной темноте лачуги.

* * *

Проскользнув мимо повисшей на одной петле двери, мы шагнули в темноту. Когда наши ноги с тошнотворным чавканьем погрузились в запашистое море навоза, я наконец понял, куда мы попали.

— Где мы? — прошептала Эмма.

Шумный вздох какого-то животного заставил нас обоих вздрогнуть от неожиданности. Хижина была заполнена овцами, так же, как и мы, укрывшимися от опасности, угрожающей им в ночи. Привыкнув к темноте, мы увидели, что со всех сторон на нас смотрят тускло поблескивающие глаза, десятки глаз.

— Это то, что я думаю? — шепотом поинтересовалась Эмма, осторожно приподнимая одну ногу.

— Не думай об этом вообще, — ответил я. — Пошли, нам надо отойти подальше от этой двери.

Я взял ее за руку и повел вглубь домика. Мы с трудом пробирались сквозь лабиринт робких, шарахающихся от малейшего прикосновения животных. Пройдя по узкому коридору, мы вошли в комнату с одним высоким окном и уцелевшей дверью, чем не могли похвастать все остальные помещения. Мы забились в самый дальний угол, опустили на колени, скрывшись за беспокойной стеной овец, и замерли в ожидании.

Мы пытались миновать навоз, но на самом деле выхода у нас не было. Постепенно я начал различать в темноте очертания ящиков и коробок, составленных в углу, а также ржавых инструментов, висящих на стене позади нас. Я присмотрелся, пытаюсь найти что-нибудь достаточно острое для того, чтобы послужить в качестве оружия. Увидев что-то, напоминающее огромные ножницы, я приподнялся.

— Собрался стричь овец? — поинтересовалась Эмма.

— Это лучше, чем ничего.

Как раз в тот момент, когда я снимал ножницы со стены, из-за окна послышался какой-то звук. Овцы встревоженно заблеяли, и тут в лишенное стекол окно проник длинный черный язык. Я опустился на пол, стараясь производить как можно меньше шума. Эмма зажала рот рукой, чтобы заглушить звук собственного дыхания.

Напоминая перископ, язык обшаривал комнату, как будто ощупывая воздух. К счастью, мы укрылись в самой вонючей комнате на острове. Весь этот овечий аромат, видимо, замаскировал наш запах, потому что спустя минуту язык исчез, и мы услышали звук удаляющихся шагов.

Эмма отняла руку ото рта и судорожно вздохнула.

— Кажется, оно проглотило наживку, — прошептала она.

— Я хочу, чтобы ты знала, — заговорил я, — если мы выкарабкаемся, я остаюсь.

Она схватила меня за руку.

— Ты это серьезно?

— После того, что произошло, я не могу вернуться. Если я хоть чем-то могу быть полезен, я обязан вам помочь. До моего появления вы были в полной безопасности.

— Если мы выкарабкаемся, то я ни о чем не жалею, — прошептала она, прислоняясь к моему плечу.

И тут какой-то непостижимый магнит потянул мою голову к лицу Эммы. Но когда наши губы уже должны были соприкоснуться, тишину взорвали перепуганные овечьи вопли, доносящиеся из соседней комнаты. Мы резко отстранились друг от друга. Жуткий шум привел овец вокруг нас в отчаянное движение. Толкаясь и блея, они прижали нас к стене.

Это чудовище оказалось умнее, чем я думал.

Мы услышали, как оно приближается к нам, расталкивая овец на своем пути. Если у нас и была возможность убежать, то мы ее упустили. Поэтому, вжавшись в смрадный пол, мы молились, чтобы пустота нас не заметила.

Вдруг я почувствовал запах, еще более тошнотворный, чем царящая в домике вонь. Он доносился из входа в комнату. Овцы попятились от двери и сбились в кучу, как стая рыб, прижав нас к стене так сильно, что нам трудно было дышать. Мы схватились друг за друга и затаили дыхание, опасаясь издать хоть малейший звук. Пауза показалась нам невыносимо долгой. Мы не слышали ничего, кроме блеяния овец и топота их копыт. Затем раздался хриплый крик, внезапный и отчаянный, и так же внезапно

оборвался с омерзительным хрустом ломаемых костей. Мне не надо было поднимать голову, чтобы узнать — это существо только что разорвало овцу.

Начался хаос. Насмерть перепуганные животные толкались и отшвыривали нас к стене столько раз, что у меня все поплыло перед глазами. Пустота издала душераздирающий вопль и начала одну за другой поднимать овец к своим слюнявым челюстям, вгрызаясь в каждую всего один раз и отбрасывая ее в сторону, подобно прожорливому королю на средневековом пиру. Существо проделывало это снова и снова, убийствами прокладывая дорогу к нам. Меня парализовал ужас. Поэтому я не вполне могу объяснить то, что произошло вслед за этим.

Все мои инстинкты требовали, чтобы я прятался до последнего, еще глубже зарывшись в навоз. Но внезапно мое сознание пронзила ясная и четкая мысль — *я не допущу, чтобы мы умерли в этом дерьме*. Я толкнул Эмму за самую большую овцу, которую только увидел, и рванулся к выходу.

Дверь находилась в десяти футах от меня и была закрыта, а между мной и ею колыхалось море обезумевших от страха животных, но я как заправский лайнбэкер упрямо прокладывал себе путь вперед. Врезавшись в дверь плечом, я распахнул ее и с криком: «Иди сюда, урод! Попробуй меня поймать!» — выкатился под дождь.

Я знал, что мне удалось привлечь его внимание, потому что оно издало жуткий вой, и овцы ринулись из дома вслед за мной. Я вскочил на ноги и, убедившись, что оно охотится за мной, а не за Эммой, помчался к болоту.

Я чувствовал его у себя за спиной. Я мог бы бежать и быстрее, но у меня в руках все еще были ножницы. Я не мог заставить себя с ними расстаться. А потом земля под ногами начала зыбко проседать, и я понял, что выбежал на болото.

Дважды пустота подбиралась так близко, что ее языки хлестали меня по спине. Но каждый раз, когда я был уверен, что один из них вот-вот захлестнется вокруг моей шеи и оторвет мне голову, она спотыкалась и отставала. Единственной причиной, по которой я добежал до кургана с головой на плечах, было то, что я совершенно точно знал, куда ставить ноги. Благодаря Эмме я оказался способен промчаться по скрытой в болоте тропе даже в такую сумасшедшую безлунную ночь.

Я вскарабкался на земляное возвышение, рванулся к каменному входу и нырнул в туннель. Внутри было темно, хоть глаз выколи, но это не имело значения, — чтобы оказаться в безопасности, мне было необходимо добраться до последней пещеры. Дабы не терять времени, я даже не стал подниматься на ноги и продолжал ползти на четвереньках. Я проделал уже

половину пути, и у меня зародилась робкая надежда, что все обойдется, как вдруг почувствовал, что дальше ползти не могу, — один из языков обвил мою лодыжку.

Двумя другими пустота ухватила за камни у входа в туннель и использовала их как рычаги, не позволявшие ей скользить по грязи. Запечатав своим телом входное отверстие, она третьим языком начала подтягивать меня к себе. Я трепыхался, как рыба на крючке, но ничего не мог поделать.

Я цеплялся за землю, но она была усыпана гравием, и мои пальцы проскальзывали, как сквозь песок. Я перевернулся на спину, свободной рукой хватаясь за каменные стены, но мое скольжение было слишком стремительным. Я попытался отрезать язык ножницами, но они оказались чересчур тупыми и потому бессильными против мускулистой жилистой плоти. Поэтому я зажмурился, не желая, чтобы эти распахнутые челюсти стали последним, что я увижу на земле, и обеими руками стиснул выставленные вперед ножницы. Время словно растянулось, так, как, говорят, оно делает это во время автокатастроф, железнодорожных крушений и падений из самолета. Но я запомнил только момент, когда с разгона врезался в это чудовище.

От удара у меня перехватило дыхание, и тут же я услышал вопль врага. Мы вместе вылетели из туннеля и по склону кургана скатились в болото. Открыв наконец глаза, я увидел, что мои ножницы по самые рукоятки погружены в глазницы пустоты. Она верещала, как десять одновременно кастрируемых кабанов, металась, увязая в грязи, изливая потоки черной вязкой жидкости на ржавые рукоятки ножниц.

Я чувствовал, что существо умирает. Жизнь медленно покидала это жуткое тело, а хватка языка на моей лодыжке ослабевала. Я ощущал, что со мной тоже происходят изменения: тугой узел, в который страх стянул мои внутренности, постепенно развязывался. Наконец чудовище вытянулось и застыло. Трясина равнодушно сомкнулась над его головой, скрыв от меня эту мерзость. Теперь единственным напоминанием о его существовании служило блестящее пятно темной крови.

Я чувствовал, что болото засасывает и меня. Чем больше я сопротивлялся, тем более желанной добычей становился. *Какой странной находкой станет наша парочка через тысячу лет,* — размышлял я.

Я попытался добраться до твердой почвы, но добился обратного результата, погрузившись еще глубже. Трясина буквально карабкалась вверх по моему телу. Она достигла груди, подмышек, петель охватила мое горло.

Я начал звать на помощь, и чудесным образом она явилась — в форме того, что сначала показалось мне летящим навстречу светлячком. Затем я услышал голос Эммы и громко закричал в ответ.

Рядом упала ветка дерева. Я схватился за нее, и Эмма начала тащить. Когда я наконец выбрался из болота, то дрожал так сильно, что не мог удержаться на ногах. Эмма опустилась на землю, и я буквально свалился в ее объятия.

Я его убил, — думал я. — *Я действительно его убил*. Все то время, прожитое в страхе, я и мечтать не мог о том, что смогу *убить* одно из этих чудовищ!

Я вдруг почувствовал себя сильным. Теперь я мог себя защитить. Я знал, что никогда не стану таким сильным, как мой дед, но я не был и бесхребетным слабаком. Я мог их *убивать*.

Я решил опробовать это слово на вкус.

— Его больше нет. Я его *убил*.

Я засмеялся. Эмма обняла меня, прижавшись щекой к моей щеке.

— Я знаю, что он гордился бы тобой, — прошептала она.

Мы целовались, и это были ласковые и приятные поцелуи. Дождь капал с наших носов и затекал в приоткрытые рты. Мне показалось, что Эмма отстранилась слишком скоро.

— То, что ты мне сегодня сказал... это было серьезно?

— Я останусь, — подтвердил я. — Если мне позволит мисс Сапсан.

— Позволит. Я об этом позабочусь.

— Прежде чем мы начнем об этом заботиться, нам надо найти моего психиатра и отнять у него пистолет.

— Точно, — кивнула она, и ее лицо стало жестким. — Тогда не будем терять время.

* * *

Оставив позади дождь, мы выбрались в мир, полный дыма и шума. Петля еще не переустановилась, и болото было изрыто воронками от бомб, небо ревело самолетными двигателями, стена оранжевого пламени наступала на далекие деревья. Я хотел было предложить подождать, пока сегодня не превратится во вчера и все это не исчезнет, а уж затем пробираться к дому. Но вдруг меня обхватили чьи-то мускулистые руки.

— Вы живы! — воскликнула Бронвин.

С ней были Енох и Хью, и когда она выпустила меня из объятий, они

подошли, чтобы пожать мне руку и осмотреть с ног до головы.

— Прости, что я назвал тебя предателем, — попросил Енох. — Я рад, что ты не умер.

— Я тоже, — ответил я.

— Ты цел? — спросил Хью, еще раз окидывая меня критическим взглядом.

— Две руки и две ноги, — отозвался я, размахивая конечностями, чтобы продемонстрировать ему их целостность. — И вы можете больше не переживать из-за той пустоты. Мы ее убили.

— К черту скромность! — гордо заявила Эмма. — Ее убил *ты*.

— Потрясающе, — ответил Хью, но ни он, ни двое его спутников не смогли выдавить из себя улыбки.

— Что случилось? — забеспокоился я. — Погодите. Почему вы все не в доме? Где мисс Сапсан?

— Она исчезла, — ответила Бронвин. Ее губы дрожали. — И мисс Зарянка тоже. Он их похитил.

— О Боже! — ахнула Эмма. — Мы опоздали.

— Он пришел с пистолетом, — продолжал рассказывать Хью, глядя в землю, — и попытался захватить в заложницы Клэр. Но она цапнула его своим задним ртом, и он выпустил ее и тогда схватил меня. Я сопротивлялся, но он ударил меня по голове рукояткой пистолета. — Хью потрогал голову за ухом и показал нам испачканные кровью пальцы. — Он запер нас всех в подвале и сказал, что если мисс Сапсан и мисс Зарянка немедленно не превратятся в птиц, он сделает в моей голове дополнительную дырку. Поэтому они сделали то, что он им говорил, и он запихнул их в клетку.

— У него была с собой клетка? — изумилась Эмма.

Хью кивнул.

— Да. Я всегда считал себя хорошим стрелком, но он затолкал меня вместе со всеми остальными в подвал, а сам убежал и унес птиц.

— Вот так мы их и застали, когда вернулись, — с горечью в голосе подвел итог Енох. — Они прятались в подвале, как толпа трусов.

— Мы не прятались! — запротестовал Хью. — Он нас запер! Иначе он расстрелял бы нас всех.

— Хватит! — рявкнула Эмма. — Куда он побежал? Почему вы за ним не погнались?

— Мы не знаем, куда он отправился, — ответила Бронвин. — Мы надеялись, что вы его увидите.

— Нет, мы его не видели! — ответила Эмма, в отчаянии пиная камень.

Хью извлек что-то из кармана рубашки. Это была маленькая фотография.

— Он сунул это мне в карман перед тем, как уйти. Сказал: вот что будет, если мы попытаемся его преследовать.

Бронвин выхватила фото из пальцев Хью.

— О Боже! — ахнула она. — Неужели это мисс Ворон?

— Я думаю, что это мисс Ворона, — ответил Хью, растирая лицо ладонями.

— Вот и все! Им конец! — простонал Енох. — Я знал, что когда-нибудь этот день наступит!

— Миллард был прав, — с несчастным видом произнесла Эмма. — Нам нельзя было уходить.

На дальний край болота упала бомба. Прогредел приглушенный взрыв, взметнулась к небу болотная жижа.

— Погодите, — остановил их я. — Во-первых, мы не знаем наверняка, что это мисс Ворон или мисс Ворона. С таким же успехом это может быть снимок самой обычной вороны. И если бы Голан собирался убить мисс Сапсан и мисс Зарянку, зачем ему морочить себе голову с похищением? Если бы он хотел, чтобы они умерли, он убил бы их сразу. — Я обернулся к Эмме. — А если бы мы не ушли, нас бы заперли в подвале вместе со всеми

остальными, а по острову все еще рыскала бы пустота!

— Не пытайся меня утешать! — взвилась она. — Это ты виноват во всем, что здесь происходит!

— Десять минут назад ты говорила, что рада!

— Десять минут назад я не знала о том, что мисс Сапсан похитили.

— Прекратите! — потребовал Хью. — Сейчас важно только то, что Птица исчезла и нам необходимо ее вернуть!

— Отлично, — кивнул я. — Давайте поразмыслим. Если бы вы были тварью, куда бы доставили двух похищенных имбрин?

— Все зависит от того, для чего их похитили, — отозвался Енох. — А этого мы не знаем.

— Первым делом их необходимо увезти с острова, — догадалась Эмма. — А для этого нужна лодка.

— С какого острова? — спросил Хью. — В петле или за ее пределами?

— Остров за пределами петли разрывает на части шторм, — напомнил им я. — Там никто далеко в лодке не уплывет.

— Тогда он должен быть в петле, — несколько приободрившись, предположила Эмма. — Так чего же мы медлим? Побежали в доки!

— Может, он и в доках, — произнес Енох. — То есть если он еще никуда не уплыл. Но даже если мы разыщем его в этой темноте, по пути не заполучив в пузо немецкими снарядами, не надо забывать о его пистолете. Вы что, с ума все посходили? Вы хотите, чтобы Птицу расстреляли прямо у нас на глазах?

— Вот и отлично! — сорвался Хью. — Давайте откажемся от всяких розысков и просто вернемся домой. Что вы скажете о чашечке чаю перед сном? А впрочем, к черту чай! Птицы нет, и мы вполне можем выпить чего-нибудь покрепче! Например, пунша! — Он уже плакал, размазывая по щекам горячие гневные слезы. — Как вы можете хотя бы не *попытаться* после всего, что она для нас сделала?

Не успел Енох ответить, как со стороны тропинки донесся чей-то голос. Хью шагнул вперед, прищурился и как-то странно изменился в лице.

— Это Фиона, — произнес он.

До этого момента я никогда не слышал из уст Фионы ни единого звука. Сейчас ее крики заглушали гул самолетов и отдаленные взрывы. Поэтому мы бросились бежать к ней через болото.

Выбираясь на тропинку, мы тяжело дышали, а Фиона к тому времени успела охрипнуть. Сейчас глаза девушки были такими же безумными, как и ее прическа. Она принялась тащить и толкать нас по направлению к городу. При этом она кричала так отчаянно, а ее ирландский акцент был настолько

сильным, что ни один из нас не понимал ни слова из того, что она говорила. Хью схватил ее за плечи и потребовал, чтобы она успокоилась и говорила медленнее.

Дрожа как осиновый лист, она сделала глубокий вдох и ткнула пальцем в темноту.

— Миллард пошел за ним! — сказала она. — Он спрятался, когда этот человек запер нас всех в подвале, а потом отправился за ним!

— Куда он пошел?

— У него была лодка.

— Вот видите! — закричала Эмма. — Доки!

— Нет, Эмма, — покачала головой Фиона. — Это была твоя лодка. Та, о которой якобы никто не знает и которую ты держишь на отмели. Он вместе с клеткой сел в лодку, вышел в море и просто плавал кругами. Но потом прилив стал слишком сильным, и он причалил к скале, на которой стоит маяк. Сейчас он именно там.

Мы со всех ног бросились к маяку. Прибежав к утесам, окаймлявшим берег напротив него, мы увидели столпившихся там детей.

— На землю! — неожиданно прошипел откуда-то Миллард.

Упав на колени, мы поползли к ним. Они прятались за густыми зарослями камыша, по очереди выглядывая из-за них, чтобы посмотреть на маяк. Они, особенно малыши, показались мне контуженными, как будто еще не до конца осознали весь ужас обрушившегося на них кошмара. То, что мы только что пережили свой собственный кошмар, уже не имело никакого значения.

Я подполз к краю утеса, выглянул из-за камышей и увидел привязанную к камню лодку Эммы, но ни Голана, ни имбрин видно не было.

— Что он там делает? — прошептал я.

— Кто знает, — отозвался Миллард. — Возможно, его кто-то должен оттуда снять. Или он дожидается, пока волны улягутся, позволив ему плыть дальше.

— В моей-то лодчонке? — засомневалась Эмма.

— Я тебе уже сказал, что это только догадки.

Один за другим раздались три оглушительных взрыва, и мы упали на землю, закрывая голову руками. Небо окрасилось в ярко-оранжевый цвет.

— Здесь бомбы падали? — обернулась Эмма к Милларду.

— Мое исследование касается только поведения людей и животных, — ответил он. — Никак не бомб.

— Толку нам сейчас от твоего исследования, как от козла молока, —

проворчал Енох.

— У тебя тут, случайно, не спрятаны еще какие-нибудь лодки? — спросил я у Эммы.

— Увы, нет, — покачав головой, прошептала девушка. — Нам придется добираться до маяка вплавь.

— Приплывем мы туда, и что дальше? — поинтересовался Миллард. — Попадем под пули?

— Что-нибудь придумаем, — упрямо произнесла она.

— Прелестно, — вздохнул Миллард. — Импровизированное самоубийство.

— Может, у вас есть идеи получше?

Эмма обвела взглядом нас всех.

— Если бы у меня были мои солдатики... — начал Енох.

— Они бы тут же раскисли, оказавшись в воде, — закончил за него Миллард.

Енох опустил голову. Остальные молчали.

— В таком случае решено, — произнесла Эмма. — Кто со мной?

Я поднял руку. То же самое сделала Бронвин.

— Вам понадобится кто-то, кого тварь не сможет увидеть, — вздохнул Миллард. — Так что, если уж вы настаиваете на этой идее, вам придется взять и меня.

— Четверых достаточно, — кивнула Эмма. — Надеюсь, вы все хорошо плаваете?

Времени на раздумья и долгие прощания не было. Оставшиеся на берегу пожелали нам удачи, и мы приступили к реализации нашего плана.

Сбросив черные плащи и согнувшись, подобно коммандос, мы посеменили через камыши к тропинке, ведущей вниз, к кромке воды. Добежав до спуска, мы плюхнулись на задницы и, как маленькие лавины, понеслись вниз. Из-под ног вздымались клубы песка, мгновенно набившегося нам под одежду.

Внезапно у нас над головой раздался шум, напоминающий визг полусотни электропил. Мы упали на землю, и над нами с ревом пронесся самолет. Ураганный поток воздуха рванул наши волосы и поднял вокруг нас настоящую песчаную бурю. Я стиснул зубы, ожидая, что взрывом бомбы нас разнесет на куски.

Однако, так и не дождавшись взрыва, мы двинулись дальше. И оказались на пляже. Эмма собрала нас вокруг себя.

— Между берегом и маяком лежит затонувший корабль, — сообщила она. — Я поплыву к нему, а вы за мной. Старайтесь особо не высовываться

из воды, чтобы он вас не заметил. Когда доплывем до корабля, решим, что нам делать дальше.

— Надо отнять у него наших имбрин, — произнесла Бронвин.

Мы подползли к линии прибоя и скользнули в холодную воду. Поначалу плыть было легко, но, чем дальше мы заплывали, тем труднее становилось бороться с течением, пытавшимся отнести нас назад. Над нами прожужжал еще один самолет, обдав нас тучей обжигающе-холодных брызг.

Подплывая к кораблю, мы совершенно выбились из сил. Ухватившись за его ржавый корпус и до подбородка погрузившись в воду, мы смотрели на маяк и крошечный каменистый остров, служивший ему основанием. Моего заблудшего психотерапевта нигде не было видно. Сквозь клубы дыма от взрывов пробивался свет полной луны, которая висела низко и была подобна призрачному двойнику маяка.

Перебирая руками, мы двигались вдоль корабля, пока не добрались до его края. Теперь от скалы с маяком нас отделяло не больше пятидесяти ярдов.

— Вот что я предлагаю, — заговорила Эмма. — Он уже убедился в силе Вин, поэтому ей угрожает наибольшая опасность. Мы с Джейкобом найдем Голана и отвлечем его внимание на себя, а Вин подкрадется к нему сзади и съездит по башке. Тем временем Миллард схватит клетку с птицами. Возражения будут?

Как будто в ответ на ее вопрос раздался выстрел. Сначала мы не поняли, что это. Выстрел отличался от доносящихся издалика мощных раскатов и был произведен из малокалиберного пистолета — скорее ПАХ, чем БА-БАХ. Но когда звук повторился, сопровождаясь всплеском воды, мы поняли, что это стреляет Голан.

— Отступаем! — прокричала Эмма, и, выскочив из воды, мы бросились бежать по затонувшему корпусу, пока он не ушел у нас из-под ног и мы не попрыгали в воду. Мгновение спустя мы вынырнули, отдуваясь и хватая ртом воздух.

— Вот вам и неожиданное нападение! — произнес Миллард.

Голан перестал стрелять, но мы видели, что он стоит у открытой двери маяка, держа в руках пистолет.

— Хоть он и злобный мерзавец, но, похоже, далеко не глуп, — покачала головой Бронвин. — Он знал, что мы за ним погонимся.

— Но теперь мы не можем этого сделать! — Эмма в отчаянии хлопнула ладонью по воде. — Он расстреляет нас, как котят!

Миллард вскарабкался обратно на корпус корабля.

— Он не сможет расстрелять того, кого не видит. Я поплыву к нему.

— Дурачок, вода делает тебя видимым, — вздохнула Эмма, и это было действительно так — там, где он стоял, отчетливо виднелись очертания человеческого тела, похожие на негатив фотоснимка.

— Все равно меня видно хуже, чем вас, — возразил Миллард. — Как бы то ни было, я прошел за ним пол-острова, а он ни о чем не догадался. Думаю, я смогу преодолеть еще пару сотен метров.

Спорить с ним было тяжело, да и не было смысла, поскольку выбор у нас стоял между полным отказом от нашей затеи и прямым попаданием под шквал выстрелов.

— Ладно, — наконец смягчилась Эмма. — Если ты и в самом деле думаешь, что у тебя получится...

— Кто-то же должен быть героем, — ответил он и зашагал по корпусу корабля.

— Знаменитые последние слова, — пробормотал я.

Вдали, за клубами дыма, я видел Голана, торчащего в открытой двери маяка. Вдруг он опустился на колено и прицелился, опершись локтем о поручень перил.

— Берегись! — крикнул я, но было уже поздно.

Раздался выстрел. Миллард вскрикнул.

Мы все взобрались на корпус корабля и бросились к нему. Я был абсолютно уверен в том, что сейчас меня подстрелят. Мне даже показалось, что плеск наших ног в воде — это град пуль, который обрушил на нас Голан. Но стрельба прекратилась. *Перезаряжает*, — подумал я. Это означало, что у нас появилось немного времени.

Миллард на коленях стоял в воде. Он пошатывался, а по его груди струилась кровь, позволившая мне впервые увидеть его тело.

Эмма схватила его за руку.

— Миллард! Ты в порядке? Скажи что-нибудь!

— Я должен перед вами извиниться, — произнес он. — Похоже, я добился только того, что меня подстрелили.

— Необходимо срочно остановить кровь! — заявила Эмма. — Его надо доставить на берег!

— Вздор, — запротестовал Миллард. — Этот тип вас уже так близко к себе не подпустит. Если вы сейчас отступите, то наверняка потеряете мисс Сапсан.

Раздались новые выстрелы. Одна из пуль просвистела у самого моего уха.

— Сюда! — крикнула Эмма. — Ныряйте!

Сначала я не понял, что она имеет в виду, — мы были в сотне футов от края корабля, — а потом увидел, куда она бежит. Это была черная дыра в корпусе — люк, ведущий в грузовой отсек.

Мы с Бронвин подхватили Милларда и побежали за ней. Пули со звоном барабанили о железо вокруг нас. Казалось, кто-то трясет мусорный бак.

— Задержи дыхание, — скомандовал я Милларду перед тем, как вперед ногами прыгнуть в люк.

Мы спустились вниз по лестнице и повисли, зацепившись за ее перекладины. Я попытался открыть глаза, но соленая вода щипала слишком сильно. В ней ощущался вкус крови Милларда.

Эмма протянула мне дыхательную трубку, и мы начали передавать ее друг другу. Я запыхался от бега, и одного вдоха в несколько секунд мне явно не хватало. Мои легкие горели огнем, и у меня начала кружиться голова.

Кто-то потянул меня за рубашку. *Поднимаемся.* Я начал медленно перебирать перекладины лестницы. Бронвин, Эмма и я едва приподнялись над поверхностью только для того, чтобы подышать, а Миллард остался под водой. Там было безопаснее, и дыхательная трубка теперь была в его полном распоряжении.

Мы говорили шепотом и не сводили глаз с маяка.

— Мы не можем здесь оставаться, — произнесла Эмма. — Миллард потеряет много крови и умрет.

— На то, чтобы переправить его на берег, уйдет не меньше двадцати минут, — заметил я. — С таким же успехом он может умереть по пути туда.

— Я не знаю, что еще мы можем сделать.

— Маяк совсем близко, — сказала Бронвин. — Давай оттащим его туда.

— Голан позаботится о том, чтобы мы все истекли кровью и умерли! — возразил я.

— Ничего у него не выйдет, — яростно прошептала Бронвин.

— Почему? У тебя вместо кожи броня?

— Возможно, — уклончиво ответила та, после чего сделала глубокий вдох и скрылась в люке.

— О чем она говорит? — удивленно спросил я у Эммы.

— Понятия не имею, — обеспокоенно ответила та. — Но что бы это ни было, надеюсь, она скоро вернется.

Я наклонился к люку, надеясь увидеть, что делает Бронвин, но вместо этого увидел вцепившегося в лестницу Милларда в окружении забавных,

похожих на фонарики рыбок. Затем я ощутил, как завибрировал под моими ногами корпус корабля, а мгновение спустя на поверхности показалась голова Бронвин, которая держала в руках прямоугольный кусок металла размером шесть на четыре фута с круглым отверстием, окруженным заклепками. Она сорвала с петель дверь отсека.

— И что ты собираешься с этим делать? — удивилась Эмма.

— Плыть к маяку.

Бронвин выпрямилась, держа перед собой дверь.

— Вин, он тебя убьет! — закричала Эмма.

Тут действительно прогремел выстрел, и пуля с лязгом отскочила от двери.

— Поразительно! — ахнул я. — Это щит!

— Вин, ты гений! — засмеялась Эмма.

— Миллард может сесть мне на спину, — ответила Бронвин. — А вы пристраивайтесь сзади.

Эмма, кряхтя, вытащила Милларда из люка и закинула его руки на шею Бронвин.

— Там, внизу, просто изумительно, — мечтательным голосом произнес он. — Эмма, почему ты никогда не рассказывала мне об ангелах?

— Каких ангелах?

— Прелестных зеленых ангелах, которые живут под самой поверхностью воды, — прошептал он, дрожа всем телом. — Они были так добры, что предложили отнести меня прямо на небо.

— Пока что никто из нас на небо не отправляется, — озабоченно нахмурившись, ответила Эмма. — Ты только держись за Бронвин, хорошо?

— Хорошо, — потухшим голосом ответил он.

Эмма подошла к нему сзади, своим телом прижав его к спине Бронвин, чтобы он не соскользнул с нее. Я встал позади Эммы, замыкая нашу странную процессию, и мы зашлепали-засеменили по кораблю в сторону маяка.

Мы представляли собой внушительную цель, и Голан тут же принялся разряжать в нас магазин своего пистолета. Отскакивая от щита, пули оглушительно звенели, но одновременно странным образом нас успокаивали. Впрочем, после десятка выстрелов все стихло, однако, по моему мнению, это не означало, что у него закончились пули. Дойдя до конца корабля, Бронвин осторожно погрузилась в воду, продолжая держать впереди нашей цепочки массивную железную дверь. Наша процессия превратилась в группу чудаков, плывущих по-собачьи и старающихся держаться вплотную друг к другу. И все это время Эмма разговаривала с

Миллардом, заставляя его отвечать на вопросы и не позволяя ему погрузиться в забытие.

— Миллард! Кто у нас премьер-министр?

— Уинстон Черчилль, — отвечал он. — У тебя что, совсем крыша поехала?

— Столица Бирмы?

— О Господи, понятия не имею. Рангун.

— Отлично! Когда у тебя день рождения?

— Да прекрати ты орать и дай мне спокойно истечь кровью!

Преодоление короткого расстояния от корабля до маяка не заняло у нас много времени. Продолжая держать перед собой щит, Бронвин выбралась на прибрежные камни. Голан выстрелил еще несколько раз, и теперь сила, с которой пули ударяли о щит, едва не заставила ее потерять равновесие. Она зашаталась и чуть не упала на спину. Мы прятались под камнем, на котором она стояла, и вес Бронвин вкупе с весом двери наверняка расплющил бы нас, как козявок. Эмма успела подставить руки и упереться в спину Бронвин. Она изо всех сил толкнула подругу, и наконец та вместе с дверью, пошатываясь, ступила на сухую землю. Мы выбрались из воды вслед за ней, прижимаясь друг к другу и дрожа от холода на резком ночном ветру.

Скалы, на которых стоял маяк, в самом широком месте протянулись на пятьдесят ярдов и, строго говоря, представляли собой крошечный остров. У заржавевшего подножия маяка мы увидели десяток каменных ступеней, которые вели к открытой двери, где все так же стоял и целился в нас Голан.

Я рискнул заглянуть в иллюминатор на двери. В одной руке Голан держал пистолет, а в другой клетку с птицами, такую тесную, что зрительно отличить одну птицу от другой было практически невозможно.

Просвистел очередной выстрел, заставивший меня пригнуться ниже.

— Подойдите ближе, и я пристрелю их обоих, — закричал Голан, трясая клеткой.

— Он лжет, — прошептал я. — Они ему нужны.

— Этого знать наверняка невозможно, — возразила Эмма. — В конце концов, он сумасшедший.

— Но не можем же мы тупо бездействовать!

— Надо заставить его запаниковать, — заявила Бронвин. — Он не будет знать, что ему делать. Но если мы хотим, чтобы это сработало, мы должны действовать прямо СЕЙЧАС!

Не дав нам ни малейшего шанса обдумать ее предложение, Бронвин

ринулась к маяку. Нам не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней. В конце концов, у нее в руках была наша защита. В следующее мгновение пули снова зазвенели о железо «щита», зачиркали о камни у наших ног.

Мне казалось, я вишу на задней двери мчащегося на полной скорости поезда. Бронвин была страшна. Она ревела, как варвар, вены у нее на шее вздулись, а спина и руки были перепачканы кровью Милларда. В этот момент я был очень рад, что нахожусь по эту, а не по ту сторону двери.

Подбежав к маяку, Бронвин заорала:

— Прячьтесь за стену!

Мы с Эммой схватили Милларда и отскочили в сторону, чтобы укрыться за дальней стеной маяка. На бегу я успел заметить, как Бронвин обеими руками подняла дверь и швырнула ее в Голана.

Раздался оглушительный грохот и вопли, а несколько секунд спустя Бронвин уже присоединилась к нам.

— Кажется, я в него попала, — раскрасневшись и тяжело дыша, выпалила она.

— А как же птицы? — спросила Эмма. — Ты о них-то подумала?

— Он их уронил. Они в порядке.

— Могла бы с нами посоветоваться, прежде чем превратиться в берсерка и поставить под угрозу наши жизни! — не унималась Эмма.

— Тсс! — зашипел я. Мы услышали тихий скрип металла. — Это еще что такое?

— Он поднимается по лестнице, — ответила Эмма.

— Вам лучше поспешить за ним, — прохрипел Миллард.

Мы обернулись к нему. Он еле стоял, прислонившись к стене.

— Сначала надо позаботиться о тебе, — покачал головой я. — Кто умеет накладывать жгут?

Бронвин наклонилась и оторвала штанину своих брюк.

— Я умею, — ответила она. — Я остановлю кровотечение, а вы догоняйте тварь. Я его хорошенько огрела, но не прибила окончательно. Надо догнать его, пока он не пришел в себя.

Я обернулся к Эмме.

— Ты готова?

— Готова ли я добраться до этого гада и расплавить его мерзкую рожу? А как же! — отозвалась она, показывая мне руки, между ладонями которых вспыхнула огненная дуга.

Мы с Эммой перебрались через погнутую корабельную дверь, после броска Бронвин лежавшую на ступенях, и вошли в помещение маяка. Оно представляло собой узкую, совершенно вертикальную комнату, нечто вроде колодца, в котором доминировала тощая винтовая лестница, штопором поднимавшаяся от пола до каменной площадки более чем в сотне футов над нашими головами. Мы слышали шаги Голана, тяжело взбравшегося наверх, но было слишком темно, чтобы разглядеть, насколько высоко он успел подняться.

— Ты его видишь? — спросил я, запрокидывая голову и вглядываясь в исчезающую где-то вверху лестницу.

Ответом мне послужил выстрел. Пуля попала в стену совсем рядом со мной и скрикнула куда-то в сторону. За первым выстрелом последовал второй. На этот раз пуля угодила в пол у моих ног. С бешено бьющимся сердцем я отпрянул в сторону.

— Сюда! — крикнула Эмма.

Схватив меня за руку, она увлекла меня в то единственное место, куда Голан не мог попасть, как бы ни старался, — к подножию лестницы.

Мы поднялись на несколько ступеней — они были чудовищно расшатаны и плясали под нашими ногами, как лодка в плохую погоду.

— Это какой-то ужас! — воскликнула Эмма, вцепившись в поручень побелевшими от напряжения пальцами. — Даже если нам удастся взобраться наверх, не свалившись вниз, он нас просто пристрелит!

— Если мы не можем подняться, надо заставить его спуститься, — предложил я и начал изо всех сил раскачиваться взад и вперед, дергая за поручень и топая ногами.

Несколько секунд Эмма смотрела на меня как на конченого психа, но потом поняла мой замысел и начала буйнить вместе со мной. Вскоре лестница заходила ходуном.

— Что, если она возьмет и обвалится?! — прокричала Эмма.

— Будем надеяться, что этого не произойдет!

Мы затрясли перилами еще сильнее. Посыпались болты и шурупы. Лестница колыхалась так сильно, что я с трудом удерживался на ногах. Голан завизжал, осыпая нас изысканными ругательствами. И вдруг что-то загремело по ступеням и через пару мгновений упало на пол где-то совсем рядом.

Первым, о чем я подумал, было: *О Господи, что, если это клетка? Я*

бросился вниз и, миновав Эмму, упал на колени, в темноте шаря ладонями по полу.

— Что ты делаешь? — закричала Эмма. — Он тебя убьет!

— Не убьет!

Я с торжествующим видом поднял вверх пистолет Голана. Он все еще был теплым от стрельбы и показался мне очень тяжелым. Я понятия не имел, есть ли в нем еще пули, и не знал, как это проверить в крошечной тьме. Я тщетно пытался вспомнить хоть что-то из тех немногочисленных уроков стрельбы, которые дедушке было позволено мне дать. В конце концов я просто взбежал по лестнице обратно, туда, где ожидала меня Эмма.

— Он наверху, и деваться ему некуда, — сообщил я ей очевидный факт. — Мы должны быть очень осторожны. Надо попытаться урезонить его при помощи веских аргументов, иначе никто не знает, что он может сделать с птицами.

— Я сброшу его вниз, вот и все аргументы, — сквозь зубы процедила Эмма.

Мы начали подниматься по лестнице. Она раскачивалась во все стороны и была такой узкой, что идти можно было только друг за другом и к тому же пригнувшись, чтобы не удариться головой о верхние ступеньки. Я молился о том, чтобы разболтанные нами крепежи не оказались теми, что удерживают несущие конструкции лестницы.

Взобравшись на самый верх, мы замедлили шаг. Вниз я не смотрел, сосредоточившись на своих ногах, ступающих по шатким ступеням, и руках, одна из которых скользила по перилам, а вторая — сжимала пистолет. Ничего иного в этот момент для меня не существовало.

Я подобрался, готовясь к неожиданному нападению, но все было тихо. Лестница оканчивалась люком, ведущим на каменную площадку у нас над головами. Сквозь отверстие люка в башню проникали холод ночи и порывы ветра. Я высунул в дыру пистолет, а затем уже голову. Я был готов к драке, но Голана нигде не было. С одной стороны от меня где-то наверху вращался прожектор маяка, защищенный толстым стеклом. Вблизи его свет был ослепительно ярким и, обращаясь в нашу сторону, вынуждал меня закрывать глаза. С другой стороны площадку ограждал тощий поручень. Дальше была бездна, а под ней — скалы и бурлящее море.

Я выбрался на узкую площадку и обернулся, чтобы помочь Эмме. Мы стояли, прижавшись спинами к теплему кожуху прожектора и глядя в ледяную ночь.

— Птица где-то рядом, — прошептала Эмма. — Я ее чувствую.

Она сделала резкое движение кистью, и у нее на ладони вспыхнул огненный шар. Его насыщенный цвет и воинственная яркость подсказали мне, что на этот раз она вызвала к жизни не свет, а оружие.

— Нам надо разделиться, — прошептал я. — Ты обходи башню с одной стороны, а я пойду тебе навстречу. Таким образом мы не позволим ему ускользнуть.

— Джейкоб, мне страшно.

— Мне тоже. Но он ранен, а его пистолет у нас.

Она кивнула, коснулась моей руки и повернулась, чтобы идти.

Я медленно обходил прожектор, сжимая пистолет и лихорадочно гадая, заряжен ли он. Постепенно в поле моего зрения возникла обратная сторона башни.

Я увидел Голана. Он сидел, низко опустив голову и прижавшись спиной к ограждению, а клетку держал между коленями. У него была рассечена переносица — по лицу, как багровые слезы, струилась кровь.

На прутьях клетки был закреплен красный огонек, мигавший с интервалом в несколько секунд.

Я сделал еще один шаг, а он поднял голову и посмотрел на меня. Его лицо было выпачкано кровью, сосуды в одном из белых глаз полопались, а в уголках рта выступила слюна.

Он, пошатываясь, поднялся — клетка в руке.

— Поставь клетку.

Он наклонился, сделав вид, что подчиняется приказу, но неожиданно дернулся в сторону и попытался убежать. Я вскрикнул и бросился в погоню, но как только он исчез за прожектором, я увидел вспышку, и Голан с воем ринулся обратно ко мне. Свободной рукой он прикрывал лицо, а его волосы дымились.

— Стоять! — завопил я, и он понял, что бежать ему уже некуда.

Он поднял клетку, свою последнюю надежду на спасение, и злобно ее тряхнул. Птицы закричали, пытаясь клюнуть его сквозь толстые прутья.

— Вы этого хотите?! — кричал Голан. — Ну, давайте, сожгите меня. Птицы тоже сгорят! Выстрелите в меня — и я брошу их вниз!

— Не успеешь, если я выстрелю тебе в голову.

Он захохотал.

— Да ты при всем желании не способен выстрелить из пистолета. Не забывай, что я очень близко знаком с твоей несчастной хрупкой психикой. Тебе до конца жизни будут сниться кошмары.

Я попытался представить себе, как это будет. Вот я сгибаю палец на спусковом крючке, нажимаю... Выстрел, отдача. Что в этом трудного?

Почему моя рука дрожит при одной только мысли об этом? Сколько тварей убил мой дед? Десятки? Сотни? Если бы он стоял сейчас здесь, на моем месте, Голан был бы уже мертв. Он распластался бы на бетонном полу там, где сидел, не успев встать. Дед бы такого момента не упустил. А от меня эта возможность уже ускользнула. Каждая секунда моей чертовой нерешительности может стоить имбринам жизни.

Качнулась лампа маяка, мощным светом выхватывая из мрака наши сверкающие силуэты. Голан поморщился и отвернулся. *Еще один упущенный шанс*, — подумал я.

— Поставь клетку и пойдем с нами, — скомандовал я. — Мы не хотим никого убивать.

— Ну, не знаю, — протянула Эмма. — Если Миллард не выживет, я за себя не ручаюсь.

— Вы хотите меня убить? — спросил Голан. — Давайте, прикончите меня. Но тем самым вы только оттянете неизбежное. Я уже не говорю о том, что вы сделаете хуже только самим себе. Теперь мы знаем, как вас найти. Вместо меня придут другие. Смею вас заверить, на фоне их разгула то, что я сделал с вашим другом, покажется вам благотворительностью.

— *Прикончить* тебя, говоришь? — прошипела Эмма. Огненный шар засветился ярче, выбросив в ночное небо фонтан искр. — Кто сказал, что это будет быстро?

— Я предупредил вас — я их убью, — повторил Голан, прижимая клетку к груди.

Эмма шагнула к нему.

— Мне восемьдесят восемь лет, — тихо произнесла она. — Как ты думаешь, я в состоянии обойтись без няnek? — На ее лице застыла непроницаемая маска. — Я и передать тебе не могу, как давно мы мечтаем выбраться из-под крыла этой женщины. Клянусь тебе, ты окажешь нам услугу.

Голан растерянно завертел головой, глядя то на меня, то на Эмму и пытаюсь понять: *она это всерьез?* На мгновение он по-настоящему испугался, но потом взял себя в руки.

— Врешь, засранка!

Эмма потеряла ладони и медленно развела их в стороны. В воздухе между ними задрожала огненная петля.

— Давай докажу.

Я не знал, на что готова Эмма, но понял, что должен вмешаться, пока птицы не вспыхнули ярким пламенем или не полетели вместе с клеткой в море.

— Скажи нам, для чего тебе понадобились имбрины, и, может, она тебя пощадит, — предложил я Голану.

— Мы всего лишь хотим завершить начатое, — сообщил нам Голан. — Это всегда было нашей единственной целью.

— Ты имеешь в виду ваш эксперимент, — мрачно отозвалась Эмма. — Однажды вы его уже поставили. И посмотри на последствия. Вы сами себя обратили в чудовищ!

— Да, — согласился он. — Но жизнь была бы скучна и лишена интриги, если бы все всегда получалось с первой попытки. — Он улыбнулся. — На этот раз мы привлечем к делу способности лучших в мире манипуляторов временем. Таких, как эти леди. На этот раз мы застрахованы от неудачи. У нас было целых сто лет на то, чтобы разобраться, что же пошло не так. Выходит, что нам нужна была более мощная реакция!

— В прошлый раз реакция была *слабой*? — изумился я. — Да вы взорвали пол-Сибири!

— Если и проигрывать, — помпезно воскликнул он, — так красиво!

Я вспомнил пророческий сон Горация о тучах пепла и обугленной земле. Только теперь я понял, *что* ему показали. Если усилия тварей и пустот снова окажутся тщетны, на этот раз они уничтожат куда больше, чем пятьсот миль безлюдной тайги. А в случае успеха они превратятся в бессмертных полубогов. Это то, о чем они всегда мечтали... Я содрогнулся, представив себе жизнь под их властью. Это будет настоящий ад.

Прожектор снова обернулся к нам, ослепив Голана во второй раз. Я внутренне собрался, готовясь броситься на него, но удобный момент миновал слишком быстро.

— Это бесполезно, — заявила Эмма. — Можете похитить всех до единой имбрин. Они все равно не станут вам помогать.

— Станут. Иначе мы их уьем. Медленно. Одну за другой. А если это на них не подействует, мы начнем убивать вас, а их заставим смотреть.

— Ты безумец, — произнес я.

Птицы запаниковали и начали кричать.

— Нет! — перекрикивая их, заорал Голан. — *Настоящее* безумие заключается в том, что вы, странные люди, прячетесь от мира, в то время как могли бы им управлять. Вы уступаете смерти, хотя могли бы ее победить. Вы позволили этому генетическому мусору человеческой расы загнать вас в подполье, хотя могли бы обратить их в своих рабов, заставив занять единственно подходящее для них место. — Каждое свое предложение он сопровождал мощным встряхиванием клетки. — Вот в чем

закljučается истинное безумие!

— Прекрати это! — закричала Эмма.

— Ага, значит, на самом деле они тебе не безразличны! — Он тряхнул клетку еще сильнее. Внезапно красный огонек на ее прутьях засветился гораздо ярче, и Голан обернулся, обводя взглядом ночное море. Потом он снова посмотрел на Эмму. — Они тебе нужны? Забирай!

Он размахнулся и качнул клетку прямо ей в лицо.

Эмма вскрикнула и пригнулась. Подобно метателю диска, Голан развивал свое движение, пока клетка не пролетела у нее над головой, и только после этого разжал пальцы. Птичья тюрьма перелетела через перила и, кувыркаясь в пространстве, исчезла в ночи.

Я выругался, а Эмма с криком бросилась к перилам, хватая руками воздух и с отчаянием глядя вслед падающей в море клетке. Голан воспользовался моей растерянностью и сбил меня с ног, нанеся удар кулаком в живот, а потом в челюсть.

У меня все поплыло перед глазами, дыхание остановилось. Он схватился за пистолет, но я вцепился в оружие из последних сил, пытаюсь не выпустить его из пальцев. Он так отчаянно пытался его заполучить, что теперь мне стало ясно — пистолет заряжен. Я бы швырнул его в море, но Голан уже почти отнял его, и я не имел права разжимать пальцы.

— Ах ты ублюдок! — завизжала Эмма.

Ее руки снова окутались огнем, и, подскочив к нему сзади, она схватила его за шею. Кожа Голана зашипела, как холодный стейк на раскаленном гриле. Он взвыл, выпустил пистолет и откатился в сторону. Его редкие волосы вспыхнули, но он уже держал Эмму за горло, как будто ему было наплевать на то, что он горит. Единственной его целью было задушить ее. Вскочив на ноги, я обеими руками стиснул рукоятку пистолета и прицелился.

На мгновение он оказался прямо передо мной. Я попытался выбросить из головы абсолютно все и сосредоточиться на том, чтобы унять дрожь в руках и создать воображаемую линию, соединяющую мою руку и цель. А целью была голова человека. Нет, не человека. Он уже не мог носить это звание. Передо мной было существо. Сила, ставшая причиной смерти моего деда и уничтожившая то, что я скромно называл своей жизнью, какой бы убогой она ни была. Именно эта сила привела меня сюда, в эти обстоятельства и в этот момент. *Расслабь руки, сделай глубокий вдох, крепче держи пистолет.*

Пара секунд — и у меня появился повод отступить, потому что представившаяся возможность уже почти ускользнула.

Нажимай.

Пистолет дернулся у меня в руках. Вокруг нас словно разверзлась земля, таким чудовищным и внезапным был грохот выстрела. Я закрыл глаза. Когда я снова открыл их, мне почудилось, что все вокруг застыло. Хотя Голан по-прежнему стискивал горло Эммы, увлекая ее к краю площадки, мне показалось, что я смотрю на вылитую из бронзы статую. Может, это имбрины опять превратились в людей и применили к нам свою магию? Но тут все снова пришло в движение: Эмма вырвалась из рук Голана, а он попятился и тяжело осел на перила.

Голан изумленно посмотрел на меня и открыл рот, чтобы что-то сказать, но понял, что не может издать ни звука. Он прижал ладони к продырявленному мной горлу. Кровь, пульсируя, струилась сквозь его пальцы и стекала по рукам. А потом силы его оставили, он качнулся назад и исчез в темноте.

Как только Голан скрылся из виду, мы тут же о нем забыли. Эмма показала на море и закричала:

— Смотри! Смотри!

Проследив за направлением ее руки, я с трудом разглядел во мраке раскачивающийся на волнах красный огонек. В следующую секунду мы уже мчались вниз по бесконечной лестнице, даже не надеясь добраться до клетки прежде, чем она затонет, но тем не менее твердо зная, что сделаем все, что от нас зависит.

Выскочив наружу, мы увидели перевязанного Милларда и рядом с ним Бронвин. Он крикнул что-то, чего я не расслышал, но крик убедил меня в том, что он жив. Я схватил Эмму за плечо и указал туда, где плясала на волнах украденная Голаном лодка. Но до нее было слишком далеко — она находилась с противоположной стороны маяка — и отвязывать ее было некогда. Вместо того чтобы бежать к лодке, Эмма потащила меня к берегу, и мы с разбегу прыгнули в воду.

Холода я даже не почувствовал. Я не мог думать ни о чем, кроме необходимости доплыть до клетки, прежде чем она пойдет на дно. Мы яростно гребли, захлебываясь и сражаясь с захлестывающими нас черными волнами. Оценить расстояние до огонька, крошечной светящейся точки в бушующем океане темноты, было практически невозможно. Он качался, то и дело исчезая среди волн. Дважды мы полностью теряли его из виду и вынуждены были останавливаться и отчаянно озираться, прежде чем нам удавалось заметить его снова.

Сильное течение, уносившее клетку в море, увлекало вместе с ней и нас. Я понимал, что если нам не удастся быстро до нее доплыть, наши

мышцы ослабеют и мы утонем. Я как можно дольше держал эту мысль при себе, но когда огонек скрылся из виду в третий раз и мы высматривали его так долго, что уже перестали понимать, куда смотреть, я прокричал:

— Надо возвращаться!

Эмма ничего не желала слушать. Она плыла вперед, продолжая удаляться от берега. Я схватил ее за ноги, но она ударила меня пяткой и, вырвавшись, поплыла дальше.

— Они утонули! Нам их не найти!

— Заткнись! Заткнись! — кричала она.

По ее затрудненному дыханию было ясно, что она измучена не меньше меня.

— Просто заткнись и продолжай искать!

Я схватил ее и начал кричать ей что-то прямо в лицо. Эмма отбивалась от меня ногами, но я держал ее очень крепко, и наконец она поняла, что ей со мной не справиться. И тогда она расплакалась. Но это был не просто плач, это был вой отчаяния.

Я попытался тащить ее назад, к маяку, но ее вес увлекал меня под воду.

— Ты должна плыть! — крикнул я. — Плыви, или мы утонем!

А потом я увидел едва заметный красноватый проблеск. Он был совсем рядом, под водой. Опасаясь, что мне почудилось, я ничего не сказал, но огонек мигнул снова.

Эмма издала ликующий вопль. Я решил, что клетка зацепилась за очередное затонувшее судно. На чем еще она могла лежать? А поскольку она затонула всего несколько секунд назад, я сказал себе, что птицы могут быть еще живы.

Мы поплыли к огоньку и уже собрались нырять, хотя я не знал, хватит ли у нас на это сил и дыхания. Но вдруг клетка начала подниматься навстречу нам.

— Что происходит? — крикнул я. — Это затонувший корабль?

— Этого не может быть. Здесь нет никаких затонувших кораблей!

— Тогда что, черт возьми, это такое?

Это походило на всплывающего кита или на корабль-призрак, поднимающийся со дна, из своей могилы. Вода под нами вздыбилась и швырнула нас в сторону. Мы пытались бороться с этой неизвестно откуда взявшейся волной, но преуспели не больше обломков кораблекрушения, подхваченных приливом.

Нечто, шипя и лязгая, как какой-то механический монстр, возникло из воды непосредственно под нами. Разбегавшиеся во все стороны пенистые буруны подхватили нас и с силой швырнули на покрытую металлическими

решетками поверхность. Мы вцепились в решетки, чтобы нас не смыло в море. Я прищурился и сквозь тучи соленых брызг разглядел клетку, лежавшую на спине монстра между чем-то, напоминающим плавники, — один побольше, а второй поменьше. И тут по нам скользнул луч маяка, и в его свете я увидел, что это вовсе не плавники, а боевая рубка и накрытая гигантским колпаком пушка. Штуковина, на которой мы очутились, была не монстром, не затонувшим кораблем и не китом.

— Это подводная лодка! — крикнул я.

То, что она поднялась на поверхность прямо под нами, не было случайным совпадением. Именно ее появления, видимо, ожидал Голан.

Эмма уже вскочила и мчалась по ускользающей из-под ног палубе прямо к многострадальной клетке. Я с трудом поднялся и побежал следом. Накатившая на палубу волна снова чуть не сбила нас с ног.

Я услышал крик и, подняв голову, увидел появившегося из рубки мужчину в серой униформе. Он прицелился в нас из пистолета.

Пули дождем забарабанили по палубе. До клетки было слишком далеко. Он расстрелял бы нас раньше, чем мы успели бы до нее добраться, но я видел, что Эмма все равно собирается попытаться это сделать. Я настиг ее и сшиб с ног. Скатившись с палубы, мы упали в воду. Черные волны сомкнулись над нашими головами. Пули испещрили поверхность воды, покрыв ее мелкими пузырьками.

Когда мы всплыли, она вцепилась в меня и закричала:

— Зачем ты это сделал? Я почти добежала до них!

— Он бы тебя убил! — вырываясь, крикнул в ответ я.

И тут только понял, что она его даже не видела, полностью сосредоточившись на клетке. Я молча указал ей на палубу, по которой широкими шагами шел только что стрелявший в нас офицер. Он поднял клетку и потряс ее. Дверца была открыта, и мне почудилось внутри движение, внушавшее надежду на то, что птицы выжили. Тут луч маяка озарил лодку, и я смог отчетливо разглядеть лицо офицера, его изогнутые в злобной усмешке губы и бездонные белые глаза. Он был тварью.

Сунув руку в клетку, он извлек из нее одну-единственную мокрую птицу. Из рубки ему свистнул другой офицер, и он бегом вернулся к люку вместе со своей добычей.

Лодка задрожала и издала свистящий звук. Вода вокруг нас вспенилась, как будто закипев.

— Плыви, или нас сейчас засосет под воду! — крикнул я Эмме.

Но она меня не слышала. Ее взгляд был устремлен на воду у кормы лодки, и она уже плыла вдоль массивного железного корпуса.

Я попытался ее остановить, но мне это не удалось. И тут сквозь вой субмарины я услышал резкий птичий крик. Мисс Сапсан!

Она качалась на волнах, пытаясь держать голову над водой и хлопая одним крылом. Второе, похоже, было сломано. Эмма подхватила птицу, а я закричал, что нам надо спастись.

Мы из последних сил поплыли прочь. Позади нас уже разверзлась воронка водоворота. Вся вода, которую вытеснила, поднявшись на поверхность, подводная лодка, спешила вернуться на прежнее место. Море поглощало само себя, а заодно стремилось поглотить и нас. Но теперь с нами был крылатый символ нашей победы или, во всяком случае, частичной победы, и это придавало нам сил бороться с противоестественным течением. И тут мы услышали зов Бронвин. Рассекая волны, наша сильная подруга приплыла к нам на помощь и, взяв на буксир, притащила на островок маяка.

* * *

Мы лежали на скалах, хватая ртом воздух и дрожа от изнеможения. Над нами очищалось от туч небо. Миллард и Бронвин засыпали нас вопросами, на которые у нас не было сил отвечать. Они видели упавшее в море тело Голана, поднявшуюся и снова ушедшую под воду субмарину, а также барахтавшуюся в воде мисс Сапсан, но не видели мисс Зарянки. Они поняли все, что им было необходимо понять. Они обнимали нас до тех пор, пока мы не перестали дрожать. Чтобы согреть директрису, Бронвин сунула ее себе за пазуху. Немного придя в себя, мы отвязали от скалы лодку Эммы и направились к берегу.

Когда мы подплыли, все дети забежали в воду, встречая нас.

— Мы слышали стрельбу!

— Что это была за странная лодка?

— Где мисс Сапсан?

Мы выбрались на сушу, и Бронвин приподняла рубашку, показав детям пригревшуюся там птицу. Все столпились вокруг, а мисс Сапсан подняла клюв и что-то проворковала, показывая нам, что она устала, но не более того. Дети захлопали и ликующе закричали в ответ.

— Вы это сделали! — крикнул Хью.

Оливия танцевала джигу и пела:

— Птица, Птица, Птица! Эмма и Джейкоб спасли Птицу!

Но радость была недолгой. Все очень быстро осознали отсутствие

мисс Зарянки и состояние Милларда, внушающее серьезные опасения. Бронвин умело наложила ему жгут, но он успел потерять много крови и слабел на глазах. Енох отдал ему свою куртку, а Фиона предложила шерстяную шапку.

— Мы отвезем тебя в поселок, к врачу, — успокоила его Эмма.

— Вздор, — ответил Миллард. — Бедняга в жизни не встречал невидимого парня. Он не будет знать, что со мной делать, и либо начнет резать здоровую конечность, либо с криком убежит прочь.

— Ну и пусть убегает, — пожала плечами Эмма. — Как только петля переустановится, он обо всем позабудет.

— Оглядишь. Петля должна была переустановиться еще час назад.

Миллард был прав — в небе все было тихо, бой прекратился, но среди туч все еще виднелись клубы дыма.

— Дело плохо, — произнес Енох, и все притихли.

— Как бы то ни было, — продолжал Миллард, — в доме есть все, что может мне понадобиться. Просто дайте мне чуть-чуть опия и промойте рану спиртом. Кость не задета, так что через три дня я снова буду как огурчик.

— Но рана еще кровоточит, — произнесла Бронвин, указывая на капли крови на песке рядом с Миллардом.

— Значит, надо затянуть этот чертов жгут потуже!

Бронвин сделала то, о чем он просил, и Миллард ахнул так, что у всех оборвалось сердце, а потом потерял сознание прямо у нее на руках.

— С ним все в порядке? — спросила Клэр.

— Просто вырубился, вот и все, — прокомментировал Енох. — Не так он силен, как прикидывается.

— Что же нам теперь делать?

— Надо спросить у мисс Сапсан! — предложила Оливия.

— Вот именно. Посади ее на землю, чтобы она могла снова стать человеком, — заявил Енох, оборачиваясь к Бронвин. — Она ничего не сможет нам сказать, оставаясь птицей.

Бронвин посадила птицу на сухой песок, а мы все в ожидании отошли в сторону. Мисс Сапсан несколько раз подпрыгнула, хлопая здоровым крылом, а потом обернула в нашу сторону покрытую перьями голову. Вот и все. Она осталась птицей.

— Может, она хочет уединиться? — предположила Эмма. — Давайте отвернемся.

Так мы и сделали, окружив мисс Сапсан плотным кольцом.

— Все в порядке, мисс С.! — окликнула ее Оливия. — Никто не

смотрит!

Спустя минуту Хью осторожно оглянулся через плечо.

— Не-а, все еще птица, — разочарованно протянул он.

— Может, она просто очень устала и замерзла, — прошептала Клэр, и остальным не оставалось ничего другого, как согласиться с тем, что это вполне возможно.

Было решено вернуться в дом, обработать рану Милларда тем, что там найдется, и надеяться на то, что, когда директриса немного отдохнет, она снова примет свой человеческий облик, а одновременно с этим переустановится и петля.

Глава одиннадцатая

Понури́в головы, мы гуськом поднимались по крутой тропе, напоминая роту измученных войной ветеранов. Бронвин несла на руках Милларда, а мисс Сапсан ехала в похжей на гнездо шевелюре Фионы. Ландшафт был испещрен дымящимися воронками от взрывов, повсюду были разбросаны комья свежевзрытой земли, как будто здесь копала ямы какая-то гигантская собака. Мы все хотели знать, что ждет нас в доме, но произносить этот вопрос вслух никто не решался.

Мы получили свой ответ, еще не выйдя из лесу. Енох наступил на что-то твердое. Наклонившись, чтобы рассмотреть странный предмет, он поднял и показал нам половинку обуглившегося кирпича.

Детей охватила паника, и они бросились бежать по тропинке. Выбежав на лужайку, малыши ударились в слезы. Все заволокли клубы дыма. Бомба не зависла, как обычно, над пальцем Адама, но пронзила фигуру насквозь и разорвалась. Задний угол дома просел и превратился в дымящиеся руины. В обуглившейся скорлупе двух комнат догорал пожар. На месте Адама зияла свежая воронка глубиной в рост взрослого человека. Теперь было нетрудно представить себе этот дом безнадежно тоскливыми развалинами, которые я впервые увидел несколько недель назад. Спустя семьдесят лет ему предстояло превратиться в дом привидений и кошмаров.

Мисс Сапсан прыгнула с головы Фионы и начала бегать по обуглившейся траве, издавая пронзительные тревожные крики.

— Директриса, что случилось? — спросила Оливия. — Почему не произошла переустановка?

В ответ мисс Сапсан только издала очередной крик. Похоже, она была растеряна и испугана не меньше нас.

— Пожалуйста, превратитесь в человека! — взмолилась Клэр, опускаясь перед ней на колени.

Мисс Сапсан несколько раз подпрыгнула, хлопая крыльями, и, похоже, напряглась. Но ей по-прежнему не удавалось превратиться в человека. Дети испуганно столпились вокруг.

— Что-то не так, — прошептала Эмма. — Если бы она могла измениться, она уже сделала бы это.

— Может, поэтому и петля развязалась? — высказал предположение Енох. — Помните старую историю о мисс Пустельге, когда она упала с велосипеда во время дорожного происшествия? Она ударилась головой и

целую неделю оставалась пустельгой. Тогда-то и развязалась ее петля.

— Какое отношение это имеет к мисс Сапсан?

Енох вздохнул.

— Может, она тоже получила травму головы, и нам надо подождать с неделку, пока она придет в себя.

— Несущийся по дороге грузовик — это одно, а пленение тварями — совсем другое, — заметила Эмма. — Никто не знает, что сделал с ней этот ублюдок за то время, пока она находилась в его власти.

— Тварями? Во множественном числе?

— Мисс Зарянку захватили твари, — ответил я.

— Откуда ты знаешь?! — воскликнул Енох.

— Те, с подводной лодки, сотрудничали с Голаном, верно? К тому же я видел глаза одного из них. Того, кто в нас стрелял. Сомнений быть не может.

— Тогда с мисс Зарянкой можно попрощаться, — прошептал Хью. — Они ее наверняка убьют.

— Может, и не убьют, — возразил я. — Во всяком случае не сразу.

— Если я что и знаю о тварях, — заявил Енох, — так это то, что они убивают странных людей. Это у них в крови. Они иначе не могут.

— Нет, Джейкоб прав, — вмешалась в наш спор Эмма. — Перед смертью один из них сказал нам, для чего они похитили столько имбрин. Они хотят вынудить их воспроизвести реакцию, которая первоначально привела к появлению пустот. Только они хотят, чтобы на этот раз реакция была мощнее. Намного мощнее.

Я услышал, как кто-то ахнул. Все остальные замолчали. Я огляделся в поисках мисс Сапсан и увидел, что она одиноко сидит на краю воронки, на месте которой еще совсем недавно высился Адам.

— Мы должны их остановить, — произнес Хью. — Мы должны узнать, куда они отвозят имбрин.

— Как мы это сделаем? — поинтересовался Енох. — Погонимся за подводной лодкой?

У меня за спиной кто-то громко откашлялся. Обернувшись, я увидел Горация. Скрестив ноги, он сидел на земле.

— Я знаю, куда они их отвозят, — тихо произнес он.

— Что ты этим хочешь сказать? Откуда ты знаешь?

— Да какая вам разница откуда? — оборвала расспросы Эмма. — Главное то, что он *знает*. Где они, Гораций?

Он покачал головой.

— Я не знаю, как называется это место, но я его видел.

— Тогда нарисуй его, — предложил я.

Гораций на мгновение задумался, а потом с трудом встал и выпрямился. В оборванном черном костюме он походил на нищего проповедника. Шаркая ногами, он подошел к одной из куч пепла, окружавших расколотый взрывом дом, и наклонился, чтобы набрать полную пригоршню сажу. Затем в задумчивом свете луны начал широкими мазками рисовать что-то на разбитой стене дома.

Мы собрались вокруг и наблюдали за его работой. Гораций нарисовал ряд прямых вертикальных полос, поверх которых шли завитушки тонких петель. Все это напоминало ограду из колючей проволоки. С одной стороны рос густой лес. С другой — землю укрывал снег, на рисунке Горация изображенный черным цветом. Больше там ничего не было.

Закончив работу, он попятился и с отрешенным видом снова сел на траву. Эмма осторожно коснулась его плеча и спросила:

— Гораций, что еще ты знаешь об этом месте?

— Там холодно.

Бронвин отступила на шаг, чтобы лучше разглядеть рисунок Горация. На одной руке у нее сидела Оливия, ласково положив голову на плечо подруге.

— Похоже на тюрьму, — произнесла Бронвин.

Оливия подняла голову.

— Когда мы туда пойдём? — прозвучал ее тоненький голосок.

— Куда пойдём?! — в отчаянии вскинул руки Енох. — Я вижу только кучу закорючек!

— Но это место где-то существует, — обернувшись к нему, ответила Эмма.

— Но не можем же мы просто отправиться туда, где много снега, и начать разыскивать тюрьму?

— Здесь мы тоже не можем оставаться.

— Почему?

— Посмотри на состояние нашего дома. Посмотри на директрису. Нам было здесь чертовски хорошо, но это время кончилось.

Енох и Эмма спорили. Мнения остальных тоже разделились.

Енох доказывал, что они слишком долго жили вне мира, и что, стоит им уйти отсюда, как они немедленно впутаются в войну или угодят в лапы пустот, поэтому лучше оставаться там, где им все близко и знакомо. Сторонники Эммы доказывали, что и война, и пустоты сами к ним пришли, и выбора у них теперь нет. Они считали, что твари обязательно вернутся за мисс Сапсан, только на этот раз их будет гораздо больше. Нельзя было забывать и о самой мисс Сапсан.

— Надо найти другую имбрину, — предложила Эмма. — Если кто и знает, как помочь директрисе, так это одна из ее подруг.

— А что, если остальные петли тоже развязались? — прошептал Хью. — Что, если твари уже похитили всех имбрин?

— Мы не имеем права так думать. Должен же был хоть *кто-то* остаться.

— Эмма права, — вмешался Миллард, которого уложили на траву, вместо подушки подсунув ему под голову обломок кирпича. — Если альтернатива заключается в том, чтобы просто ждать, надеясь, что пустоты сюда больше не явятся, а директриса сама как-нибудь поправится, — то, по-моему, это вообще не альтернатива.

Инакомыслящих в конце концов пристыдили и заставили согласиться с тем, что дом необходимо покинуть. Теперь всем предстояло собрать то, что осталось от их вещей, а затем реквизировать привязанные в бухте лодки с тем, чтобы утром покинуть эти места.

Я спросил у Эммы, как они собираются управлять этими лодками. Ведь за последние восемьдесят лет никто из детей ни разу не покидал остров, а мисс Сапсан не могла ни говорить, ни летать.

— У нас есть карта, — произнесла она, медленно оборачиваясь и глядя

на дымящийся дом. — Конечно, если она не сгорела.

Я вызвался помочь ей разыскать карту. Обернув лица влажными тряпками, мы через разрушенную стену проникли в дом. Окна были выбиты, в воздухе пахло гарью, но при ярком свете огонька Эммы мы отыскивали кабинет. Все полки обрушились, как домик из домино, но мы отодвинули их в сторону и, присев на корточки, начали рыться в рассыпавшихся по полу книгах. К счастью, нужная нам книга была самой большой в библиотеке и найти ее не составляло труда. С торжествующим возгласом Эмма показала мне внушительный том. Выбираясь наружу, мы нашли опий и спирт, а также настоящие бинты для Милларда. После того как помогли обмыть и перевязать его рану, мы сели и начали изучать книгу. Она представляла собой подробный атлас в толстом кожаном переплете винного цвета. Страницы, похоже, были из настоящего пергамента, и на них были нанесены тщательно прорисованные карты. Это была очень красивая и невообразимо старая книга. И еще она была такая большая, что полностью покрывала колени Эммы.

— Эта книга называется Картой Дней, — пояснила она. — Тут изображены все временные петли, которые когда-либо существовали.

На открытой ею странице, похоже, была изображена карта Турции, хотя здесь не было ни дорог, ни границ. Вместо этого карту усеивали маленькие спиральки, которые, как я понял, и служили указанием на местонахождение петель. В центре каждой спирали был изображен символ, а внизу страницы, как и на обычных картах, размещалась легенда, где символы снова появлялись, теперь соседствуя со списком разделенных черточками чисел. Я указал на одно из них — 29-3-316/?-?-399 — и произнес:

— Что это, какой-то код?

Эмма провела пальцем под цифрами.

— Эта петля была завязана двадцать девятого марта триста шестнадцатого года нашей эры. Она существовала до триста девяносто девятого года, хотя день и месяц ее исчезновения неизвестны.

— Что произошло в триста девяносто девятом году?

Эмма пожала плечами.

— Тут не сказано.

Я протянул руку и перевернул несколько страниц, на этот раз открыв карту Греции, еще больше загроможденную спиралями и числами.

— В чем смысл всех этих карт? — спросил я. — Как вообще можно попасть во все эти древние петли?

— Скачками, — ответил Миллард. — Это очень сложная и опасная

затея, но скачками можно перемещаться из одной петли в другую. К примеру, за один день можно запрыгнуть на пятьдесят лет в прошлое. Таким образом получаешь доступ к целому ряду петель, которые перестали существовать за последние пятьдесят лет. Если у тебя есть необходимые средства, чтобы до них добраться, то внутри ты обнаружишь другие петли, и так далее, в геометрической прогрессии.

— Но ведь это путешествия во времени, — изумленно произнес я. — *Самые настоящие* путешествия во времени.

— Пожалуй, да.

— Так, значит, относительно этого места... — я показал на Горация, а затем на картину на стене. — Нам придется выяснить не только, где оно находится, но еще и когда?

— Боюсь, что да. А если мисс Зарянку действительно захватили твари, за которыми ходит дурная слава таких вот прыгунов по петлям времени, то вполне вероятно, что место, куда доставили ее и других имбрин, находится где-нибудь в прошлом. Это еще больше усложняет нам задачу. Их не только будет трудно найти. К ним будет невероятно опасно попасть. Наши враги прекрасно осведомлены о расположении всех исторических петель и постоянно караулят у входов туда.

— Что ж, — пожал плечами я, — выходит, очень хорошо, что с вами иду я.

Эмма резко обернулась ко мне.

— О, это чудесно! — воскликнула она и обняла меня. — Ты уверен?

— Конечно, уверен, — отозвался я.

Несмотря на всю свою усталость, дети радостно захлопали в ладоши и заулюлюкали. Некоторые бросились меня обнимать. Даже Енох пожал мне руку. Но когда я снова перевел взгляд на Эмму, то увидел, что улыбка сползла с ее лица.

Она смущенно поежилась.

— Есть нечто, что ты должен знать, — произнесла она. — Но боюсь, что когда ты поймешь, в чем дело, то откажешься идти с нами.

— Не откажусь, — заверил я ее.

— Когда мы отсюда уйдем, петля времени за нами закроется. Может случиться так, что ты никогда уже не сможешь вернуться в то время, из которого пришел. Во всяком случае это будет очень нелегко.

— Меня в том времени ничто не держит, — быстро произнес я. — Даже если бы я мог вернуться, то вряд ли захотел бы это сделать.

— Это ты сейчас так говоришь. А я хочу, чтобы ты был уверен.

Я кивнул и встал.

— Куда ты?

— Пойду погуляю.

Я не пошел далеко, а просто очень медленно обогнул двор, глядя на уже полностью прояснившееся небо с его мириадами звезд. Эти древние серебристые странницы тоже путешествовали во времени. Сколько из них представляли собой лишь эхо давно угасших солнц? Сколько звезд уже родилось, но их свет до нас еще не дошел? Если бы сегодня ночью погасли все солнца, кроме нашего, сколько сотен лет должно было пройти, чтобы мы осознали, что остались в одиночестве? Я всегда знал, что небо полно тайн, но только теперь понял, насколько полна загадками земля.

Я подошел к месту, где из леса во двор выходила тропинка. Пойдя по ней, я мог попасть домой, где все было обычным, нисколько не таинственным и вполне безопасным.

А впрочем, такой моя жизнь уже не будет, где бы я ни находился. Чудовища убили дедушку Портмана и охотились за мной. Я знал, что рано или поздно они все равно за мной придут. Что, если, вернувшись однажды домой, я увижу, что папа лежит на полу, истекая кровью? Или мама?

За моей спиной тесными группками собирались дети. Они взволнованно обсуждали свои планы. Впервые за очень долгое время эти планы касались их будущего.

Я вернулся к Эмме, которая продолжала сидеть, склонившись над огромной книгой. Мисс Сапсан крутилась рядом с ней, время от времени постукивая клювом по карте. Когда я подошел, Эмма подняла голову.

— Я уверен, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Я рада.

— Но прежде чем уйти с вами, мне необходимо кое-что сделать.

* * *

Я вошел в поселок перед самым рассветом. Дождь наконец-то перестал, и на горизонте занимался ясный день. Главная улица походила на руку с рассеченными венами. Длинные «порезы» пересекали ее там, где ливнем смыло весь гравий.

Я вошел в паб, миновал пустой зал и поднялся в наши комнаты. Шторы были задернуты, а дверь в спальню отца закрыта. Я обрадовался, потому что еще не придумал, как сказать ему то, что я должен был сказать. В итоге я взял ручку и бумагу, сел и написал ему письмо.

Я попытался все ему объяснить. Написал о странных детях и о пустотах, о том, что все рассказы дедушки Портмана оказались правдивыми. Рассказал о том, что случилось с мисс Сапсан и мисс Зарянкой, и постарался объяснить, почему должен уйти. Я умолял его не волноваться за меня.

Потом я перечитал все написанное. Бесполезно. Я понял, что он все равно не поверит ни одному слову. Он подумает, что я, как и дедушка, окончательно свихнулся. Или что я убежал из дома. Или что меня похитили. Или что я прыгнул с утесов вниз головой. В любом случае я чувствовал, что ломаю его жизнь. Я скомкал листок бумаги и швырнул его в корзину.

— Джейкоб?

Я обернулся и увидел отца. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, одетый в забрызганные грязью рубашку и джинсы. Его волосы были всклокочены, а глаза казались потухшими.

— Привет, папа.

— Я хочу задать тебе очень простой вопрос, — произнес он. — И я хотел бы услышать такой же простой ответ. Где ты был всю ночь?

Я видел, что спокойствие дается ему с большим трудом.

Я решил, что с враньем покончено.

— Папа, у меня все хорошо. Я был со своими друзьями.

Мне показалось, что я выдернул чеку из гранаты.

— НО ТВОИ ДРУЗЬЯ ВООБРАЖАЕМЫЕ! — заорал он и пошел на меня. Его лицо на глазах наливалось кровью. — Я жалею, что мы с твоей мамой позволили этому чокнутому психоаналитику убедить нас привезти тебя сюда! Потому что это обернулось настоящей *катастрофой*! Ты только что солгал мне в последний раз! А теперь отправляйся к себе и собирай вещи. Мы выезжаем на следующем пароме!

— Папа...

— А когда мы приедем домой, ты шагу не сделаешь из своей комнаты, пока мы не найдем психиатра, который не окажется полным ослом.

— Папа!

На мгновение я подумал, что мне придется просто сбежать от него. Я представил себе, как он держит меня и зовет на помощь, как меня доставляют на паром, связанного смирительной рубашкой.

— Я с тобой не поеду, — произнес я.

Он прищурился и наклонил голову так, будто плохо меня расслышал. Я уже хотел повторить свои слова, как вдруг в дверь постучали.

— Убирайтесь! — заорал папа.

Стук повторился, уже настойчивее. Он ринулся к двери и распахнул ее настежь. На лестничной площадке стояла Эмма. На ее ладони дрожал крохотный шарик голубого пламени. Рядом с ней стояла Оливия.

— Привет, — произнесла малышка. — Мы пришли к Джейкобу.

Он смотрел на них в полной растерянности.

— Что это...

Протиснувшись мимо него, девочки вошли в комнату.

— Что вы здесь делаете? — прошипел я.

— Мы просто хотели представиться, — ответила Эмма, широко улыбнувшись моему папе. — В последнее время мы очень близко познакомились с вашим сыном. И подумали, что вежливость требует, чтобы мы нанесли ему дружеский визит.

— Ну да, — пробормотал отец, переводя взгляд с одной девочки на другую и обратно.

— Он очень хороший мальчик, — продолжала Оливия. — Такой смелый!

— И красивый! — добавила Эмма, подмигивая мне.

Она начала перекатывать огненный шарик между ладонями, как игрушку. Отец, словно загипнотизированный, следил за ее движениями.

— Д-да, — заикаясь, выдавил из себя он. — Это так и есть.

— Вы не возражаете, если я разуюсь? — поинтересовалась Оливия и, не дожидаясь ответа, сбросила туфли, тут же взлетев к потолку. — Спасибо, так намного удобнее!

— Папа, это мои друзья. Те, о которых я тебе рассказывал. Это Эмма, а вон там, на потолке, Оливия.

Он сделал шаг назад.

— Я, наверное, сплю, — прошептал он. — Я так устал...

Один из стульев поднялся в воздух и подлетел к нему. За стулом следовал искусно наложенный медицинский жгут.

— В таком случае прошу вас, присаживайтесь, — произнес Миллард.

— Спасибо, — ответил папа и сел на предложенный стул.

— Что ты здесь делаешь? — прошептал я Милларду. — Тебе нельзя вставать.

— Я был тут по соседству. — Он показал мне современного вида коробочку с лекарствами. — Должен признаться, тут у вас научились делать замечательные болеутоляющие!

— Папа, это Миллард, — произнес я. — Ты его не видишь, потому что он невидимый.

— Приятно познакомиться.

— И мне тоже, — отозвался Миллард.

Я подошел к отцу и встал на колени у его стула. Папина голова слегка покачивалась.

— Папа, я уйду. На какое-то время мы должны расстаться.

— Да? И куда же ты собрался?

— В путешествие.

— Путешествие, — повторил он. — Когда ты вернешься?

— Я не знаю.

Он покачал головой.

— Совсем как твой дедушка.

Миллард взял стакан и набрал из крана воды. Он подал стакан папе, и тот его принял, как будто летающие стаканы не были чем-то особенным. Наверное, он по-прежнему был уверен, что все это сон.

— Что ж, спокойной ночи, — пробормотал он и встал.

Пошатнувшись, он ухватился за спинку стула, а потом, спотыкаясь, побрел в спальню. В дверях он остановился и обернулся ко мне.

— Джейк?

— Да, папа?

— Будь осторожен, хорошо?

Я кивнул. Он закрыл дверь. Мгновение спустя я услышал, как он упал на кровать.

Я потер ладонями лицо. Я не знал, что должен чувствовать.

— Мы помогли? — спросила с потолка Оливия.

— Не уверен, — ответил я. — Не думаю. Он проснется и решит, что ему все приснилось.

— Ты мог бы написать ему письмо и рассказать все, что хочешь, — предложил Миллард. — Все равно он не сможет нас найти.

— Я уже написал ему письмо. Но это не *доказательство*.

— А-а, — протянул он. — Я понимаю, в чем твоя проблема.

— Это такая милая проблема, — пропищала Оливия. — Хотелось бы мне, чтобы мои мама и папа *так* меня любили, что переживали бы, когда я ушла из дома.

Эмма потянулась вверх и пожала ее ручонку. Потом обернулась ко мне.

— Возможно, у меня есть доказательство, — произнесла она.

Из-за пояса платья Эмма извлекла небольшой бумажник. Вынув из него фотокарточку, она протянула ее мне. На снимке я увидел ее вместе с моим дедом, когда тот был совсем еще юным. Все внимание Эммы было сосредоточено на нем, но его мысли были где-то очень далеко. Это была грустная и трогательно-прекрасная фотография. Она полностью отражала

то немного, что я знал об их отношениях.

— Это фото было сделано незадолго до того, как Эйб ушел от нас на войну, — произнесла Эмма. — Как ты думаешь, твой папа меня узнает?

Я улыбнулся ей.

— Ты выглядишь так же, как и тогда, не состарившись ни на один день.

— Изумительно! — обрадовался Миллард. — Вот тебе и доказательство.

— Ты всегда носишь это с собой? — спросил я, возвращая ей снимок.

— Да, но мне больше не нужна эта фотография. — Она подошла к столу, взяла ручку и начала что-то писать на обороте. — Как зовут твоего отца?

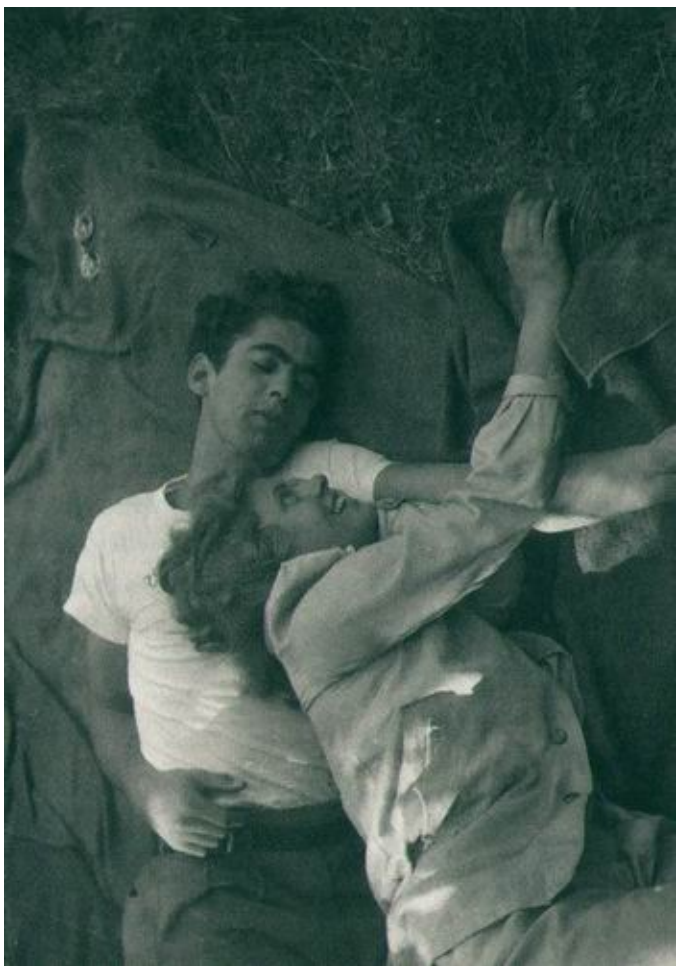
— Франклин.

Окончив писать, она протянула фото мне. Я повертел его в руках, потом, достав из мусорной корзины, дописал свое письмо, разгладил его и оставил на столе рядом с фотографией.

— Вы готовы? — обернулся я к друзьям.

Они уже стояли в дверях, ожидая меня.

— Только если ты готов, — ответила Эмма.

Дорогой Франклин!

Я была очень рада с вами познакомиться. На этой фотографии мы сняты с вашим отцом в то время, когда он здесь жил. Надеюсь, этого окажется достаточно, чтобы убедить вас в том, что я все еще жива и что Джейкоб говорит вам правду.

Какое-то время Джейкоб будет странствовать вместе со мной и моими друзьями. Мы будем стремиться обеспечить безопасность каждого из нас, насколько это возможно для таких людей, как мы. Когда-нибудь, когда опасность минует, он к вам вернется. Даю вам слово.

Искренне ваша,
Эмма Блум

P. S. Насколько я поняла, вы написали письмо, которое я много лет назад написала вашему отцу. Я поступила некрасиво и исключительно по собственной инициативе. Он подобную переписку не поощрял. Он был одним из самых благородных людей, которых я только знала.

Мы зашагали по улице, направляясь к кряжу. Приблизившись к месту, на котором я всегда останавливался, чтобы посмотреть, сколько уже прошел, я миновал его без остановки. Бывают моменты, когда лучше не оглядываться.

Подойдя к заветному кургану, Оливия погладила камни, как любимую старую собаку.

— Прощай, милая петля, — прошептала она. — Ты была к нам так

добра. Мы будем по тебе скучать.

Эмма стиснула ее плечо, и они обе, пригнувшись, вошли в туннель.

В последней пещере Эмма поднесла свой огонек к стене и показала мне то, чего я раньше никогда не замечал: высеченный в скале длинный список дат и инициалов.

— Это люди, которые использовали эту петлю до нас, — пояснила она. — И все другие дни, вокруг которых завязывалась эта петля.

Я присмотрелся и прочитал: *П.М. 3-2-1853* и *Дж. Р.Р. 1-4-1797* и едва различимое *Х.Дж. 1580*. Ниже располагались странные знаки, которые я так и не смог прочесть.

— Это руны, — пояснила Эмма. — Они невероятно древние.

Миллард поискал что-то на усыпанной щебнем земле и поднял острый камень. Используя другой камень, как молоток, он в самом низу высек: *А.С. 3-9-1940*.

— Кто это, А.С.? — спросила Оливия.

— Алма Сапсан, — ответил Миллард и вздохнул. — Это она должна была бы высекать эту надпись, а не я.

Оливия провела рукой по неровным буквам и цифрам.

— Как ты думаешь, может, когда-нибудь другая имбрина завяжет здесь свою петлю?

— Я надеюсь, — ответил он. — Я очень на это надеюсь.

* * *

Мы похоронили Виктора. Бронвин подняла его вместе с кроватью и вынесла во двор. Все дети собрались, чтобы попрощаться с ним, а сестра запечатлела на его лбу последний поцелуй и нежно укутала его покрывалом. Я вместе с другими парнями поднял кровать, и мы отнесли его в образовавшуюся после взрыва воронку. Потом мы все выбрались наружу. Задержался только Енох. Он вытащил из кармана глиняного человечка и ласково положил его Виктору на грудь.

— Это мой самый лучший солдат, — прошептал он. — Чтобы тебе не было скучно.

Человечек сел, но Енох толкнул его назад. Тогда солдатик повернулся на бок, подложил руку под голову и как будто уснул.

Когда воронка была засыпана, Фиона положила на рыхлую землю какие-то кустарники и начала их растить. К тому времени как мы закончили сборы, Адам уже был на прежнем месте. Только на этот раз он

рос на могиле Виктора.

Когда дети попрощались со своим домом, мы отправились в последний поход по острову. Некоторые из нас уносили с собой щепки, осколки кирпичей или цветы из сада на память об этих местах и этой петле. Мы прошли через выгоревший лес, через испещренное воронками болото, перевалили через кряж и спустились в поселок, затянутый дымом от горящих торфяников. В дверях домов стояли оцепеневшие от шока люди. От усталости они едва держались на ногах и, казалось, не замечали шагающей мимо них процессии странноватого вида детей.

Мы молчали, но были необычайно взволнованы. В эту ночь никто из нас не спал, но, глядя на наш отряд, догадаться об этом было невозможно. На календаре было четвертое сентября — впервые за долгое время дни снова начали сменять друг друга. Некоторые утверждали, что они это ощущают: им легче дышалось, и кровь бежала по их жилам быстрее. Они чувствовали себя более живыми и реальными.

Я испытывал то же самое.

* * *

Я мечтал о том, чтобы изменить свою обычную жизнь, но моя жизнь никогда не была обычной. Просто я не замечал, насколько она необычна. И не мог даже представить, что когда-то буду скучать по дому. Но, стоя на пристани, на очередной границе между До и После, и ожидая своей очереди сесть в лодку, я смотрел на занимающийся рассвет и думал обо всем, что мне предстояло покинуть, — своих родителей, своем городе, своем некогда лучшем и единственном друге, — и понимал, что расстаться со всем этим будет труднее, чем я себе представлял. Я думал, что у меня гора с плеч свалится, но воспоминания были физически осязаемыми и очень тяжелыми. И я знал, что мне придется повсюду носить с собой этот груз.

И все же вернуться в свою старую жизнь я не мог, так же, как дети не могли вернуться в свой разбомбленный дом. Двери с наших клеток сорвало раз и навсегда.

Десять странных детей и одна странная птица втиснулись в три прочные весельные лодки. Большую часть пожитков пришлось оставить на пристани. Когда все было готово к отплытию, Эмма захотела, чтобы кто-то из нас произнес небольшую речь. В честь предстоящего нам странствия. Но слов, похоже, ни у кого не было. И тогда Енох поднял над головой клетку с

мисс Сапсан, и она издала громкий пронзительный крик. Мы ответили на него своим собственным криком, который был победным кличем, но одновременно будто оплакивал все, что мы теряли, и тревожился о том, что нам еще предстояло обрести.

Мы с Хью сели на весла в первой лодке. Енох сидел на носу, наблюдая за нами и готовясь сменить того, кто устанет первым. Эмма смотрела на удаляющийся остров, придерживая свою широкополую шляпу. Перед нами расстилось безбрежное, покрытое легкой рябью море. День был теплым, но с моря дул свежий ветер, и я чувствовал, что готов грести хоть несколько часов подряд. Я не понимал, как подобная тишина может быть частью мира, охваченного войной.

Из следующей за нами лодки нам помахала Бронвин. Она подняла фотоаппарат мисс Сапсан. Я улыбнулся в объектив. Мы не взяли с собой ни одного из старых фотоальбомов. Возможно, этому снимку предстояло положить начало совершенно новому альбому. Мне странно было думать о том, что, возможно, когда-нибудь у меня самого накопится целая пачка пожелтевших фотографий, которые я буду показывать скептически настроенным внукам, и собственный набор фантастических историй, которыми я смогу с ними поделиться.

И тут Бронвин опустила фотоаппарат и подняла руку, показывая вдаль. Там, на безоблачно-солнечном горизонте, четко вырисовывались черные силуэты молчаливой процессии линкоров.

Мы налегли на весла.

Все фотографии в этой книге представляют собой подлинные старинные снимки. Лишь некоторые из них подверглись минимальной обработке, но в целом они помещены сюда такими, какими попали ко мне в руки. Они хранились в личных архивах десяти коллекционеров, потративших годы на создание своих коллекций. Долгие часы эти люди провели над ящиками со старыми фотографиями на блошиных рынках, в антикварных магазинах и дворовых распродажах в поисках уникальных экземпляров, запечатлевших моменты исторического значения и поразительной красоты, тем самым спасая их от безвестности и забвения. Их работа — это никому не заметный труд любви, и я считаю их непризнанными героями мира фотографии.

Список фотографий

Название Коллекционер

Невидимый мальчик Роберт Джексон
Левитирующая девочка Ефим Товбис
Мальчик, поднимающий валун Роберт Джексон
Раскрашенная голова Роберт Джексон
Эйб дремлет Роберт Джексон
Девочка в бутылке Роберт Джексон
Младенец, парящий в воздухе Питер Коэн
Собака с лицом мальчика Роберт Джексон
Девочка-змея (акробат) Роберт Джексон
Близнецы в масках Роберт Джексон
Силуэт мисс Сапсан Роберт Джексон
Мальчик в костюме кролика Роберт Джексон
Девочки на пляже Архив Танатоса
Зеркальное озеро Питер Коэн
Мальчик и его пчелы Роберт Джексон
Близнецы за едой Роберт Джексон
Эмма в темноте Мюриел Маутет
Туннель в кургане Мартин Айзек
Истребители Роберт Джексон
Мисс Сапсан автор
Мисс Зяблик Розелин Лейбовиц
Мисс Зарянка и ее подопечные Джулия Лорен
Петля мисс Зяблик Розелин Лейбовиц
Золотистые локоны Клэр Дэвид Басс
Наш изумительно красивый фейерверк Роберт Джексон
Бронвин Брантли Роберт Джексон
Девушка с курицей Джон Ван Ноат
Джилл и бобовый стебель Роберт Джексон
Модник Роберт Джексон
Мисс Иволга занимается трудными детьми автор
Куклы Еноха Дэвид Басс
Виктор Роберт Джексон
Моя взрывная Эмма Питер Коэн
На картошке Роберт Джексон

Силуэт Эммы Роберт Джексон
Вот почему Роберт Джексон
На охоту автор
Санта из универмага автор
Викторианский дантист Архив Танатоса
Марси и тварь Роберт Джексон
Видение Питер Коэн
Кар Кар Кар Розелин Лейбовиц
Эйб и Эмма Роберт Джексон
Мы налегли на весла Роберт Джексон

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить всех сотрудников издательства «Кверк» и в особенности Джейсона Рекулака за его бесконечное терпение и изобилие великолепных идей; Стивена Сегала за его внимательное чтение и тонкие наблюдения; и Дуги Хорнера, несомненно, самого талантливого из всех известных мне книжных дизайнеров.

Своего чудесного и настойчивого агента Кейт Шейфер Тестерман.

Свою жену Эбби за ту жизнерадостность, с которой она воспринимала долгие месяцы моей небритости и нервного расхаживания взад-вперед, а также ее родителей, Барри и Филлис, за поддержку, и родителей Барри, Глэдис и Абрахама, чья история выживания и вдохновила меня на создание этой книги.

Маму, которой я, разумеется, всем обязан.

Всех моих друзей-коллекционеров: необычайно щедрого Питера Коэна; Леонарда Лайтфута, познакомившего меня со всеми остальными; Розелин Лейбовиц; Джека Морда из Архива Танатоса; Стива Банноса; Джона Ван Ноата; Дэвида Басса; Мартина Айзека; Мюриел Маутет; Джулию Лорен; Ефима Товбиса; и особенно Роберта Джексона, в гостиной которого я провел множество приятных часов за изучением странных фотографий.

Криса Хиггинса, которого я считаю главным экспертом по части перемещений во времени, за то, что он всегда отвечал на мои звонки.

Лори Портера, который сделал мое собственное фото, помещенное на обложку этой книги, сфотографировав меня во время осмотра странных заброшенных лачуг в пустыне Мохаве.

notes

Этот красивый фольклорный стиль получил свое название от гор Адирондак, которые находятся на северо-востоке штата Нью-Йорк (США), где он и возник в середине XIX века. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

Амиши — религиозное движение последователей Якоба Аммана, возникшее в 1693 году в Европе. Амиши ценят сельскую жизнь, ручной труд, скромность и простоту. В настоящее время большинство из них проживает в США и Канаде.

Шафлборд — состязательная игра на размеченном корте с использованием киев и шайб.

Шредер — устройство, используемое для измельчения бумаги.

Гуакамоле — закуска из пюрированной мякоти авокадо, блюдо мексиканской кухни.

Популярные чистящие и моющие средства.

Битбоксинг — искусство создания и имитации ритмических рисунков (битов) и мелодий при помощи голосового аппарата и артикуляций органами рта.

Форт-Нокс — военная база США, на территории которой расположено хранилище золотых запасов США. Это хранилище по праву считается одним из самых защищенных в мире.

По оценкам специалистов, в стремительном пикирующем полете эта птица способна развивать скорость свыше 322 км/ч, или 90 м/с. Однако в горизонтальном полете уступает в скорости стрижу.

Cairn — в Шотландии, Ирландии и Уэльсе означает «курган».
(Примеч. пер.)

Ymbrynes — англосаксонское слово, в котором *ymb* означает время, а *ryne* — цикл. (Примеч. пер.)

Главный персонаж одноименного американского сериала, адвокат, из серии в серию с блеском доказывающий невиновность своих клиентов, находя настоящего убийцу.

Пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения.

Джеффри Лайонел Дамер (1960–1994) — американский серийный убийца, жертвами которого стали 17 юношей и мужчин в период между 1978 и 1991 гг.

Берсерк, или берсеркер (др. — исл. berserkr) — в древнегерманском и древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в ярость. В сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли.

Персонаж ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.